

Voionmaa Väinö

KURIIRIPOSTIA

Tammi, Helsinki, 1971

1869—1947

В. Войонмаа

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПОЧТА

Под общей редакцией В. Г. Ф е д о р о в а

Москва, «Прогресс», 1984

scan by Юлия Чухлома (yuchuloma)

постфотошопинг www.agroundsrb.ru

Перевод с финского языка
и комментарии
С. В. Зайчикова

Редактор О. В. Чхиквишвили

Редакция литературы по международным отношениям

© Перевод на русский язык, примечания, предисловие
издательство «Прогресс», 1984

В $\frac{0801000000-620}{006(01)-84}$ —42—84

Один из памятных рубежей на пути к 40-летию великой Победы над фашизмом — сороковая годовщина выхода из войны Финляндии. 4 сентября 1944 г. Финляндия прекратила военные действия, а 19 сентября в Москве было подписано Соглашение о перемирии между СССР и Великобританией, с одной стороны, и Финляндской республикой — с другой.

Ныне, когда между Советским Союзом и Финляндией существуют, пользуясь определением Президента Финляндской республики М. Койвисто, стабильные, основывающиеся на дружбе и взаимном доверии добрососедские отношения, это событие сорокалетней давности должно быть отмечено как первый шаг к сегодняшним широким и взаимовыгодным связям, по справедливости получившим столь высокую оценку. Не случайно выдающийся государственный деятель Финляндии Урхо К. Кекконен, человек, чье имя финский народ прочно связал с политическим курсом, которому был тогда открыт путь, — охарактеризовал события осени 1944 г. как начало новой эпохи в жизни своей страны.

Эту характеристику Урхо Кекконен дал в своем выступлении, посвященном 30-летию заключения Соглашения о перемирии между Финляндией и Советским Союзом. Тогда же он остановился на том, как возник феномен, метко названный им мезальянсом традиционно демократической Финляндии и фашистской диктатуры в Германии. У. Кекконен подчеркивал, что считает необходимым исследовать этот вопрос не для того, чтобы восхвалять прошлое или, наоборот, попытаться освободиться от него, а для того, чтобы через познание прошлого получить ключ к по-

ниманию современности *. Предлагаая советскому читателю перевод книги Вяйнэ Войонмаа «Дипломатическая почта», издательство «Прогресс» способствует достижению той же цели.

Автор книги, которую вы держите в руках, широко известный в Финляндии деятель социал-демократической партии, профессор-историк, бессменный депутат финляндского парламента с 1919 г. до конца своих дней. Был членом делегации Финляндии, заключившей в 1920 г. так называемый Юрьевский мирный договор с Советской Россией. Дважды (в 1926—1927 гг. и 1937—1939 гг.) он входил в состав правительства, в 1941—1947 гг. занимал пост председателя комиссии парламента Финляндии по иностранным делам. Вяйнэ Войонмаа не писал эту книгу так, как обычно делается при создании цельного произведения. Просто он в течение пяти, пожалуй, самых трудных в истории Финляндии лет более или менее регулярно направлял письма своему сыну Тапио Войонмаа, занимавшему в то время пост финляндского посланника в Швейцарии. Письма эти, сохранившиеся в семье Войонмаа (Т. Войонмаа уже давно нет в живых), и были собраны в книгу, которая вышла в Финляндии в 1971 г.

Читатель может задать вопрос: стоило ли предлагать ему столь старую книгу? Ответ хотелось бы начать опять-таки словами У. Кекконена: «...оживленная дискуссия относительно участия Финляндии во второй мировой войне не прекращается». Так обстоит дело и сегодня. А поскольку дискуссия проходит в совершенно конкретной, современной политической обстановке, она, хотя бы того ее участники или нет, — часть той идеологической и политической борьбы, которая ведется ныне в мире.

6 июня 1983 г. в речи на обеде в честь Президента Финляндской Республики М. Койвисто Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропов отмечал: «Сторонникам усиления международной напряженности и безудержной гонки вооружений, проповедникам культа политики силы, охотникам командовать другими народами, запугивая их признаком «советской угрозы», не по душе советско-финляндские отношения. Это и понятно: ведь наши отноше-

* См. У. К. Кекконен. Финляндия и Советский Союз. Речь, статьи, интервью 1952—1975 гг. М., 1975, с. 221—230.

ния — неоспоримое доказательство беспочвенности всего того, что отравители международной атмосферы пытаются внушить народам» *.

А теперь снова вернемся к У. Кекконену. Он считал необходимым напоминать о том, что, хотя для подавляющего большинства финнов дружественные отношения с Советским Союзом «являются естественным и само собой разумеющимся положением вещей», все же в Финляндии «еще есть силы, правда, малочисленные, но громогласные, которые хотят нанести и наносят вред нашим добрососедским отношениям». Он указывал, что это люди, «копающиеся в старых воспоминаниях», и говорил, что «не следует закрывать глаза на эти явления».

По мере приближения 40-й годовщины выхода Финляндии из второй мировой войны в очередной раз стала ощущаться активизация этих самых «малочисленных, но громогласных сил», которым по-прежнему не по душе дружественные советско-финляндские отношения. Снова все чаще и чаще мелькают в финской печати статьи и мемуары, главная цель которых — путем «копания в старых воспоминаниях» идеализировать войны, которые Финляндия вела против Советского Союза. И хотя понятие «исконный враг» в них теперь, как правило, уже не встречается, они всем своим подтекстом стараются исказить историческую правду в умах прежде всего того поколения финнов, особенно нынешней молодежи, которое не имеет, да и не может иметь собственного опыта в отношении прошлых войн.

Можно было бы привести немало примеров такого рода «просветительской деятельности». Ограничимся лишь одним, пожалуй, наиболее показательным. В 1982 г. вышла в свет солидная по объему книга «Финляндия в войне». Внешне все в ней в порядке: обильный фактический материал, поданный с подчеркнутым объективизмом, богатейшие иллюстрации, великолепное полиграфическое исполнение. Но за всем этим — в подборе и группировке материалов, в тональности внешне беспристрастных комментариев, даже в выборе авторов, чьи идейно-политические позиции хорошо известны, в основном весьма однородны и определяют общую направленность книги — отчетливо прослеживается та самая тенденция, о которой сказано выше.

* Правда, 1983, 7 июня.

И это не удивительно: ведь издатель книги — финляндский филиал американского концерна «Ридерс дайджест», гигантского пропагандистского спрута, опутавшего своими шупальцами чуть ли не весь земной шар.

— Ну и что же? — скажет читатель. — Нам-то что до того, что пишут в Финляндии? У нас есть труды советских ученых, есть воспоминания советских участников этих событий, и для нас это достаточный противовес потугам всяческих фальсификаторов истории.

Да, это верно. Но вместе с тем наши связи с бывшим противником, а ныне добрым соседом — Финляндией сейчас столь широки, что тысячи и тысячи граждан обеих стран, преодолевая языковой барьер, буквально повседневно общаются друг с другом. И поскольку в этом общении тема отбушевавшего вооруженного конфликта не может не возникать, нам, советским людям, очень важно располагать не только теми материалами, в которых говорится, что о прошлой войне знаем и думаем мы сами, но и теми, где рассказано, что о ней знают и думают финны.

Но почему все-таки именно переписка Вейно Войонмаа со своим сыном? Ведь существуют же добросовестно выполненные исследования финских ученых на эту тему, наконец, финская мемуарная литература в собственном смысле этого слова.

Да, все это, конечно, есть. Но у писем В. Войонмаа по сравнению с ними огромное преимущество. Прежде всего то, что они написаны сразу же по следам событий, а не задним числом, когда было время что-то переосмыслить и исправить под влиянием фактов более позднего происхождения. Эта книга, по существу, дневник В. Войонмаа, с той лишь разницей, что он вел его не для себя, а для сына. Но еще большее значение имеет то, что в письмах — его собственные ощущения, процесс постижения им объективной истины, выработки на этой основе своего личного отношения к событиям и выводов на будущее. А откровенность, свойственная письмам отца к сыну, широкая информированность Войонмаа о происходивших тогда политических событиях, вытекавшая из его общественного положения (чисто военных событий он касается мало, так что книга эта — прежде всего о политических аспектах войны), и, наконец, эрудиция и аналитические навыки профессора истории делают этот сборник писем поистине уни-

кальным средством постижения и тогдашних событий, и в еще большей степени отношения к ним финнов.

В письмах В. Войонмаа нет никакого «копания в старых воспоминаниях», в них все предстает таким, как было в те военные годы. Автор писем, правый социал-демократ еще довоенного толка, отдает в них дань откровенному антикоммунизму и глубоко укоренившимся страхам перед единственным в то время реальным, хотя и частичным, воплощением коммунистических идеалов — Советским государством, создающим, как ему представляется, опасность «большевизации» Европы. Националистические (и даже шовинистические) настроения (особенно в первый, успешный для Финляндии период войны) проявляются в его отношении к планам присоединения к Финляндии Советской Карелии и некоторых других районов СССР. Бросается в глаза идеализация так называемой «западной демократии» и ее главных столпов — США и Англии.

По мере того как В. Войонмаа осмысливает события военного времени, некоторые из его представлений в корне не меняются, другие трансформируются, но важно отметить, что неизменной остается его четко антифашистская и антивоенная позиция. Тут Войонмаа непоколебим, хотя, и это опять-таки черта правого социал-демократа, последовательно занимая эту принципиальную позицию, он оппортунистически трактует ее почти всегда, когда от него требуются практические действия.

И еще одна линия неизменно прослеживается в письмах. При всех своих предубеждениях и заблуждениях Войонмаа последовательно выступает за осознание своими соотечественниками необходимости жить в мире с Советским Союзом, иметь с ним добрососедские отношения. Неудивительно поэтому, что, рисуя картину умонастроений в Финляндии в тот период, он все время как бы делит их на два потока: один, сначала господствующий, а затем постепенно слабеющий, — тенденция видеть в Советском Союзе «исконного врага», о которой уже говорилось; другой — сначала почти задавленный всей политической атмосферой тогдашней Финляндии, а затем, по мере успехов всемирной антифашистской битвы, все более набирающий силы, чтобы позднее, уже после смерти самого Войонмаа, завоевать на свою сторону, как констатировал У. Кекконен, «подавляющее большинство финского народа».

Откровенно раскрывая свои собственные убеждения и

мысли, Войонмаа столь же откровенно рисует политические, а зачастую и общечеловеческие портреты людей, которые в то время определяли политику Финляндии или в той или иной степени оказывали на нее влияние. Это одна из интереснейших сторон его писем, так как вряд ли в какой-либо иной книге можно получить столь непосредственные характеристики этих людей, хотя, конечно, они окрашены и личным отношением к ним и их делам самого Войонмаа, и в большой степени — темпераментом автора.

Видимо, в этом отношении особый интерес представит для читателя то, что пишет В. Войонмаа о Ю.-К. Паасикиви, поскольку, во-первых, это имя известно советской общественности лучше других, встречающихся в книге (за исключением У. Кекконена), а во-вторых, роль Паасикиви в развитии советско-финляндских отношений была в описываемый период действительно очень велика — он фактически являлся центральной фигурой среди тех сил (в социал-демократических и буржуазных кругах), которые выступали за восстановление мира и налаживание добрососедских отношений с Советским Союзом. Об этом необходимо еще раз напомнить, так как некоторые места корреспонденции Войонмаа могут вызвать у читателя определенное недоумение.

Дело в том, что изложенные в них позиции Паасикиви расходятся с тем политическим образом этого выдающегося государственного деятеля Финляндии, который складывался у нас в течение длительного времени. Однако по существу никакого противоречия здесь нет, если иметь в виду ту противоречивость, которая вообще была свойственна деятельности Паасикиви. Представитель правого крыла финляндской буржуазии, он был в то же время одним из последовательных проводников внешнеполитического курса, который исходя из уроков истории и географических факторов считал соответствовавшим жизненным интересам своей страны и поэтому едва ли не фатально неизбежным. Но и у Паасикиви, о чем как раз и свидетельствует Войонмаа, были периоды, когда его первое, буржуазное «я» под влиянием обстоятельств брало верх над его вторым — внешнеполитическим «я».

Вряд ли стоит столь же подробно останавливаться на других примерах формирования в результате чтения писем Войонмаа представлений о тех или иных деятелях Финляндии военного периода. Следует учитывать, что книга писем

Войонмаа, хотя ее текст и написан пером профессора истории, — не историческое исследование, а лишь материал для него, коль скоро кто-либо из читателей окажется к нему склонен.

Теперь несколько слов о предлагаемом читателю переводе книги. Следует сказать, что в русский перевод включен далеко не весь текст изданной в Финляндии книги, и на это был ряд веских причин. Начнем с того, что объем финского издания очень велик, и это, как отмечалось в Финляндии при выходе книги, затрудняет ознакомление с ней. Для советского же читателя в ней много таких фактов, которые остались бы совершенно непонятными, не будучи снабжены пространными комментариями, которые в ряде случаев значительно превысили бы по объему сами комментируемые места. Пойти на это было невозможно, не рискуя раздуть издание до неприемлемых размеров. Произведенные сокращения не только не наносят ущерба книге, а, наоборот, облегчают знакомство с тем материалом, который относится к проблематике советско-финляндских отношений и представляет для советского читателя наибольший интерес.

Читателю стоит обратить внимание и на то, что В. Войонмаа очень часто цитирует высказывания третьих лиц. Как правило, он делает это таким образом, что легко можно отличить такой текст от того, что хочет сказать сам автор. Но местами он дает волю своему темпераменту и, пропизируя над тем, что пересказывает, передает чужие слова как бы от своего имени. Чаще всего такой текст не трудно уловить, но иногда в него приходится вчитываться особенно внимательно.

Известную трудность для читателя составят и довольно длинные фразы. Видимо, следуя за ходом своей мысли, автор не хочет делить ее на части, хотя бы этого и требовали законы литературного стиля. Но всегда следует помнить, что он писал не книгу, а письма сыну... Переводчик же и редакция попытались везде, где практически оказалось возможным, сохранить стиль автора.

Нет сомнений, что при чтении такого необычного текста у читателей может возникнуть целый ряд вопросов, связанных с упоминаемыми в нем именами, фактами, событиями. Ответы на некоторые из вопросов, которые можно было предвидеть в ходе перевода и его редактирования, даются в примечаниях. Составители примечаний делают

это в форме фактических справок, избегая вступать в прямую полемику с автором, даже если с позиций советских читателей его утверждения и выводы представляются совершенно ошибочными.

Но есть один вопрос, на котором нельзя не остановиться особо, так как он носит принципиальный характер. Из писем В. Войонмаа не трудно сделать вывод о чуть ли не решающем значении для выхода Финляндии из войны тех позиций, которые по отношению к ней занимали США и Англия.

Такой вывод был бы в корне ошибочным. В послевоенной литературе уже приводилось множество фактов, свидетельствующих об отходе правящих кругов США и Англии от общей линии союзнических отношений с СССР в борьбе против фашизма. Можно с полным основанием утверждать, что в прямом противоречии с этой линией находились позиции США и Англии по отношению к Финляндии. Более того, можно считать установленным, что то покровительство, которым финские правящие круги пользовались у этих держав в период советско-финляндской войны 1939—1940 гг., в определенной степени сохранялось и после того, как Финляндия в 1941 г. приняла участие в гитлеровской агрессии против СССР.

Сначала правящие круги Англии и США по сути дела оправдывали действия финских союзников гитлеровской Германии, ставивших целью добиться реванша за поражение в «зимней» войне. Известно, что в государственном департаменте США в то время обсуждался не вопрос о давлении на Финляндию с целью побудить ее не выступать против Советского Союза, а мероприятия по... оказанию помощи Финляндии в ее войне против СССР. Практически американское правительство так и не предприняло сколько-нибудь серьезных и эффективных мер для того, чтобы заставить Финляндию выйти из войны. Что же касается английского правительства, то лишь все возроставшее значение советско-германского фронта для судеб второй мировой войны привело его к решению объявить войну Финляндии в числе других стран — сателлитов гитлеровской Германии. Довольно точно высказался по этому вопросу У. Черчилль, который 20 марта 1943 г. писал И. В. Сталину: «...Хотя моя собственная информация... сводится к тому, что финны, вероятно, еще не созрели для переговоров, я все же считаю, что события на Вашем фрон-

те в течение ближайших нескольких месяцев решат этот вопрос для них...» *

Закончить это введение к переводу книги писем В. Войонмаа хотелось бы ссылкой на письмо, которым заканчивается русский перевод. В нем Войонмаа говорит о стремлении подлинных финских патриотов, наученных опытом истории, к прочной дружбе с Советским Союзом и к созданию в Финляндии во имя ее собственного счастья оплота против всех тех, кто пытался бы использовать ее против Советского Союза. Этой благородной цели содействовал заключенный между СССР и Финляндией уже после смерти В. Войонмаа Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, который олицетворяет совпадение коренных, объективных интересов советского и финляндского народов, долговременных целей внешней политики СССР и Финляндской Республики.

* Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. М., 1976, изд. 2-е, т. 1, с. 128—129.

ПЕРЕМИРИЕ¹ И ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ВОЙНЫ

Хельсинки, 18.3.1941

Дорогой сын!

Как мы и договаривались, начинаю с тобой переписку по дипломатическим каналам. Перехожу сразу к делам государственным, а личные вопросы оставляю для обычной почты.

Так вот, вчера вечером я долго просидел дома у Юхо Кусти Паасикиви. Его супруга уже приводит квартиру в порядок, так как семейство намерено туда перебраться. Паасикиви хочет пробыть в Хельсинки до конца этого месяца, съездить затем в Москву² и вернуться в конце апреля. Он планировал возвращение лишь на конец мая, но после неприятных разговоров здесь решил уйти с должности как можно скорее. Кое-кто³ с его взглядами не согласен. Грубо говоря, Паасикиви таким образом выбрасывают за борт. Кто придет на его место — неизвестно. Каяндер⁴ назвал мне Хенрика Рамсая⁵, а я сообщил об этом Юхо Кусти.

Кивимяки⁶ тоже здесь. То ли в воскресенье, то ли в понедельник утром он и Паасикиви были у Ристо⁷, где присутствовал также Рангель⁸, а позднее появился и Виттинг⁹. Как рассказал Паасикиви, Кивимяки изложил относительно помощи Германии лишь самые общие аргументы. Однако и этого было достаточно, чтобы убедить Ристо и других в том, что Германия наверняка окажет помощь. Паасикиви рассказал также, что он с глазу на глаз предупредил Кивимяки о том страшном риске, которому тот подвергнет себя, если не сможет представить доказательств обещания со стороны Германии прислать сюда свои дивизии. На это Кивимяки ответил, что он не мог и не может дать подобные заверения, а сообщает лишь о том, что ему стало известно.

После этого Паасикиви упрекнул Кивимяки за то, что тот не высказал своего мнения по данному вопросу, как это следовало бы сделать настоящему дипломату. Пааси-

киви считает донесения Кивимяки главным фактором той слепой веры в немцев, которая здесь господствует. Говорят, что здесь все, вплоть до Ристо, убеждены, что Германия и Россия будут воевать¹⁰. А тогда и здесь вступят в игру...

Паасикиви не надеется на помощь Германии. Он не верит, что Германия захочет в данный момент распространить мировую войну на Российское государство... Паасикиви не возражал бы против вступления в войну, если бы была уверенность в достаточно эффективной помощи немцев. Но ее нет. Он несколько раз повторил, что он старый друг Германии, и указал, что немецкая гегемония в нашей стране означает внутриполитическую фашизацию и что у него нет оснований отвергать помощь Германии, даже если мир и безопасность будут обеспечены таким путем не более чем на пару десятилетий. И все же «отчизны ради» сейчас нельзя идти ни на какой риск и кидаться, зажав глаза, в войну, результатом которой, останься мы одни, будет несомненный конец отчизны.

Он знает, что его голос — это глас вопиющего в пустыне. Даже Маннергейм¹¹, с которым у него был длительный разговор, уверен в помощи Германии и не боится войны. Паасикиви же рисовал ужасные картины: как задыхается наша экономика, голодает народ, недовольны рабочие и как в подобной обстановке нельзя с успехом воевать. Он указал на то, сколь опасно пытаться справиться с таким положением силами полиции, ибо это легко может привести к нежелательной интервенции. И я сделал вывод, что в таких условиях он лично не очень-то верит в победоносную войну.

По своей старой привычке Паасикиви занялся и персональной критикой. Он пренебрежительно отозвался о Пакаслаhti¹², так как тот протестовал против заключения мира в марте 1940 г.¹³ «Если он хотел тем самым определить собственную политическую линию, то он плохой дипломат, а если сделал это из партийно-политических расчетов, то у него просто дурной характер». О Таннере¹⁴ он сказал, что его невозможно воспринимать как государственного руководителя. Таннер теперь — один из первых представителей «партии войны», поскольку он не примиряет, а идет напролом. Вплоть до войны. Виттинга Паасикиви считает неопределенной личностью, которая не руководит ничем. Все определяет Рюти.

Итак, ты видишь, что делается в стране. У меня есть основания считать, что здесь и не пытаются развивать дружественные отношения с Россией. Паасикиви рассказывал: в Кремле говорят, что сейчас между Россией и Финляндией идет «торговая война» (в торговле фактически действительно застой). Но когда я сегодня сказал в комиссии парламента по иностранным делам, что слышал, будто торговля находится в состоянии застоя, то Виттинг заявил, что это — совершенно безосновательные рассуждения какой-то «безрассудной» личности и что торговля идет так, как она может идти с компаньоном, подобным России. Так что никаких проблем!

К этому могу добавить, что сегодня вечером встретил на празднике Высшей школы общественных наук Хеллу Вуолийоки¹⁵. Как она мне сообщила, вся торговля идет через нее и русские проявляют большое дружелюбие и желание вести дела в благоприятном направлении. Это видно, например, из того, что недавно они отказались от обещанной им в Финляндии партии масла и согласились принять вместо него древесину для производства бумаги: этим они, видимо, хотели помочь Финляндии справиться с продовольственными трудностями...

А вообще-то мое мнение об обстановке в нашей стране в целом таково: мы находимся на пороге серьезного как внутриполитического, так и внешнеполитического кризиса. Сегодня парламент решил перенести обсуждение вопроса о создании запасов горючего, поставленного правительством, на период после следующих выборов...¹⁶ Правительство потерпело в парламенте первое тяжелое поражение, и следствием его, несомненно, станет отставка В. А. Котилайна¹⁷. А жаль! Во всяком случае, в связи с русскими делами, к которым, как говорят, Котилайн подходит с большим пониманием. Предполагаю, что преемником его станет Вяйнэ Таннер, который был бы лучшим из кандидатов на это место.

Но тут есть две трудности: Москва и Аграрный союз¹⁸, особенно первая, так как она могла бы расценить это как демонстрацию. Да еще в такое время!

Но у правительства на подходе два орешка куда покрепче: «закон о чрезвычайных полномочиях», проект которого в конституционной комиссии получил девять голосов «за» и восемь — «против». И поскольку, согласно требованиям конституции, для одобрения законопроекта

такого характера требуются голоса не менее $\frac{5}{6}$ депутатов парламента, решение вопроса может быть перенесено на рассмотрение парламента следующего созыва всего тридцатью с небольшим голосами, то так может и случиться... А затем — проблема компенсации владельцам земельных участков, с которой может произойти то же, что и с законопроектом о создании запасов горючего.

Таких пинков не выдержит никакой кабинет. Но если сложится подобная ситуация — что весьма вероятно, — то возникнет вопрос: что делать? Кто станет новым премьер-министром? И не будет ли новое правительство еще более пронацистским, чем нынешнее?.. Не могут ли прийти к выводу, что, поскольку парламент не одобряет предложений правительства, а эти вопросы невозможно передать на решение народу путем проведения новых выборов, поскольку «прописка переселенцев»¹⁹ и списки избирателей не в порядке», не останется ничего иного, кроме... диктатуры!..

Я считаю, что в такое время социалисты должны попытаться удержаться в любом правительстве, кроме диктаторского.

Ситуация здесь, таким образом, грустная. Все следят за схваткой и, вероятно, побегут за тем, кто победит...

Хельсинки, 31.3.1941

Пожалуй, стоит, между прочим, рассказать о «Кёниге»*, если ты знаешь, что это за место. Пошел я туда по приглашению, а там меня и еще одного приглашенного (Юхо Кусти)²⁰, да и третьего — длинного черного Рейнхольда²¹ — ожидал накрытый к завтраку стол и горячительные напитки, так как хозяевами были господа из Алко²² — Эмиль, Мауно, Я. В. К.²³ и еще один, рангом поменьше. Из всего этого получился весьма «одухотворенный» симбиоз или симпозиум, на котором прошлись по делам всего мира...

Триумфатором был, конечно, Юхо Кусти: нужно же и ему иметь свои триумфы, хотя бы в кабачках, в то время как другие блистают в правительственных креслах и на

* Ресторан в Хельсинки. (Здесь и далее в сносках примечания редактора финского издания.)

ораторских трибунах. Все клялись ему в верности и дружеских чувствах, но, как только встал вопрос о более конкретных мерах в его поддержку, Я. В. К. тут же исчез. Да и хозяева наши не расписались в векселях Юхо Кусти, хотя и великолепно за все расплатились... Видимо, Юхо Кусти больше не поедет на свою «большую дальнюю дачу» *, а если и поедет, то сразу же вернется...

Хельсинки, 17.4.1941

Похоже на то, что во внешней политике ничего не происходит, во всяком случае — ничего такого, о чем было бы сообщено комиссии парламента по иностранным делам либо частным лицам. Хотя об одном деле кое-что рассказать следует. На прошлой неделе нас — маму и меня — пригласили на обед к Елисееву²⁴ в советское посольство. Среди приглашенных была «шестерка»²⁵ с супругами (Ампуя, правда, не пришел), Хело²⁶ с супругой, жена Маури Рюмя²⁷ и, кроме того, Хелла Вуолийоки, Свенто, Юрьё Рууту²⁸, капитан Шильдт²⁹ — вот, кажется, и все. Мы с матерью — на почетном месте. Стол — с икрой, прекрасный! Напитков — полно. Беседа — в основном по-русски — очень оживленная, слегка богемная. В заключение — кинофильм на спортивную тему. А теперь — главное. Елисеев пригласил в отдельную комнату побеседовать. Переводил Петров. Сначала Елисеев похвалил тебя: умный человек, талантливый дипломат (за столом он это же сказал и маме). Я тоже выслушал комплимент: не только здесь, но и в Москве они считают меня искренним сторонником добрососедства (так оно и есть)...

Затем взял слово я. Сказал, что всегда выражал всем советским представителям свое недоумение по поводу неодобрительного отношения Советского Союза к сотрудничеству Финляндии и Швеции в интересах обеспечения их нейтралитета, хотя для всех должно быть аксиомой, что уж кто-кто, а Швеция стоит за мирные добрососедские отношения Финляндии с Россией и что Финляндия, став партнером Швеции, не соскользнет на юг³⁰. Поэтому

* Имеется в виду посольство в Москве.

именно такое сотрудничество лучше всего могло бы гарантировать, что война не распространится на берега Ботнического залива и Финляндия не станет полем битвы третьих держав. Тогда собеседник преподнес мне сюрприз, заявив, что это обстоятельство уже привлекло к себе внимание и в Москве решено этот вопрос еще раз обсудить. Затем мы долго говорили о торговых делах, и я заявил, что наша программа — «сначала торговля, а затем политика» (т. е. с помощью хорошей торговли можно прийти и к хорошей политике), тогда как их программа обратная — «сначала политика, а затем торговля»... После меня Елисеев говорил со Свенто, но об этой беседе я ничего не знаю — со Свенто мне переговорить не удалось.

Больше о политике мне сказать нечего, кроме того, что внутриполитическая обстановка по-прежнему неясна. Закон о чрезвычайных полномочиях все еще в Большой комиссии парламента... Наша фракция — за него... У нас фактически уже существует «тихая» диктатура. Что из того, если ее до конца этого года еще чуть-чуть расширят и закрепят законом...

Паасикиви все еще в Хельсинки. Очевидно, если бы его попросили, он остался бы посланником в Москве. Вот этого-то мы потихоньку и пытаемся добиться. В нашей фракции общий настрой именно таков, но Таннер и Сюльви-Кюллики Кильпи³¹ — за линию Виттинга, а Таннер еще и выступает против «паники», которую якобы сеет Пеккала (и, очевидно, я тоже). Как я уже сказал, во фракции разговоры идут в том же направлении, что и мысли Пеккалы, да и мои тоже, но как будут там голосовать, за это я не поручусь. Успехи Германии поколебали даже самых принципиальных социалистов. Здесь происходит невидимая глазу, но весьма активная борьба идей. Ничего предсказывать не буду, однако твердо убежден, что если Германия нападет на Россию, то ничто не удержит финских «братьев по оружию»³² и полагающихся на силу политиков от агрессивной «обороны». Даже считающиеся умными социалисты в восторге от последней войны³³, которая была не только «победоносной», но и вообще, дескать, дала самостоятельность и свободу Финляндии. В своих выступлениях я провожу идею о том, что единственная наша политика — не наделать глупостей. По-моему, это весьма нужный лозунг. К счастью, есть еще небольшая группа таких, как мы, стоящая на подобных позициях...

Я только что (все еще возбужденный) пришел из парламента с совещания, на котором Рангель и Виттинг ознакомили председателей фракций и комиссии по иностранным делам с общей обстановкой. Рангель нарисовал мрачную картину положения дел с продовольствием, государственными финансами и «законом о чрезвычайных полномочиях». Даже если учесть все возможности — и собственные запасы, и закупки за границей, и т. п., — то и тогда дефицит до нового урожая составит 50 тысяч тонн, причем будет израсходовано даже семенное зерно. Если и можно откуда-то получить помощь, то только из Швеции. О России ничего не говорилось, упоминалось лишь, что в торговом договоре предусмотрены поставки 70 тысяч тонн зерна, из коих поступила для начала лишь ничтожная часть. Вместе с тем в Москве наблюдается некоторый рост благожелательности по отношению к нам, и туда посланы люди, чтобы привести соглашение в действие. Что-то из этого выйдет? Положение с мясом отвратительное и таким останется. Благополучно лишь с сахаром, которого вполне хватит до осени. Несколько улучшилось снабжение маслом, а также некоторыми видами семян. Табака хватит на семь месяцев, и это очень выгодно государству, которое получает с каждой марки, затраченной на табачные изделия, 7 марок прибыли.

Положение с финансами, насколько я понял, еще более жалкое. Расходы на этот год даже при использовании всех возможностей дадут дефицит в 8 миллиардов марок. Предполагалось, что военные расходы за первый квартал текущего года достигнут лишь 175 миллионов марок в месяц, а фактически они составили 550 миллионов — такова реальность. Где же взять деньги?..

Затем слово получил Виттинг. Он изложил свое личное мнение по четырем вопросам (ни о чем другом не говорилось, так как обсуждение вопросов еще «не завершено». Такая ситуация, похоже, всегда бывает в министерстве иностранных дел, когда что-то надо сообщать парламенту): 1) Из «союза» (это слово неудачно применил сам Виттинг) Финляндии и Швеции ничего не получится, поскольку «большие соседи»³⁴ против него или же он им просто не нравится (я отметил, что Виттинг не сказал четко, будто «большие» прямо возражают против него или

используют его как повод для угроз). 2) Нет сведений о конфликте между Германией и Россией, угрозы войны не видно («как жаль» — было написано на всех физиономиях), поскольку Россия всегда уступает Германии. 3) Война³⁵ будет продолжаться, и хорошо еще, если она закончится осенью 1942 г. 4) Похоже, приближается такое время, когда от все еще стоящих в стороне от войны малых стран, какими в Европе остаются лишь Швеция, Финляндия и, пожалуй, Испания (почему не были упомянуты Швейцария и Португалия, не знаю, может быть, это просто забывчивость), потребуют определить свою позицию. По своему обычаю Виттинг представил дело так, что всемирная борьба ведется вокруг вопроса об экономической системе. Будто бы в Англии хотят придерживаться старой системы, а Германия-де желает, чтобы был один большой континент, на котором под руководством одной из стран экономика развивалась бы с пользой для всех (обрати внимание на постановку вопроса: под руководством одной, дескать, с пользой для всех). И таким образом, ни для кого не может остаться неясным, на чью сторону должна встать Финляндия, если ей придется определять свою позицию.

Затем немного подискутировали. Салминла, который присутствовал на совещании вместе с Каресом³⁶, очень ругал поездку в Финляндию Гюнтера³⁷, так как она, по имеющимся у него абсолютно точным данным, неприятна для Германии. Виттинг и Рангель ответили, что поскольку наличие у Финляндии средств к существованию в столь большой степени зависит от Швеции и поскольку Виттинг посетил Швецию не далее, как в марте, то поездка Гюнтера была вполне естественной...

После этого Арнио³⁸ осмелился спросить, соответствует ли действительности слух, будто в Финляндии вербуют людей для Германии. Виттинг свел все к мелочам: завербованы 86 моряков для плавания в Балтийском море, да и они-то в основном принадлежат к этаким «интернациональной публике». Делалась попытка завербовать несколько сотен рабочих-металлистов, но от нее отказались. То есть ничего нежелательного не произошло. В Турку приходили немецкие военные транспорты, но через Финляндию в Северную Норвегию проследовала всего пара тысяч солдат. И так далее. Словом, все хорошо...

А страна полна слухов, и замешательство все параста-

ет. К тому же еще весна холодная, и сельскохозяйственные работы запаздывают. Да и в парламенте распри (среди всего этого видимого единодушия!).

Хельсинки, 22.5.1941

На прошлой неделе Виттинг наконец пришел в комиссию парламента по иностранным делам. Он высказал там те же соображения, которые за неделю до этого излагал на нашем совещании у председателя парламента Хаккила и о которых, помнится, я тебе уже рассказывал...

Затем Виттинг преподнес визит Гюнтера в Финляндию таким образом: поскольку он, Виттинг, уже трижды посещал Швецию, был бы желательным ответный визит в Финляндию, главным образом для того, чтобы Швеция могла получить у президента и других видных деятелей доказательства, что в Финляндии не вынашивается никаких мыслей о реванше. Гюнтер как раз и получил необходимые заверения.

После этого от Виттинга потребовали объяснить, известно ли правительству что-либо о распространившихся по всей стране слухах, согласно которым в Финляндии вербуются для отправки в Германию молодые люди. Вопросы главным образом задавал Атос Виртанен³⁹ из газеты «Арбетарбладет»⁴⁰, заявивший, что, насколько ему известно, вербовочное бюро располагается рядом с канцелярией Шведской народной партии и туда все время идут люди. Студенты, школьники и т. п. с воодушевлением записываются в это новое «егерское движение»⁴¹, в которое, как говорят, берут на основе двухгодичного договора. Парни без паспортов и прочих документов проходят на немецкие суда, привозящие в Финляндию солдат из Германии, и беспрепятственно отбывают на эту «патриотическую службу», целью которой, видимо, является не защита демократии и вряд ли защита самостоятельности Финляндии, а нечто иное.

Министр дал разъяснение следующего рода: когда в Норвегии сражались против немцев, туда направились финские добровольцы⁴². И когда посланник фон Блюхер⁴³ пришел с жалобой по этому поводу, Виттинг мог заверить его, что правительству Финляндии ничего об этом неизвестно. Он и сейчас не желает ничего знать о всех этих

отъезжающих в Германию. И точка. Приходилось ли тебе слышать более циничное заявление?

Естественно, что дискуссию с ничего не знающим министром продолжать было нельзя, и он вскоре исчез из комиссии. Однако после его ухода дискуссия некоторое время продолжалась, и Карес объявил, что все мы полны мыслями о реванше... Когда же я в связи с этим высказал мнение, что визит Гюнтера ставил целью выяснение не реваншистских тенденций, а наших намерений отвоевать Карелию⁴⁴ в случае возникновения войны между Германией и Россией, то Карес громогласно провозгласил, что, конечно, в Финляндии не найдется ни одного мужчины, который в этом случае не взялся бы за оружие. Я сразу высказал уверенность, что и в этом случае большая часть финского народа будет против войны.

На этом дискуссия и закончилась, но потом ко мне зашел Хельяс⁴⁵ и сказал, что мы, конечно, не сможем избежать войны в случае конфликта между Германией и Россией... Из этого я сделал вывод, что воинственный дух прочно укоренился и в Аграрном союзе, где его, конечно, поддерживают Ханнула и Ниукканен⁴⁶, рассчитывающие с помощью реванша спасти свою репутацию. Впрочем, говорят, что карельские переселенцы⁴⁷ уже частично отказываются селиться в отведенных им местах, так как верят в скорое возвращение в свою Карелию.

А теперь о другом собрании. На последнем заседании подготовительной комиссии нашей фракции, на котором Таннер отсутствовал, так как на неделю ездил в Швецию по продовольственным и другим делам, Пеккала представил письменный обзор внешнеполитической обстановки, которую он считает тревожной. Он сказал, что комиссия правительства по иностранным делам не пользуется никаким авторитетом, в то время как группа, состоящая из Рюти, Рангеля, Виттинга и Вальдена⁴⁸, решает все вопросы в своем узком кругу. Он резко нападал на Виттинга, считая его законченным нацистом, поставившим к тому же начальником канцелярии министерства человека, который был членом не то ИКЛ, не то АКС⁴⁹, протестовал против Московского мирного договора⁵⁰ и поливал грязью Войонмаа... В частном порядке Пеккала рассказал, как Борн⁵¹ выговаривал Виттингу по телефону за то, что и в «егерском движении» надо все же соблюдать финские законы и не выпускать за пределы страны людей без паспор-

тов. На это Виттинг заявил: «Ты, Бори, сущий буквоед», в ответ на что последовало: «А ты — законченный Квислинг»⁵², и трубка была брошена...

Доклад Пеккала не был передан фракции и не обсуждался, но там, а также отчасти во фракциях других демократических партий налицо широкое недовольство Виттингом. Подготовительная комиссия нашей фракции образовала небольшую рабочую группу (Таннер, Рейникайнен⁵³ и я) для обсуждения вопроса о том, что следует сделать для пресечения «егерского движения».

Перспективы, таким образом, отнюдь не отрадные. Правда, мне кажется, что слухи о временном улучшении отношений между Германией и Россией, а возможно, и сведения о нарастающем недовольстве напугали правительство, и оно несколько приглушило военную музыку. Сегодня я вернулся из Тампере с окружной партийной конференцией. Там на основе моего импровизированного выступления, в котором я рассказал, что произошло в комиссии парламента по иностранным делам, были приняты резолюции с требованием «безусловного нейтралитета» и ориентации на Швецию. Это ведь ключевые вопросы нынешней обстановки.

А пару дней тому назад был я у Хеллы Вуоллийоки. Примечательные вещи рассказала она о твоём шефе военного времени⁵⁴. Находясь у Хеллы, этот человек указал на Данию как на некую перспективу будущего Финляндии и пример для нее, причем Штаунингом⁵⁵ в Финляндии был бы он сам. Отчетливо проявилась слепая ненависть к Востоку.

Сегодня мама рассказала о своей встрече с тетей Анной*, которая предсказала, что скоро в Финляндии произойдут важные события: президент провозгласит в стране нацизм. Как говорят, «нет дыма без огня». Ведь это точно совпадает с четвертым тезисом Виттинга. Да и что именно в это время делает в Хельсинки Кивимяки?..

Хельсинки, понедельник 26.5.1941

События развиваются здесь с такой быстротой, что у меня есть основания начать еще одно письмо к тебе, хотя

* Супруга брата автора Эйно Войонмаа, немка по происхождению.

и предыдущее, посланное с диппочтой, в твои руки пока не попало.

Расскажу о том, с чем я столкнулся за один лишь сегодняшний день. Сегодня в связи с кратким заседанием парламента Таннер вернулся из Швеции, где он пробыл около полутора недель, занимаясь «неизвестными делами». Я спросил у него (конфиденциально), относятся ли сейчас шведы столь же благожелательно к идее союза⁵⁶, как минувшей зимой. Таннер ответил, что они не настолько заинтересованы в этом, как прежде. Мне даже показалось, что Таннер этим доволен. Не получил он обещаний и относительно поставок продовольствия из Швеции в Финляндию: там-де считают, что продовольствие необходимо им самим. Все это показалось мне примечательным, и я подумал, что Таннер совершенно непригоден для ведения переговоров по международным вопросам и что он теперь действительно совсем по-новому подходит к шведско-финляндским отношениям.

Многое стало мне ясным из одной-единственной фразы. Рейникайнен начал объяснять Таннеру, что нас (Таннера, Рейникайнена и меня) выделили для переговоров с другими демократическими фракциями относительно вызвавшей беспокойство вербовки «егерей» в Германию. Поначалу Таннер делал вид, что он ничего не знает, только расспрашивал, что об этом известно. Рейникайнен пытался объяснить, насколько велико беспокойство, на что Таннер заявил, что об этом и говорить-то не стоит, так как из Финляндии постоянно кто-то уезжал драться — то в Испанию, то еще куда-то. Тут уж ничего не поделаешь, самое лучшее — предоставить заниматься этим вопросом правительству. Я объяснил, что дело отнюдь не пустяковое: мы декларируем перед народом демократические доктрины, а действуем недемократическим образом. Правительству же было бы на пользу, если бы оно могло в какой-то мере противостоять требованиям немцев, ссылаясь хотя бы на оппозицию в народе, т. к. проводимые таким образом с ведома правительства действия — это самый верный путь к уничтожению демократии и т. д. Таннер промолчал, но из других его высказываний было видно, что он полностью одобряет прогерманскую политику Финляндии в качестве противовеса России. Я сказал, что присоединение к «оси»⁵⁷, о чем сейчас недвусмысленно говорят, обязательно приведет к войне. Этого никто не отрицал.

Но самый большой сюрприз был впереди. Генеральный секретарь Аалтонен⁵⁸ пригласил меня за один стол с Таннером. Там он вытащил из кармана документ с грифом «секретно, № 053», в котором подробно перечислялись условия и преимущества вступления в войска СС. Я успел запомнить только, что вступающие должны быть арийского происхождения, а четыре года службы дадут им право и на немецкое гражданство, а также на службу на железных дорогах, в почтовом ведомстве, таможне и т. п. или же на получение именина площадью в 25 га в удобных для земледелия районах. Я не заметил, о каких странах шла речь, но думаю, что Финляндия не стала исключением. А поскольку этот документ известен полиции, откуда Аалтонен и получил информацию, то следует предположить, что и правительство знает об этом деле и относится к нему благосклонно, а может быть, и обещает все эти привилегии тем, кто вернется в Финляндию уничтожать демократию.

В ходе беседы Аалтонен выразил опасение, что немцы вскоре повысят свои претензии. Сначала они «требовали» 1200 человек, а после того, как эта цифра была достигнута, есть опасность, что потребуют целый полк — 5000 человек, как в Норвегии. Таннер возразил: немцы, мол, сначала требовали 800 человек (иными словами, он прекрасно знал обо всем, хотя поначалу притворялся несведущим).

Г-н Калле Лехмус, ушедший с поста оргсекретаря социал-демократической партии для того, чтобы занять свою нынешнюю должность начальника отдела пропаганды Главного штаба вооруженных сил, пробыл четыре недели в Германии, и вербовка началась после его визита. То есть истина такова, что руководство социал-демократической партии несет моральную ответственность за эти события. Те самые люди, которые разъезжают по окружным партконференциям и рабочим праздникам с выступлениями в защиту демократии, действуют в пользу ликвидации этой самой демократии! Похоже, что финнам ныне свойствен удивительный дуализм: они одновременно и «нейтральны», и предельно пристрастны, демократы, и нацисты. Они преследуют распространение слухов для того, чтобы самим иметь возможность действовать в полной тайне. Говорят о мире, а на деле влезают в войну.

Единственными демократами здесь остаются прогрессисты, что, впрочем, естественно, так как именно демократическая теория является их партийной программой.

В нашей же партии сейчас идет борьба за ее ориентацию. Если победит нацизм, то я выйду из партии и останусь свободным сочинителем. Впрочем, думаю, если нацизм победит, то развалятся все партии.

Хельсинки, 27.5.1941

Сегодня многое стало ясным, и я расскажу тебе кое о чем «в назидание и для развлечения». Состоялось совещание, на котором в качестве представителей парламентской фракции социал-демократов присутствовали Таннер, Рейникайнен и я, а фракцию Аграрного союза представляло ее руководство — Ниукканен, Вестеринен и Пилпула. Прогрессистов и шведов не пригласили под влиянием Таннера, по какой причине — не знаю, хотя в психологическом плане понимаю: этим прочим будет сообщено о решении «больших», которое, пожалуй, не будет столь радикальным, как если бы его принимало совещание с участием «малых».

Так вот. Узнали, что с инициативой относительно вербовки выступило германское правительство. Один батальон финнов в составе войск СС должен быть подготовлен в Германии на тех условиях, о которых уже говорилось. Финляндское правительство обещало не вмешиваться, но все же предложило, чтобы эта группа получила военную подготовку и служила в германской армии, что было отвергнуто. Германия хочет подготовить этих людей в чисто политическом плане. Поначалу дело в Финляндии шло плохо, так как попало в руки ИКЛ, но затем, когда за него взялся Эско Риекки⁵⁹, оно пошло лучше. Группа (то ли 800, то ли 1200 человек) собрана под названием «егерского движения». Этих «новобранцев» обследовали немецкие врачи, и из 500 человек двое были отвергнуты, так как у них обнаружены «славянские черепа»! Узнали также, что Германия требует еще столько же людей.

Вестеринен, я и отчасти Рейникайнен при обсуждении этого вопроса отметили, что он имеет явно политический характер. Германия вербует этих людей не для себя — ведь она даже не включает их в свою армию, — а для того, чтобы с их помощью подготовить фашизацию Финляндии — требование об этом она уже выдвигала. Дело это опасное, так как, получив нацистскую подготовку, эти господа будут в Финляндии действовать в пользу герман-

ской системы, а поскольку они будут одновременно гражданами и Финляндии и Германии, никто к ним как к гражданам Германии не осмелится притронуться. А это уже патентованное средство политического внедрения.

Таннер же всячески упрощал вопрос, заявляя, что в наше время он не относится к разряду «важнейших в мире»: конечно, возможно, что эти завербованные будут использованы для того, чтобы припереть финляндскую демократию к стене. Но ведь финны готовы воевать всюду, и в своей основе речь сейчас идет лишь об этом. (Я считаю, Таннер мог говорить столь цинично потому, что, по его мнению, эти новые «егеря» в любом случае поддержат в Финляндии диктатора, и нетрудно предсказать кого именно. В такие времена нужна не демократия, а крепенькие «фюреры», которые наряду с эсэсовцами как раз и будут на месте.)

На совещании присутствовали также Аалтонен и Хаккила⁶⁰, который признал, что завербованные доставят немало хлопот стране, так как потребуют постов в армии (и конечно, все обещанные привилегии в Финляндии, а не в Германии, как это, видимо, представил Таннер), но в политическом плане их бояться нечего, их будут держать в руках (так рассуждал возвращенный в муравейнике ИКЛ Хаккила). А у Ниукканена ход мыслей был совершенно такой же, как у Таннера.

И все-таки, поскольку в связи с этим делом возникло беспокойство и даже эти прогерманцы сообразили, что «широкие круги» и массы не проглотят такой стряпни, было решено, что Рейникайнен и Пиллпула заявят правительству, что следовало бы ограничиться «свершившимся фактом» и вербовку более не продолжать, а в Берлин послать в качестве военного атташе подходящего человека проследить за должным воспитанием финских эсэсовцев (словом — пустить козла в огород!).

Хельсинки, 28.5.1941

Итак: Рейникайнен и Пиллпула побывали в правительстве, которое, конечно, обещало сделать все, что сможет, для выполнения решения упомянутого совещания.

А затем премьер-министр Рангель снова посетил председателя парламента. Он рассказал, что группа влиятель-

ных граждан направила президенту требование о выходе Финляндии из Лиги наций и что правительство собирается дать утвердительный ответ на аналогичный вопрос, заданный ему в парламенте. Я заявил, что лучше бы оставить все, как есть. Но Рангель продолжал свое: важно-де удовлетворить желание Германии. Далее он сообщил, что Паасикиви уходит в отставку, по поводу чего я выразил сожаление. Рангель смог объяснить этот шаг лишь тем, что Паасикиви отказался вручить какую-то ноту. И вот теперь Паасикиви возвращается домой, и Сталин в знак личного дружеского отношения к нему дает Финляндии 20 тысяч тонн зерна. Однако здесь у нас, где обо всем всегда знают лучше, утверждают, что это Германия-де заставила Сталина пойти на такую меру. Во всяком случае, получение хлеба — отрадное событие.

Мы с матерью опять посетили русское посольство. От парламента, кроме меня, были Фуруэльм, Фрич⁶¹ и «шестерка». Из прочих можно упомянуть Юрьё Рууту, Котилайнена. Снова я изложил Орлову⁶² свой тезис: сначала оживленная торговля, затем хорошая политика. Говорят, вчера Котилайнен давал завтрак в честь Орлова. Но меня, такой-сякой, не пригласил. Так что с этих позиций политика в отношении России развивается прилично. Но здесь ждут лишь броска Германии на Россию и нового выхода Финляндии из своей скорлупы...

Хельсинки, среда 11.6.1941

Дорогая Илма! *

Итак, вчера я приехал в город. Сенсацией дня стало то, что я услышал сразу же, как только пришел в парламент! Взаимоотношения Германии и России напряжены до предела. В Финляндию непрерывным потоком идут немецкие войска. В прошлое воскресенье только из порта Каскинен проследовало 11 воинских эшелонов. Причалы этого порта удлинены. Через город Ваасу, как считают сами ваасцы, проследовало не менее 10 тысяч немцев. В порту Оулу работают ледоколы, чтобы войска можно было принимать и через него. Рейникайнен осведомлен о том, что с юга идет одна немецкая дивизия, а из Киркине-

* Жена Вяйнэ Войонмаа.

са⁶³ — другая. Они соединяются в Рованиеми и останутся там. Ууно Ханнула рассказал, что весь Север уже оккупирован немцами, они стоят вдоль восточной границы. Таким образом, что-то, несомненно, происходит. Рейникайнен сказал, что есть приказ подготовить больницы к приему военнослужащих.

Но еще более примечательные вещи рассказал мне генеральный секретарь Аалтонен. Он сказал, что президент принял на заседании Государственного совета⁶⁴ решение о проведении частичной мобилизации, и сейчас действительно денно и нощно призывают мужчин на службу (говорят, им дают на подготовку всего два часа). Это решение, похоже, касается младших возрастов, но может затронуть и других.

У нас вчера вечером состоялось заседание подготовительной комиссии фракции и было решено просить премьер-министра завтра (в четверг) вечером прийти на собрание фракции и проинформировать об обстановке. Посмотрим, какую немецкую похлебку нам станут скармливать...

Приложение от 13.6.1941

Комиссия парламента по иностранным делам провела 13.6.1941 г. самое примечательное заседание за всю весеннюю сессию. Министр иностранных дел Виттинг наконец-то откровенно разъяснил комиссии политическую обстановку, которая, говоря без комментариев, такова. В Северную Финляндию прибыла усиленная дивизия немцев, и из Киркинеса была отправлена одна дивизия неполного состава с тем, чтобы встретиться и начать действия в Рованиеми (Ханнула рассказал в комиссии, что немцы оккупировали всю Северную Финляндию, а Рангель накануне у председателя парламента пояснял, что немцы «временно» взяли в свои руки «пару аэродромов»). Немцам, продолжал Виттинг, надо создать в Северной Финляндии «условия».

Причиной всего этого является положение в Европе. У Румынии имеется 31 дивизия, у Венгрии — свыше 20, а у Германии на восточной границе — 200 дивизий, т. е. всего 5 миллионов солдат стоят на границе России. Если между Германией и Россией вспыхнет война, то не будет времени задуматься над ходом событий. Опасность за-

ключается в том, что Россия может попытаться с помощью внезапного нападения захватить северный берег Финского залива. В связи с этим 10 июня в Финляндии начато проведение ограниченного (30 тысяч человек) сбора резервистов, и сегодня будут призваны еще 30 тысяч молодых мужчин.

Германия спросила нас, продолжал г-н министр иностранных дел: за кого вы, за Восток или за Запад? Показателем того, на чью сторону вы встанете, будет ваша позиция относительно отправки в Германию добровольцев. Заявление было сделано «в резкой форме», и правительство Финляндии разрешило выезд добровольцев. Всего уехало 1200 человек, но предпринимаются попытки на этом числе и остановиться.

То обстоятельство, что крупным немецким силам было разрешено разместиться на нашей территории, естественно, нас скомпрометировало. Поэтому Германии был задан вопрос: должна ли Финляндия в одиночку переносить все возможные последствия. В ответ нас заверили: «Можете не волноваться».

После выступления министра в комиссии началась интересная дискуссия.

Как председатель я счел необходимым отметить, что было выслушано сообщение, касающееся весьма серьезных вещей, которое, несомненно, заставит членов комиссии над многим задуматься.

Рейникайнен высказал мнение, что сообщение министра иностранных дел означает участие Финляндии в нападении в том случае, если между Германией и Россией начнется война, я, правда, не уловил в речи Виттинга подобной нотки, но, коль скоро он этого не опроверг, мысль его была действительно такова). Рейникайнен выразил, однако, надежду, что Финляндия не предпримет нападения, а попытается остаться нейтральной, в стороне от «большой» войны. Во всяком случае, Финляндия стала теперь державой «оси», и ей придется за это расплачиваться.

После этого взял слово я. Сказал, что не хочу комментировать данный вопрос и лишь констатирую, что, как это логично вытекает из доклада министра иностранных дел, в случае если начнется война между Германией и Россией, Финляндия, пользуясь поддержкой немцев, непременно окажется вовлеченной в нее и станет театром военных действий; что присутствие немцев при всех условиях со-

здает для нашей страны такую же опасность стать объектом бомбардировок, как и для других оккупированных Германией стран. Я напомнил затем, что при предыдущем большом кризисе, в котором оказалась наша страна, парламент через председателей фракций — а при подготовке Московского мира через комиссию по иностранным делам — еще задолго до принятия окончательных решений имел возможность ознакомиться с предписаниями и действиями правительства, отчего полномочия правительства не пострадали. Напротив, между правительством и парламентом было достигнуто взаимопонимание и доверие. Эти отношения стали основой того единодушия, которое поддерживало народ в пережитых им тяжелых испытаниях. Я также высказал сожаление, что дело теперь обстоит иначе и некоторые сведения сообщаются лишь по прошествии каких-либо событий. Кажется, даже добавил, что коль скоро у правительства есть какие-то дела, о которых оно не осмеливается сообщить парламенту, то это — дела не правые, что за судьбы страны не могут нести ответственность лишь некоторые члены правительства, что сейчас речь идет о таких серьезных вещах, когда формальные раздоры между правительством и народом должны исчезнуть, что не следует создавать оппозицию, когда необходимо единодушие, и т. д.

В комиссии мое выступление прерывалось выкриками «правильно», и в последующих выступлениях согласие с председателем выразили Виртанен, Салменоя, Фрич, Ханнула, Каяндер, а задним числом похвалила меня за это выступление и Сюльви-Кюллики Кильпи. Однако была и оппозиция, так как Карес и Линкомиес⁶⁵, а также Икола и Хельяс (от имени фракции Аграрного союза) высказали удовлетворение и докладом министра иностранных дел, и действиями правительства. Никакого решения принято не было, но по желанию можно было делать заявления для протокола, что я и сделал.

Итак, жребий брошен: мы — держава «оси», да еще отобилизованная для нападения. Печать и радио обрабатывают народ успокоительными сообщениями и предостерегают от веры в коварные слухи, но все же настроение вокруг подавленное, порой даже паническое.

Как и следовало ожидать, процесс, который привел к нынешней ситуации, имеет печальный результат, и его продолжение предопределено. Виттинг обосновывал выбор

Финляндии «рюэмявским движением»⁶⁶ летом 1940 г., угрозой Молотова по поводу того, что союз Финляндии и Швеции означал бы разрыв Московского мира⁶⁷, берлинским инцидентом, когда Молотов требовал для России права «ликвидировать» Финляндию⁶⁸ и тому подобными устаревшими и уже явно изменившимися обстоятельствами. Он пытался обосновать необходимость нападения Германии на Россию тем, что после разгрома России Англия потеряет всякую надежду на победу, «и тогда с Англией будет покончено!..»

Вот до чего довели нас эти господа. Горстка людей сделала все это под свою ответственность. И в этой игре с воодушевлением участвует Таннер. Пеккала мне прямо сказал после заседания комиссии по иностранным делам, что «во всем повинен Таннер». Страшно подумать!

Нам не остается ничего другого, как терпеливо ждать лучших времен — победы Англии и США (которую я надеюсь увидеть) или же постепенного улучшения положения (чего я не успею увидеть).

*Кесяранта*⁶⁹, 15.6.1941

События чередуются как в калейдоскопе, но в целом обстановка, видимо, не изменится этим летом, которое станет летом больших забот.

Всех беспокоит вопрос о том, что будет со снабжением. Ввоз из-за границы через Петсамо, очевидно, прекратится совсем, а на полученное Паасикиви из СССР обещание направить в Финляндию 20 тысяч тонн зерна особенно надеяться нечего, хотя какая-то часть этого количества уже поступила. Народ готовится обойтись целиком своими силами, но трудность в том, что урожай не только запоздает, но и подвергнется прочим опасностям, и не так из-за плохого в целом года, но и по ряду других причин, поскольку события здесь развиваются в том направлении, которого можно было ожидать. Мы всерьез «впряглись»... и приходится лишь удивляться тому, сколь всевластны пропаганда и массовая обработка в нашу «свободную» и просвещенную эпоху. С помощью нескольких лозунгов, вводящих в заблуждение сообщений и весьма сомнительной аргументации, но прежде всего путем разжигания шовинистических страстей народные массы водят за нос

и толкают на любое безумие. В это нельзя было бы поверить, если бы это не было настолько явным фактом. Но самое-то примечательное заключается в том, что даже наиболее надежные круги, к каковым «я имею честь принадлежать», втягиваются в этот процесс легче всего. Лидеры запросто обводят массы вокруг пальца. Парламент заставляют поверить — а наиболее демократические фракции легче всего, — что сокращение или даже ликвидация прав парламента — это «защита демократии» и что все теперь требует «защиты». Даже нападение можно самым естественным образом рассматривать как оборону.

Хельсинки, 19.6.1941

Вернувшись во вторник 17-го числа после поездки с лекцией в Тампере, я сразу же получил приглашение явиться к председателю парламента, где собралась обычная «капелла» послушать сообщение Рангеля. Оно на сей раз не было столь же определенным, как доклад Виттинга в комиссии по иностранным делам, но все же было сообщено, что финляндские войска уже мобилизуются и что сообщение через Петсамо будет прервано. Англия угрожает задержать восемь наших судов, находящихся за пределами территориальных вод. В Петсамо же находится 15 судов, которые теперь следует направить «в более безопасное место» (читай: передать Германии). Поскольку в выступлении Рангеля содержались моменты, указывавшие также на возможность нападения, его спросили, намерена ли Финляндия не переходить границ (как того требует фракция социал-демократической партии). Ответ на это последовал неопределенный. Я рекомендовал отнестись к проблеме границ так же, как к ней относится Швейцария, на что Хаккила (большой друг немцев) ввернул, что Швейцария имеет старые, устоявшиеся границы, тогда как у нас они ненадежны (!). Рангель заявил: «Потом увидим, как дела пойдут». Представители же ИКЛ и коалиционной партии авансом обещали правительству полное доверие...

А жизнь становится запутанной и беспорядочной. Поезда ходят нерегулярно, учреждения эвакуируются. Все это не просто игра на нервах, а нечто большее. Видимо, никто не задумался о том, что еще, пожалуй, возможно

заявить о нейтралитете Финляндии даже в случае, если Германия и Россия будут воевать на ее территории. Сегодня вечером состоится политическое совещание исполкома социал-демократической партии, руководства Центральной организации профсоюзов Финляндии и подготовительной комиссии парламентской фракции...

Я побывал на этом совещании, которое было и представительным, и важным: присутствовало два-три десятка людей, то есть верхушка всех организаций. Открыл совещание председатель исполкома партии, председательствующим был избран Таннер, докладчиками — Пеккала и Вуори⁷⁰.

Пеккала представил письменное заявление, в котором вначале констатировались известные вещи: раздражение в отношении России, которое не смогли смягчить даже 20 тысяч тонн зерна. Напротив, дружелюбное отношение было проявлено к Германии, посол которой в Хельсинки заправляет такими делами Финляндии, как, например, выходом ее из Лиги наций, высылкой польского посла и т. д. Мы попали в фарватер «оси»... А вот Швеция повела себя по-иному.

Мы сами опрометчиво бросились в объятия Германии. Вовсе не нужно было идти на все те уступки, которые были сделаны. Немцам не только не оказано сопротивление, а напротив — их сюда притащили. Пеккала подчеркнул, что в том случае, если здесь вспыхнет война, она должна быть лишь войной оборонительной. Велика и внутренняя опасность. Резко возросла наглость ИКЛ; планируется увеличение продолжительности рабочего времени; осложнилось продовольственное положение и т. д. Пеккала предложил выбрать делегацию и направить ее к правительству с требованием не участвовать в агрессивных замыслах.

Хорошо выступил и Ээро Вуори. Он высказал опасения по поводу экономической диктатуры и замыслов правительства касательно политики в области трудовых отношений. Затем он занялся «самокритикой», заявив, что была допущена ошибка, когда вошли в правительство вместе с ИКЛ, последствия чего теперь приходится испытывать. Он потребовал ограничения наших военных мер обороной. Когда Вуори высказал сожаление по поводу недостаточно точной информации со стороны правительства, что должно было стать условием доверия, Хаккила вставил язвительное замечание, которое так взорвало Вуори.

что он какое-то время не мог даже продолжать выступление и оправился, лишь обругав Хаккила прямо в лицо.

А потом взял слово Таннер и сказал, что «удивлен» выступлением Пеккала, из которого явствовало недоверие к товарищам по правительству. И далее Таннер продолжал в весьма негативном направлении. Нельзя-де в каждый отдельный момент видеть, хорошо что-то сделано или плохо, это покажет лишь время (следовательно, надо, закрыв глаза, отдать все на откуп правительству; но для чего тогда нужны подобные совещания?). Надо лишь знать факты и считаться с ними. А они таковы, что Советская Россия озлобила Финляндию, тогда как настроения в отношении Германии стали более благоприятными. Германия для нас — это противовес России. Неоправданно уже само существование России, и она должна быть ликвидирована. Мы никак не могли помешать немцам прийти сюда. Но нам все же следует держаться в стороне от находящихся в Финляндии немцев и избегать нападения на Россию, за исключением того случая, если Россия будет разгромлена, так как тогда мы отберем — и никакая сила помешать этому не сможет — «по крайней мере свои бывшие территории». Следовало бы составить выдержанное в успокоительном тоне и призывающем к единству обращение к рабочим.

Затем, как всегда примитивно, выступил Хаккила. Я в свою очередь заявил, что, поскольку у всех нас — и у Пеккала, и у Вуори, и у Таннера — главная цель одна и та же (я имел в виду связать Таннера с идеей об обороне), хотя, как известно, имеют место и противоположные устремления (агрессивные намерения), нам следует проводить свою линию, а не оставлять, закрыв глаза, дело правительству. Следует также удержаться в правительстве (хотя бы даже в меньшинстве), а если же мы действительно окажемся в состоянии войны, то премьер-министром надо будет сделать Таннера, поскольку в этой должности он мог бы лучше всего помешать агрессии. Если же войны не будет, правительство менять не следует, так как в данном случае нам легче всего оказывать влияние будучи свободной партией.

Далее я сказал, что не хочу гадать на кофейной гуще, а сделаю лишь некоторые замечания к уже сказанному... Если мы считаем, что Россия не заслуживает доверия, то есть другие, которые считают, что его не заслуживает

Германия. («Правильно!» — раздался чей-то возглас). Даже если войны не будет, у нас впереди долгий и тяжелый путь... И я поддержал сделанные предложения.

По затронутому вопросу говорили еще долго, и все в том же направлении, что и Пеккала. Кето тоже был настроен очень пессимистично в отношении послевоенного времени, когда, по его мнению, немцы (если выиграют войну) из Финляндии не уйдут. Много было сказано о недовольстве рабочих по поводу мобилизации, ужесточения условий труда и т. п. В заключение была избрана делегация (Таннер, Рейникайнен, Кето, Аалтонен, Войонмаа, Вуори, Нурминен и еще двое), которая должна завтра посетить президента и выработать обращение, а также будет постоянно следить за ходом дел...

А отношение к мобилизации плохое. Люди считают, что теперь придется воевать лишь за один из двух вариантов. В нашей партии мнение Пеккала (да, можно сказать, и мое) является преобладающим. Но, помилуй бог, сколько это продлится? Все летит к чертям.

Снова война.

*Воскресенье, 22.6.1941 **

Во время утренней прогулки встретили на лесной тропинке четверых дочерей Таннера, которые сообщили, что Германия объявила войну России. Они пригласили нас в Соркки⁷¹.

В Соркки мы все время слушали радио... Таннеру было известно, что Финляндия вступит в войну через десять дней и что ближайшие дни будут весьма критическими.

Таннер не исключал возможности наступательных действий со стороны Финляндии, но больше боялся последующего нацистского периода. В отношении России он был преисполнен ненависти и считал, что Ленинград следовало бы сейчас стереть с лица земли. Я заметил, что это было бы невозможно, так как расположение Ленинграда определено развитием международной торговли и там постоянно будет находиться крупный город мирового значения. Таннер высказал также предположение, что теперь

* Из древника Вяйнэ Войонмаа, приложено к письму, датированному 30.6.41.

будут уничтожены как русское государство, так и большевизм, в отношении чего я также выразил сомнение, считая, что нашим соседом всегда будет великая Российская держава, с которой мы не можем постоянно воевать, а должны жить в мире. Однако мы сошлись во мнении, что граница, установленная Московским миром, должна быть перенесена на линию Койвисто—Тайпале⁷², а я допускал возможность присоединения к Финляндии Восточной Карелии и Кольского полуострова вплоть до линии, проходящей через юго-восточные оконечности Ладожского и Онежского озер. Все это, конечно, было чистейшим гаданием на кофейной гуще...

В среду 25 июня 1941 г. я поехал в Хельсинки. Вечером, в 19 часов, состоялось заседание парламента. Это было закрытое заседание, на котором премьер-министр Рангель в присутствии всего Государственного совета зачитал длинный доклад о развитии обстановки. В нем была отражена вся европейская политика последнего времени вплоть до взаимоотношений Югославии и Болгарии с Москвой, затем взаимоотношения между Москвой и Германией от начала до конца и в заключение перечень прегрешений России перед Финляндией. О нажиме Германии на Финляндию не было упомянуто вообще, и, уж конечно, не сказано ни слова о том, что из-за политики Германии мы и угодили в 1939 г. в войну против России. В конце было объявлено, что сегодня началась война против России и что армия получила приказ принять меры к обеспечению безопасности страны. Правительство ожидает от парламента одобрения принятых им мер и простого перехода к повестке дня⁷³.

На этом в 20 часов 40 минут заседание закончилось, и следующее заседание было назначено на 21 час. В перерыве работали фракции. В нашей фракции настроение было подавленным. Многие выражали сожаление, что финские солдаты не знают, чего ради они воюют. Младшие офицеры заявляют подчиненным, что теперь они идут на войну для того, чтобы отодвинуть установленные Московским миром границы немного дальше прежних. (Да и я верю, что солдаты не понимали, в чем дело, так как сам видел сегодня в ресторане «Вихдин Сеуту» в Нуммела⁷⁴, как большая группа военнослужащих слушала передававшуюся по радио статью газеты «Ууси Суоми»⁷⁵, выдержанную в отчетливо пронемецком и бесстыдно антишвед-

ском духе, и сколь растерянными выглядели эти демократически настроенные люди от того, что их заставляют драться за нацизм и гитлеризм.) Во фракции выражалась необходимость более четких лозунгов относительно того, что мы будем сражаться в пределах своих границ в защиту страны и демократии.

Таннер показал мне написанный им проект заявления фракции. Содержавшееся в первом абзаце положение о том, что правительство, естественно, не могло раньше иметь подробных данных о развитии обстановки, я посоветовал снять (что Таннер и сделал). Вместе с тем я предложил в той или иной форме сказать в заявлении о том, что наша позиция оборонительная и направлена на защиту демократии (что тоже было учтено, так как это предложили и другие). Однако Таннер не снял формулировку, согласно которой Россия своими действиями в последние дни «разрушила возможность сохранить мир» и т. п. (хотя я предложил убрать и ее, поскольку, на мой взгляд, мы сами отказались от возможности сохранить мир тем, что буквально зазвали немцев). А тем временем была объявлена воздушная тревога, Таннер в спешке огласил проект резолюции, его моментально одобрили и помчались в бомбоубежище.

Вскоре удалось провести и назначенное ранее заседание парламента, единственным вопросом на котором было обсуждение сообщения правительства. Таннер с достоинством огласил исправленное указанным выше образом заявление. Затем Ниукканен, одетый в военную форму, зачитал единогласно принятое фракцией Аграрного союза заявление, в котором превозносилось сотрудничество с могучей германской армией и выражалась надежда, что установленные Московским миром границы будут перенесены туда, где им исторически и положено быть. В еще более ясно выраженном пронемецком духе от имени коалиционной партии выступил Линкомиес, который, не удовлетворяясь провозглашенным Аграрным союзом заявлением о переносе границ, ликовал по поводу того, что мы теперь с Германией ведем войну за уничтожение большевизма во всем мире. Шведы выступили кратко и по-деловому: Фурельм упрекнул правительство в том, что оно своевременно не представило информации об обстановке и парламент поставлен перед свершившимся фактом. Однако даже шведская фракция одобрила меры, принятые правитель-

ством — правительство ведь ни словом не обмолвилось о каком-то союзе с Германией, — и простой переход к повестке дня...

Сегодняшний день прояснил многие вещи. Финляндия снова ведет священную «оборонительную войну», в которой повинна Россия. У Финляндии же не было никаких причин воевать. И никто не сказал ни слова о том, что немецкий военный плацдарм в Финляндии мог дать России основания упрекнуть нашу страну в том, что она не держит данного ею слова. Русские объявили нам войну — а о том, что это было спровоцировано, никто и не упоминает! Снова проводят единую линию коалиционная партия и Аграрный союз. Они составили военную партию, которая выступает в поддержку Германии и ради этого отказывается от демократии. Здесь может таиться начало длительной совместной политики указанных партий. На демократических позициях остаются пока еще лишь социал-демократы, шведская партия и прогрессисты, но как долго продержатся все они?

Хельсинки, 30.6.1941

Обстановка в Финляндии, коротко говоря, следующая: Финляндия в состоянии войны против Советского Союза. Это все происходит под вывеской оборонительной войны, но теперь уже ясно, что это — агрессивная война (пока в ограниченных масштабах, а именно за Ханко и Выборгскую губернию). Когда Маннергейм в своей вчерашней прокламации⁷⁶ говорил, подобно магометанам, о «священной войне» и о «крестовом походе», то уже ясно, что речь идет о полном участии в крестовом походе Германии (а вернее, в крестовом походе Европы под предводительством Германии) против «всемирной кары и чумного очага». А говоря более прозаично, все это означает, что Финляндия вступила в военный союз и связала свою судьбу с Германией, что она целиком и полностью государство «оси» и полным ходом скатывается к гитлеризму. Прямо невероятно, с какой быстротой все происходит и как наш народ куда угодно сворачивает с дороги демократии, лишь бы только это происходило постепенно. Не так уж много дней прошло с тех пор, как нас на самом высшем уровне заверяли, что речь идет не о чем ином, как о защите страны от нападения (которое, как считалось, определено

произойдет) и о твердой приверженности основам демократии. Сейчас уже ведутся общие, начиная с Рюти, разговоры о «жизненном пространстве Финляндии» (какое, видимо, находится где-то в районе Белого моря, а не там, где сбывается экспортная продукция Финляндии), об «освобождении финских племен» (Линкомиес) и т. д.

Собственно, военные события выглядят хуже, чем они есть на самом деле. Здесь ведь пережили довольно критические времена, поскольку русские успели подвергнуть некоторые районы Финляндии бомбежкам. Однако немцы продвигаются с молниеносной быстротой и через несколько дней у русских не будет больше аэродромов, с которых они могли бы совершать налеты на Финляндию. В план, который мне известен уже в течение некоторого времени, в особенности из уст Таннера, входит, чтобы немцы очищали территории от противника, а следом приходили бы финны... Однако финны в своем воодушевлении, видимо, и затеяли на восточной границе потасовки, местами даже кровавые. Но по-настоящему большой прорыв произойдет лишь тогда, когда саксманы⁷⁷ выйдут к Финскому заливу и приблизятся к Москве. Здесь «железно» верят, что вот тогда-то граница будет установлена «окончательно» по линии Финский залив — Ладожское озеро — Онежское озеро — Белое море... Возможно, что, когда ты получишь это письмо, — а я надеюсь, что получишь ты его обычным путем, — все эти планы далеко продвинутся вперед по пути осуществления...

Говорят, что Таннер станет министром финансов, а Пеккала придется уйти. Этот «секрет» я услышал сегодня, но, судя по всему, завтра он уже будет в газетах.

Итак, я рассказал тебе о ситуации на данный момент. Каковым окажется ближайшее будущее, не знает никто. Пеккала придется уйти. Этот «секрет» я услышал сегодня, Финляндия осуществит свои надежды, но, кто знает, не произойдет ли так, как сегодня сказал мне один депутат: Финляндия захватит Карелию, а Германия приберет к рукам Финляндию. По крайней мере во внутриполитическом отношении. Есть признаки, которые не одобряют. Фактом остается, что, по сообщению премьер-министра Швеции, так называемый «полк Нурланд», то есть полк Квислинга, находится в Финляндии, куда он прибыл из Норвегии через Швецию с разрешения последней «по просьбе Финляндии и Германии...».

Если же еще немножко пополитиканствовать и погадать на кофейной гуще, то я думаю, что у Финляндии все же снова будет «шальное счастье», и, когда война закончится, как я верю, победой демократов и европейские дела будут устроены, следует надеяться, лучше, чем в Версале⁷⁸, Финляндия сможет оставить себе Ханко и Выборгскую губернию, а возможно, и эту самую границу от Финского залива через Ладожское и Онежское озера до Белого моря (в особенности если Ленинграду будет предоставлена граница по линии Койвисто—Тайпале), так как все это — естественные геополитические границы Финляндии*. Думается, что прочему миру было бы легко объяснить такую геополитику. Но до этого момента нам, очевидно, еще далеко. Повторю лишь еще раз то, во что верю: не тот выиграет войну, кто сильнее ударит, а тот, кто дольше выдержит. А самая большая выдержка — у просвещенных демократов, так как они знают, во имя чего все выносят.

Хельсинки, 1.8.1941

...Парламент завтра отправится на каникулы, и я вместе со всеми. Соберемся снова 1 сентября. Особых дел на этот раз у парламента не было, но зато твой начальник и его шеф** сделали сообщения во фракциях...

Итак, на заседании нашей фракции, проходившем под председательством Таннера, выступил Виттинг (Таннер не счел нужным оставить пост председателя фракции, хотя стал министром и как таковой может быть объектом критики; правда, свободы критики в парламентском смысле сейчас нет)... Затем Виттинг направился на заседание «буржуев»⁷⁹, а его сообщение продолжил Таннер... Интересно было услышать, что наши военные действия скоординированы с немецкими, но что их вояки не очень-то хорошо осваиваются в наших условиях со своей тяжелой техникой. Они не могут легко передвигаться в дебрях Северной Финляндии, и отсюда задержка в проведении операций. И вообще предложения немцев Финляндии не правятся: прежде всего требование Германии о присоединении

* Здесь и далее в тексте выделено автором.

** Министр иностранных дел Виттинг и премьер-министр Раагелль.

Финляндии к тройственному договору⁸⁰, на что у нас нет никакого желания, поскольку из этого вытекала бы обязанность воевать на стороне Германии до конца. Финляндия ведет, мол, особую войну, и это война оборонительная, но без помощи Германии Карельский перешеек мы не освободим.

(Вот тут-то наконец мы и пришли к сути вопроса. Рассуждая так, как это делает Таннер, можно защищать подряд все происходящее. Сначала приучаем себя к большому заблуждению, будто мы ведем «отдельную войну», которую можем начать по своему разумению и закончить, когда сочтем нужным. А ведь не могли же мы определить момент ее начала, не сможем по своему усмотрению и решить, когда нам ее прервать. Ну а если Германия сочтет, что мы ей нужны, — что же мы тогда скажем: можете идти дальше без нас? Нет, это не в нашей власти. Да и от договора, если его от нас всерьез потребуют, мы не сможем так просто отказаться, и придется нам так и бежать в одной упряжке до конца войны. А подобного рода пояснениями и уверениями мы лишь вводим в заблуждение и себя, и других. Вот она, та типичная и модная политика, с помощью которой руководят социал-демократами. Сначала говорят: мы все определяем сами, события этих дней ничего не значат и пусть ими занимаются военные. А затем, когда все происходит иначе и все потеряно, говорят: нельзя отрицать свершившиеся факты. Однако своей внутренней самостоятельности мы не продадим и в душе будем оставаться социал-демократами! Пока наконец не увидим, что все мы — рабы диктатора и должны отказаться от своих целей.)

Рассказал Таннер и о большой сенсации. Германия поняла, что ей нужно иметь больше солдат в Северной Норвегии, и потребовала у Швеции разрешить транзит еще одной дивизии. Как известно, П. А. Ханссон⁸¹ сказал, что Швеция не согласится снова пропустить кого-либо сверх уже переправленных⁸². Если теперь перевозки все же состоятся, то авторитету П. А. Ханссона конец (но, похоже, кое-кого здесь это вовсе не беспокоит). Итак, весьма интересно, что сделает Швеция. Таннер сказал, что шведский король даже угрожал отречением, если только Швеция будет втянута в войну.

Все происшедшее, продолжал Таннер, не одобряют ни социал-демократы, ни правительство. О приказе Маннер-

гейма * ⁸³ правительство не знало ничего. Говорят, что секретарем у Маннергейма — редактор «Ууси Суоми» Лаури Ахо, который, если верить слухам, и сочиняет ему приказы. Но коль скоро так случилось (а это, следовательно, событие реальной политики, против которого ничего не попишешь), всем посольствам сообщено, что Маннергейм таким образом лишь воодушевлял своих солдат, но что в политическом плане это не имеет решающего значения. Ничего не значит и собрание в Вуоккиниemi ⁸⁴...

После этого во фракции началась оживленная дискуссия. Среди прочих выступил Сюрьянен ⁸⁵ и выступил на сей раз хорошо, видимо, в соответствии с (наивной) точкой зрения большинства фракции. Он сказал, что рабочие поражены, так как неизвестно, не идет ли война ради самой войны, коль скоро мы перешли границу и пошли в Дальнюю Карелию ⁸⁶. Он рассказал, что есть солдаты, которые отказались переходить границу (восстановление которой социал-демократические лидеры в канун войны представляли как ее цель для того, чтобы обеспечить войне поддержку народа) и которые за это посажены в тюрьму. Хаккила заявил по радио, что целью является установление для Финляндии новых, более выгодных границ, однако неизвестно, где будут эти границы. А «буржуи» радуются речам Хаккила и Таннера...

В это время на собрание фракции пришел Рангель и прочел обширный доклад об общемировых и финляндских делах. На восток за границу продвинулись на 40—70 километров. На Ладогу вышли по обе стороны от Сортавала. На Карельском перешейке у противника мощные укрепления, и поэтому там, а также на полуострове Ханко во избежание больших потерь ведется постепенное «размягчение»... И все же потери у нас есть. За первые три недели выбыло из строя 12 тысяч человек, из них 2400 убитых, 800 пропавших без вести, а остальные раненые. В прошлой войне за такое же время было потеряно 11 530 человек...

Затем Рангель представил данные по внешней торговле. Импортные цены сейчас на 100% выше, чем в 1939 г., а экспортные — на 50% (а не происходит ли и тут эксплуатация нашего народа Германией?). Докладчик долго говорил о валютных делах. Резерв выпуска банкнот, кото-

* От 11.7.1941 г.

рый в 1939 г. составлял 2203 миллиона марок, снизился до 924 миллионов. Государственный долг банку вырос до 7,5 миллиарда марок. Планируются новые долги. Трудное положение сложилось с рабочей силой: часто приходится прибегать к принуждению. Плохо прошел сплав древесины. Трудностей много, но с ними кое-как справляемся. Продовольственное положение: зерна, видимо, хватит до собственного урожая (Рангель забыл превознести, подобно Виттингу, нашего щедрого помощника — Германию); с сахаром положение безбедное; мяса мало; надой молока в районе Хельсинки сократились в июле на 30%; с производством масла плохо; сыра для гражданского населения не хватает; выдачу пищевых жиров пришлось сократить, приведя ее в соответствие с собственным производством...

Затем прерванная дискуссия была продолжена. Пеккала... продемонстрировал, сколь невыгоден этот хваленый торговый договор с Германией. Мы можем экспортировать в Германию такую продукцию (целлюлозу, бумагу), которую Германия сама вывозит за границу и конкурирует с нами. Следует отметить также, что в Германию стали все больше вывозить необработанную древесину, а это значит, что финнам не остаются даже низкие заработки.

Хамяляйнен высказал неодобрение постоянному употреблению в передачах государственного радио и в газетах слова «рюсся»⁸⁶ ...Каяла⁸⁷ (добрячок из Тампере) потребовал принять меры против безмозглой военной пропаганды. Следовало бы улучшить нашу собственную информацию.

Хилтунен⁸⁹ высказал свое мнение о порожденных победным угаром целях войны. В народе уже повсеместно говорят о том, что «жизненное пространство» для Финляндии следует отобрать у Норвегии и Швеции. В захваченные районы ставка не хочет допускать в качестве администраторов гражданских лиц. Есть беспокойство и в отношении будущего нашей общественной системы (вот так-то, и в этом деле нет веры в просвещенный патриотизм Виттинга и правительства). Использование рабочей силы организовано плохо. Оборонительный союз со Швецией был бы больше нужен нам, чем Швеции.

Питкясилта (портной из Лахти) попал в самую точку, заметив, что нам все же угрожает присоединение к тройственному пакту, и задал вопрос, какие даны гарантии

того, что полная самостоятельность Финляндии будет сохранена.

Выступили еще несколько типов, но я отправился восвояси писать по свежим следам эту эпистолу. В ней ты видишь все в подлинном свете. Заметь, как народ провели и продолжают водить за нос. В буржуазных фракциях, конечно, не отмечено никакой критики, даже подобно той, что была у нас... Я верю в то, что если западные демократии в конце концов победят, то у них достанет справедливости передать Финляндии то, что ей по праву принадлежит, и, может быть, даже определить для нее более естественные границы, коль скоро уж нам не удастся отодвинуть их до Урала...

Кесьярanta, 24.8.1941

Внутриполитические воззрения быстро развиваются у нас в том направлении, куда их сознательно направляют всей силой государственного ведомства пропаганды. Даже ведущие кооператоры, как, например, бывший министр торговли Салмио, насколько известно, с воодушевлением отзываются о новой нацистской экономической системе и ее достоинствах... И все же здесь можно заметить, что люди разочарованы тем, что война все еще продолжается: несколько недель, в течение которых она должна была закончиться, оборачиваются несколькими месяцами. Потери в людях по-прежнему велики, как каждый может видеть по траурным объявлениям в газетах и проходящим по всей стране похоронным церемониям. Но все это тонет в большом военном угаре: вот и сейчас «наши войска накатываются» на Выборг, а сколь гигантской будет германо-финская лавина, которая покатится на Питер!⁹⁰ Охлаждает это великое воодушевление лишь суровая перспектива возможности зимней войны. Лично я поверил в нее сразу же, как только бросок немцев замедлился в Центральной России...

Меня же по-прежнему одолевает грусть в связи с упадком у нас демократии... По-прежнему во всех газетах говорят о том, как события большой политики развиваются своим неизбежным ходом, как внезапно начинались и захватывали нас новые войны, но никто не проронит и слова о том, что и народ, и его парламент должны были бы

иметь возможность что-то сказать о том, как решается их собственная судьба. И само собой разумеется, что все в порядке, коль скоро правительство ставит парламент перед «свершившимися фактами» и получает одобрение. Так-то, дескать, демократия и осуществляется! И тогда в один голос кричат о совместном долге в борьбе, решающей судьбу нашего Отечества. А тот, кто осмеливается критиковать проделки господина Виттинга за спиной парламента, тот изменник родины. Да если это демократия, то плевал я на такую демократию! Но больше всего я сожалею о том, что на этот скользкий путь, по которому только и можно что скатиться на юг от Балтийского моря, уведена и социал-демократическая партия...

Хельсинки, 3.9.1941

...Самая большая сегодняшняя сенсация — ожидание предстоящего падения Питера. В это веруют, как в бога, да и следует верить. Многие привычно полагают, что на этом война для Финляндии закончится и что Германия, дескать, пообещала ничего более не требовать от нас. Солдаты наши вернутся домой, и народ вздохнет с облегчением. Однако в парламентских кругах есть некоторые сомнения насчет подобного окончания войны. Как раз вчера капитан Шильдт сказал мне, что мы могли бы заключить мир, если бы было с кем заключать, в связи с чем надо ждать появления в России такого правительства, которое могло бы пойти на мир. К тому же он считает, что Германия может потребовать от Финляндии 30 тысяч человек для несения полицейской службы в Питере, после того как он будет захвачен. Есть и такие, которые считают, что никакой полиции там не потребуется, поскольку Питер будет стерт с лица земли. Об этом мне всерьез говорил, в частности, Таннер, а Хаккила даже в восторге от такой перспективы, тем более что, по его мнению, тут никому никаких хлопот не будет, так как «москалии» сами уничтожат свой город. Об этом же пишут и газеты.

Нижеподписавшийся, правда, предсказывает, что уничтожить Питер навсегда невозможно, как это было с Иерусалимом, поскольку Питер расположен в такой точке одного из главных путей мировой торговли, где всегда будет

возникать новый центр, если старый окажется уничтоженным. Но... оставим нашей культурной публике то великолепное наслаждение, которое приносят ее утонченным первам перспективы ужасающих разрушений, массового уничтожения людей, нищеты и страданий в тот блестящий век, когда, как заявил в своей речи в парламенте Хаккила, мы становимся свидетелями «величайших в мировой истории побед»! Ведь мы же сейчас вместе с Гитлером творим мировую историю — это представление весьма распространено в здешних просвещенных кругах. Здесь переживают буквально период мании величия!..

Крупным внутриполитическим событием стало взятие под стражу «шестерки» *. Когда я приехал в понедельник в Хельсинки и прибыл в президиум парламента⁹¹, Хаккила коротко сообщил, что от министра внутренних дел поступила информация о том, что «шестерка» «задержана для дознания», о чем будет доложено парламенту, но обсуждаться не будет, так как это информационный вопрос **. Парламент выслушал все безмолвно. После заседания собралась наша фракция. Сразу же встал Микко Эрих (сказать, что он самый правый из правых социалистов, — это ничего не сказать) и заявил, что, хотя, согласно конституции, нельзя препятствовать участию депутата в работе парламента и арестовывать его без согласия парламента, если он не застигнут на месте преступления, за которое предусмотрено суровое наказание, в данном случае речь идет не об «аресте», а лишь о «задержании» для дознания и что власти должны будут в течение двух недель сообщить парламенту, намерены ли они предъявить задержанным обвинение и в чем конкретно. Оснований для беспокойства нет, так как «суд» рассмотрит дело и вынесет свое решение по нему.

Правда, во фракции было высказано и другое мнение. Например, я заявил, что «теория задержания» была введена в политическую жизнь в «лучшие годы» лапусасского движения⁹² в связи с арестами коммунистов (новые «лучшие годы» опять начались), а что дело обстоит именно так — публично и не оспаривается; что до депутатов, то безразлично — «задерживают» их или «арестовывают».

* 25.8.1941 г.

** Сообщение об этом было сделано на заседании парламента 1.9.1941 г.

И вот теперь сначала дело свершается, и лишь потом о нем сообщают парламенту, великоленно зная, что тот уже ничего не сможет изменить... Было указано и на то, что неприкосновенность депутатов выглядит для находящейся у власти буржуазии, которая прекрасно знает, что ее представителей не будут «задерживать» по политическим причинам (говорят, Аграрный союз еще в начале лета обращался к правительству с требованием о «задержании» членов «шестерки»), совершенно по-иному, чем для социал-демократов, положение которых теперь, в условиях проникновения нацизма, весьма щекотливо. Они, будучи противниками капитализма и к тому же в меньшинстве, стоят на дороге у буржуазии, в связи с чем социалистам следовало бы защищать эту неприкосновенность даже тогда, когда речь идет о «шестерке».

Но политическая вражда всегда сильнее конституций, и ради разгрома «шестерки» можно поставить под смертельную угрозу и всю демократию. Тут не прислушиваются ни к голосу разума, ни даже к инстинкту самосохранения. Дело, таким образом, пойдет своим чередом. Приятно было все же услышать, что, когда этот вопрос обсуждался в Государственном совете, наши министры возражали, так как им не были сообщены аргументы, представленные государственной полицией...⁹³.

Я столь подробно рассказал об этом деле потому, что оно наглядная иллюстрация нынешней политической обстановки в нашей стране и полнейшего упадка демократии в ней... Это, правда, выявилось уже в связи с отсутствием веры в возможность разбить коммунизм духовным оружием, что было бы легко сделать в нашей западной по своей сути и по своему геополитическому положению (прости мне это модное слово) стране, если бы здесь повыше были материальное благосостояние народа, уровень его политического сознания и — осмелюсь сказать и это — степень гуманизма лидеров рабочего класса.

Говорят, «задержан» и Хело. Может быть, в следующем письме (если его еще доведется написать, так как в наше время все возможно) я смогу рассказать тебе и о других удивительных, но и поучительных вещах. Если получишь это письмо, тщательно проверь, не вскрывал ли его кто-нибудь по пути. Ныне может случиться и такое...

Видимо, подошло время снова написать тебе о здешнем житье-бытье. Для начала немного о военных событиях... Вальден тут разъяснял членам парламента некоторые технические детали войны... Он не сказал ничего о числе погибших, упомянул лишь, что из общего числа случаев тяжелых ранений теперь намного меньше, чем во время «зимней войны», да и погибших по сравнению с ранеными меньше, чем прежде. Из траурных объявлений в газетах видно, однако, что жертв много. Членам комиссии парламента по делам обороны, которые с большим воодушевлением относятся к этому крестовому (вернее — свастиковому) походу, вроде бы стало известно, что выбывших из строя не больше 100 тысяч, из коих 18—20 тысяч убитых (!). И все же становится заметно, что война начинает надоедать. Люди стоят на Карельском перешейке у границы без дела в ожидании, когда рухнет Питер, не зная, что же за этим последует... А русские, даже в свой самый трудный час, оказывается, способны еще бомбить кое-какие объекты, хотя уже все свыклись с тем, что сил у них нет и мир близок. И вот теперь, похоже, начала распространяться уверенность, что война не кончится еще и в течение предстоящей зимы. А поскольку продовольственное положение все ухудшается (даже картошку будут давать по карточкам), то будущее выглядит весьма мрачным.

Не знаешь, что и делать-то! Грядет нацизм: мне это представляется все более и более определенным. Не далее, как сегодня, работницы кооперативной кухни заявили, что нам следует, стоя на коленях, благодарить немцев за то великое благо, которое они принесли нашей стране. Простые люди готовы принять новые немецкие порядки.

Таннер поехал в Германию и определенно склоняется к новому курсу. Официальная позиция нашей партии такова, что, хотя мы выступаем вместе с нацистами, мы все же боремся за демократию и можем оставаться демократами. Это, видимо, и есть та самая «реалистическая политика», которая, правда, признает, что весь дом в огне, что горит и наша угловая комната, но что это-де изолированный пожар и мы можем погасить его, когда только пожелаем! Жаль лишь, что в Швеции нас, похоже, не очень-то понимают. Только что я прочитал в «Дагенс нюхетер»⁹⁴, что в Стокгольме прошли большие «собрания граждан», на

которых была принята резолюция, где указывалось: «Поскольку Финляндия присоединилась к тем, кто ведет войну за уничтожение демократии, Швеция не может считать дело Финляндии своим делом». Однако здесь ничуть не считаются с тем, что говорит Швеция. «Ууси Аура»⁹⁵ хвастается, что мы повернемся спиной к Швеции, которая не понимает, какое время настало, и установим прямые связи с культурой Центральной Европы...

Государственный информационный центр⁹⁶ под руководством Реенпяя⁹⁷ действует, как говорят, уже целиком на нацистских парах и будто бы создал даже новую систему осведомителей (!)...

Хельсинки, 4.10.1941

Сегодняшняя сенсация здесь — нота Англии⁹⁸. Правительство уже довольно долго обсасывает ответ на нее, и он уже почти готов. Возможно, его отправят еще сегодня. Вместе с его официальной передачей, говорят, есть намерение опубликовать официальное сообщение и для широкой публики. В «Дагенс нюхетер» я прочитал сообщение ее лондонского корреспондента о том, что Лондон не предпримет никаких шагов, пока не поступит ответ Финляндии. Однако ожидание бесконечно продолжаться не будет, и вчера вечером Иден⁹⁹, выступая по английскому радио, будто бы говорил о Финляндии в весьма жестких выражениях. Так что публика здесь обеспокоена, особенно многие социал-демократы, которые увидели, что может случиться, если по-прежнему задирать носы, как на самом деле происходит в особенности после захвата Петрозаводска*, в связи с чем были вывешены знамена. Первым тут был, конечно, Хаккила, который поднял флаги на флагштоках перед парламентом.

В прошлый вторник председатели и вице-председатели парламентских фракций, а также председатель комиссии по иностранным делам были приглашены в Смольну¹⁰⁰ на обед к премьер-министру, после которого было заслушано сообщение Виттинга по английскому вопросу. Английскую ноту бегло перевел Рангель, но ни точного ее перевода на финский язык, ни копии на английском не было передано

* Захвачен 1.10.1941 г. и переименован в Ээнислинна.

комиссии парламента по иностранным делам. На слух можно было заключить, что текст ноты совершенно отличается от того, который был опубликован Англией. Виттинг представил проект ответа, который, как он сказал, был уже пятым вариантом. Это была обычная, страшно растянутая софистика: наша война не агрессия, а оборона; это вовсе не часть мировой войны; мы не принадлежим к «оси»; правда на нашей стороне; рассчитываем на понимание со стороны Англии. То есть абсолютно никаких обещаний, никакой информации о тех целях, которые мы в войне преследуем, хотя мимоходом едва-едва сделана ссылка на Юрьевский мир¹⁰¹, согласно которому Восточная Карелия должна была бы быть свободной...

Обсуждение ни к каким заметным результатам не привело, поскольку почти все одобрили ноту без дальнейших разговоров. Я, правда, заметил, что следовало бы прямо сказать об отсутствии у нас намерения продвигаться в «чисто русские» районы (в английской ноте было сказано, что Финляндия должна вывести свои войска из «чисто русских» районов за пределы границ Финляндии до 1939 г.) и что существует намерение сохранить оккупацию захваченной Восточной Карелии до тех пор, пока при выработке всеобщего мира относительно ее судьбы не будет принято справедливого решения. Но на это особого внимания не обратили... А Салмиала в ходе обсуждения предложил исключить из ответа утверждение о том, что мы не принадлежим к «оси», поскольку это, строго говоря, неправда, да и оскорбительно для Германии. Линкомиес счел излишним говорить об «оборонительной войне», поскольку все же эта война — нападение, хотя в более глубоком смысле — это оборона...

В четверг Виттинг пришел в комиссию парламента по иностранным делам, где и его сообщение и дискуссия были еще слабее, чем в Смольне. Фрич от имени шведов выразил все же пожелание получить текст ноты Англии. Были высказаны также предложения (в том числе мною), чтобы в ответе было ясно заявлено, что в «чисто русские» районы продвижения не будет, что вопрос о Карелии — это национальный вопрос и что далее этого цели войны не простираются...

От присутствовавшего на собрании Вальдена узнали, что недавно потери Финляндии составляли 18 600 убиты-

ми (или пропавшими без вести) и 17 000 находящимися в госпиталях.

Но наиболее значительная в политическом плане схватка произошла вечером на собрании нашей фракции. Обсуждалось предложение президиума парламента о том, чтобы парламента на месяц ушел на каникулы. Видимо, на этот счет договорились между собой Аграрный союз, председатель парламента и правительство (прежде всего Вальден). Но в нашей фракции это предложение встретило почти единодушное сопротивление, главным образом по той причине, что в связи с английской нотой мы стоим на грани новой войны, и, хотя авторитет парламента упал, нельзя же махнуть на все рукой. Да и во внутриполитическом плане важно быть всем вместе, так как находящиеся на фронте рабочие не доверяют никому, кроме своих представителей в парламенте; люди пишут о своей усталости и нежелании идти туда, куда стремятся идти «икозловцы»¹⁰² и всякие военные фанатики, да и питание плохое и т. д. Из более детальных обстоятельств можно упомянуть о том, что, как рассказал Пеккала, еще Стольберг¹⁰³ говорил, что, когда парламента заседает, правительство может чувствовать себя уверенно, но теперь определяющим является иное направление. Даже члены правительства не видели английской ноты и предполагаемого ответа на нее. Пеккала более не входит в комиссию правительства по иностранным делам (теперь там Таннер). Многие из выступавших так обругали Хаккилу, что вряд ли где-нибудь еще в мире кто-то мог хотя бы день удержаться на выборной должности после такой трепки. Отчитан был (в его отсутствие) и Таннер за то, что он за границей говорит такое, во что и поверить-то нельзя. Я тоже заявил, что, хотя авторитет парламента и невысок, он рухнет совсем, если парламента оставит свое место в строю; если мы и не можем влиять активно, то можем оказывать пассивное воздействие. Обо всем этом было сказано. Но думаю все же, что нас отправят на каникулы — нет сомнений. По мнению правительства, ему это выгодно...

Вчера вернулся Таннер и вечером позвонил мне по поводу английской ноты, которую он считает спокойной и правильной. Ему я тоже предложил мотивировать требование свободы для Карелии Юрьевским мирным договором и добавить, что наши цели в войне дальше этого

не идут (что включает в себя обязательство дальше не наступать). Разговор так и остался разговором, и я верю, что эти соображения будут приняты во внимание...

9.10.1941

После отчета Таннера о его поездке в Центральную Европу был поднят вопрос о войне, которую ведет Финляндия. Предыстория этого заключалась в том, что председатель парламента (своим милитаристским задором уже наполовину сделавший себя всеобщим посмешищем) получил от правительства, которое в свою очередь подтолкнула на это ставка, ясное пожелание, чтобы парламент на октябрь месяц отправился «помыться в баньке», а его финансовая комиссия за это время спокойно бы поработала. Но с этим планом не согласилась социал-демократическая фракция. Она взяла да и приняла единогласное решение о том, что сложная политическая обстановка требует от парламента продолжения работы...И вот в прошлый вторник премьер-министр Рангель все же представил парламенту ответ, который должен быть дан Англии, причем сделал это в отсутствие многих депутатов. Его доклад, как и сам проект ответа, вовсе не был образцовым.

Даже Таннер считает, что следует начать переводить управление делами страны с военных рельсов на политические. А для этого следовало бы потребовать, чтобы представители ставки прибыли в Хельсинки на совещание с правительством (которое до сих пор гоняли получать указания в ставку) и чтобы правительство давало указания ставке. Конечно, без дальнейших разговоров одобрено и запланировано, что Таннер для начала изложит все это Рангелю и Рюти и что для обсуждения этого дела будут созваны председатели демократических парламентских фракций (помимо которых в эту делегацию вхожу и я). Так что наконец-то и парламент начинает готовиться к тому, чтобы высказать какое-то мнение о целях нашей войны. Я, правда, не верю, что это пройдет слишком уж четко и гладко, так как Аграрный союз совсем потерял голову, да и прочие буржуи пребывают в полнейшем восторге от побед.

Что же до самой ответной ноты Англии*, то она, конечно, получила всеобщее одобрение. Таннер ее очень защищал, а Пеккала и я критиковали, так как, на наш взгляд, мы должны были бы сообщить Англии, что невозможных требований мы не выдвигаем, поскольку опасаемся, что после подобного ответа мы определенно окажемся в состоянии войны еще и с Англией. Ээро Вуори и Таннер этого не боятся, а Вуори считает, что может начаться война с воздуха, но не более того... Многое зависит от судьбы Питера. Если он выстоит еще месяц-другой, то что-то важное может случиться и с Финляндией. Я это все время предчувствую...

А вообще-то показательно, что в нашей фракции никто ясно не высказывается о целях войны. Свою позицию я обосновал тем, что, поскольку публично было заявлено, что мы участвуем в крестовом (то бишь свастиковом) походе и намереваемся уничтожить Россию и большевизм (хотя и не состоим в союзе с Германией), то тем самым уже высказана основная цель войны и доказано, что мы воюем не ради самой войны. Шведские газеты уже отметили, что ответ Финляндии содержит указание на реальную цель, касающуюся Карелии (считаю это своей заслугой). Думаю, что я больше всех повлиял на то, что мысли у нас стали сосредоточиваться на Карелии (что, правда, само по себе весьма растяжимое понятие), хотя и верю, что, будучи буржуазной страной, Финляндия вынашивает намного более значительные цели и не намерена никому разрешать вмешиваться в дела «Великой Финляндии». Таннер же, похоже, фактически отказался от намерения разгромить Российское государство и большевизм, согласен оставить эту задачу немцам и перешел на более узкую стезю.

...Серьезный практический вопрос нынешнего момента заключается в том, каковы будут последствия нашего ответа Англии, а принципиальный вопрос — каковы цели нашей войны и кто эти цели ставит: парламент или же ставка. Один путь ведет к разуму, к сохранению демократии, к единению со Скандинавией; другой, попросту говоря, — к нацистской диктатуре с присущими ей «квислингами»...

Пеккала сегодня показал мне длинный протест по мно-

* Вручена 6.10.1941 г.

гим вопросам нынешней войны, который он внес в протокол Государственного совета по меняющейся позиции правительства в отношении Карелии, по сокрытию ноты Англии от членов Государственного совета, по дискриминации парламента при составлении ответа на эту ноту и т. п.

Хельсинки, 10.11.1941

Снова пишу тебе и чувствую, что обязан сделать это (и не только по соображениям отеческой заботы), поскольку дела отечества именно на данный момент находятся в весьма опасной стадии. Америка ведь заявила, что еще один даже маленький шаг со стороны финнов, угрожающий Мурманской железной дороге, заставит США выступить против Финляндии на стороне ее противника, в связи с чем Финляндии следует отвести свои войска из районов, близких к Мурманской железной дороге. Таково реальное содержание меморандума США*. А вооруженные силы Финляндии быстро приближаются к железной дороге Мурманск—Архангельск, и их выход на нее представляется делом ближайшего времени...

Так вот, в пятницу после заседания парламента у нас было собрание фракции, на котором Таннер изложил следующий вопрос. Исполком партии (в отсутствие Таннера) решил направить премьер-министру в письменном виде просьбу о том, чтобы в связи с обострением отношений между Финляндией и США парламенту была предоставлена возможность перед направлением ответной финляндской ноты обсудить положение на закрытом заседании. Рангель отнесся к ней отрицательно и заявил, что в правительстве обсуждался план направления парламенту декларации о воссоединении с Финляндией территорий, отобранных у нас по Московскому миру. Исполком партии направил свою бумагу и парламентской фракции. Поскольку вопрос был очень срочным, Таннер сказал, что поставит его прямо во фракции, хотя по правилам его следовало бы рассмотреть сначала в ее подготовительной комиссии. Заодно он высказал свое мнение, которое отличалось от мнения исполкома партии. Он возражал против того, чтобы вопрос** рассматривался в парламенте, так как это

* Ноты США от 25, 27 и 30 октября 1941 г.

** Об американских нотах.

породит различные выступления и будет невыгодно и даже вредно для нашей партии. Лучше всего, чтобы правительство срочно ответило на ноту США — так как великие державы не ждут подолгу ответа малых, — а парламенту затем будет дана информация, по которой он сможет высказать свое мнение. Поэтому вопрос надо-де передать в подготовительную комиссию.

Выступление Таннера вызвало весьма оживленную и острую дискуссию. Саловаара,¹⁰⁴ из числа сторонников Таннера, сказал, что он был на заседании исполкома, но ушел до его окончания, не согласившись с позицией исполкома... Но, черт побери! Фагерхольм, до сих пор завзятый таннеровец, и в исполкоме и в правительстве заявил, что выступал за то, чтобы вопрос до отправки ноты был рассмотрен в парламенте... В этом же духе высказались некоторые другие, в том числе и я... Многие из выступавших говорили, что люди устали от войны как на фронте, так и в тылу, и утверждали, что солдат уже не заставишь идти куда угодно. Таннера основательно поприжали и в связи с его заверениями, будто продвижения за пределы финских границ не будет, а война не продлится более шести недель; оба эти обещания нарушены. Но главный вопрос — одобрить требование исполкома партии либо точку зрения Таннера о том, следует ли передавать дело в парламент, — был поставлен на голосование. И случилось так (для многих это, определенно, был сюрприз), что Таннер потерпел поражение 25 голосами против 20, а позиция исполкома партии была одобрена.

А за собранием фракции последовала интермедия: в субботу утром Виттинг предложил прийти 10 ноября к 12 часам дня в комиссию парламента по иностранным делам и изложить нам проект ответа США. Думаю, что это было следствием собрания фракции.

Сегодня это собрание комиссии состоялось... На него пришел не только Виттинг, но и Рангель и, конечно же, Пакаслаhti. Виттинг представил сначала три меморандума США. В первом излагалась беседа Прокопе¹⁰⁵ и Уэллеса¹⁰⁶ 18.8.1941 г. Уэллес заявил тогда Прокопе, что Россия могла бы пойти на мир ценой территориальных уступок. Когда Прокопе потребовал гарантий, Уэллес сказал, что вопрос можно будет обсуждать лишь в том случае, если правительство Финляндии отреагирует на это его предварительное сообщение. В дальнейшем США стало

известно, что Финляндия не заключит мир с нынешним правительством России. Однако США приходится потребовать, чтобы военные действия Финляндии против России были срочно прекращены и финляндские войска отведены оттуда, где они угрожают перевозкам того, что Англия и США поставляют России. Во втором меморандуме Шоэнфельд* заявил, что недавние военные действия Финляндии оказывают большую помощь Германии и представляют из себя угрозу безопасности США. Финляндия лишится дружбы и поддержки США и сейчас, и в будущем, если она не поступит так, как предлагают США. В третьем меморандуме содержалась короткая информация о том, что США ожидают от Финляндии ответа в возможно кратчайшее время.

Представленный проект ответа Финляндии был уже седьмым по счету и невероятно длинным. Он был составлен в таком тоне, который может подействовать на американцев, хотя по содержанию и во всех основных положениях был таким же, как и нота, направленная Англии. Упомяну здесь о некоторых моментах этого документа вне зависимости от их логических ассоциаций. Финляндия удивлена тем, что от нее требуют отвода войск, а от России не требуют ухода с полуострова Рыбачий, с островов Финского залива, из Ханко и т. д. (Думаю, если бы мир был заключен, в его условия было бы включено возвращение Финляндии как раз этих территорий.) Если же мы теперь отведем наши войска, то Советская Россия сразу же использует эту возможность для наступления на нас (тут я про себя подумал, что условием заключения мира, конечно, должно быть создание в Карелии нейтральной зоны). В ответе подробно освещалось, как при вступлении в Карелию там были обнаружены значительные военные сооружения: пять железнодорожных веток, автомобильные дороги, аэродромы и т. п. И поэтому приход наших сил туда служил оборонительным целям: ведь если можно отражать агрессию, то можно и уничтожать предназначенные для нападения базы противника. Поэтому все это не что иное, как оборонительная война, и Карелию из наших рук выпускать нельзя! Нельзя проводить различие между возвращенными и захваченными районами. (Тут, на мой взгляд, забыли, что Россия могла начать укреплять Во-

* Посол США в Хельсинки.

сточную Карелию на тот случай, который теперь и имеет место, а именно что какая-нибудь великая держава нападет на Россию через Финляндию)...

Финляндия, таким образом, вправе продолжать свою оборонительную войну до тех пор, пока она не получит гарантий постоянной безопасности, и ей приходится ради этого захватывать территории, о которых будет принято окончательное решение при заключении мира. Карельские земли всегда были, и по большей части являются и сейчас, финскими...

Затем следовало длинное изложение бесед Прокопе с Уэллесом, согласно которому Прокопе был, конечно, прав, а Уэллес — неправ. Далее шла полемика по тем слухам о мире, которые распускает английское радио. Указывалось, что Финляндия не получила авторитетных предложений о мире ни 18 августа, ни позднее. Ведь Уэллес передал лишь информацию, но не сказал даже, какие территории Россия будто бы могла отдать нам. А вооруженные силы Финляндии не столь велики, чтобы угрожать США, как этого там опасаются. Финляндия сражается за свою демократическую свободу против России, относительно агрессивных замыслов которой никаких сомнений нет. А вот со стороны Германии никакая опасность не угрожает. Отношения с Германией являются близкими и для Финляндии выгодными (!). Случилось так, что нам довелось одновременно выступить против России. Мы лишь не даем погубить Финляндию и всю Скандинавию, а нас подвергают голодной блокаде, поэтому жить мы можем лишь с помощью Германии. 23 октября Рюти уже сказал Шонифельду, что Финляндия надеется на скорую демобилизацию своих войск. Других обязательств она дать не может. А вот США следовало бы обеспечить мир на земле.

По поводу изложенного было сделано множество замечаний, хотя никто и не предложил согласиться с требованием США об отводе войск.

Линкэмнес заявил, что концовка неудачна: обеспечения мира во всем мире от США ожидать нельзя. Да и о демократии говорить не следовало бы. Хельяс счел, что проект изложен общедоступным языком с учетом обстановки в США; концовка не понравилась и ему. (Человек он приятный, но безнадежно погрязший в прусском болоте.) Рейникайнен увидел в прочитанном четыре стоящих пункта, из коих одним было упоминание «демократии», а

вторым — призыв к рыцарским чувствам США в отношении всего мира. Хакцель¹⁰⁷ был согласен с Линкомие-сом относительно концовки и сделал некоторые замечания. Виртанен (Атос, заклятый враг Германии, опасющийся, что этот конфликт приведет Финляндию к катастрофе) задал вопрос, обдумывалась ли всерьез хотя бы возможность отвода наших войск. Икола¹⁰⁸ внес предложение, чтобы в ответе было ясно сказано о том, что в Карелии живет часть финского народа, и, таким образом, сделан более серьезный акцент на национальном вопросе. Это предложение встретило поддержку: Сюльви-Кюлликки Кильпи и Фрич высказались в поддержку демократии и мирных задач США.

Однако никаких решений, конечно, принято не было.

Дело это весьма важное и перспективное, так как теперь правительство может сказать, что оно довело ответную ноту до сведения комиссии по иностранным делам, и комиссия в основном против ответа не возражала. Так оно на самом деле и произошло, но комиссия может в свое оправдание сказать, что ей не принадлежит право что-то решать по данному вопросу, а значит, она не несет и ответственности. В любом случае, по-моему, следовало бы агитировать за мирную конференцию в пользу освобождения Карелии и ее возможного присоединения к Финляндии, так как я всегда считал, что в «естественную Финляндию» входит и Восточная Карелия...

Рангель выступил сегодня в нашей комиссии с интересным сообщением. Он сказал, что правительство намерено внести в парламент декларацию о денонсации Московского мирного договора и о воссоединении отторгнутых от Финляндии территорий с отечеством. Я сразу же сказал, что, на мой взгляд, это хорошее дело, которое должно будет прояснить обстановку. А про себя подумал, что в этой связи парламент все же получит возможность высказаться относительно целей войны и наконец-то констатировать, что по этому поводу на деле думают в различных партиях, хотя бы даже никакого решения и не было принято...

Хельсинки, 13.11.1941

Сегодня Таннер сообщил, что Япония и Германия пытаются втянуть Финляндию в «Антикоминтерновский

пакт», пятилетие которого исполняется 25-го числа этого месяца. Общее мнение было сведено к тому, что следует сопротивляться этой попытке, поскольку присоединение к пакту не сообразуется с направленной Америке нотой, да и во внутриполитическом плане не произвело бы хорошего впечатления...

Об общей же обстановке здесь ничего особенного сказать нельзя. Социал-демократы ведут двойную игру. В газете как могут ругают Англию (и многие делают это вполне искренне), а на собраниях молят провидение уберечь нас от такого несчастья, каким явилась бы новая война. Все время приходится слышать об усталости от войны на фронте. Эйно Кильпи¹⁰⁹ рассказал, что к нему в редакцию пришло письмо, в котором майор запаса, лейтенант и двое прапорщиков просят принять меры к прекращению войны. В то же время Ууно Нурминен, профсоюзный босс, сообщал об иных настроениях, распространенных среди молодых солдат, согласно которым «москалей надо бы теперь расколошматить вдребезги». А истина, видимо, в этом случае где-то посередине...

Хельсинки, 20.11.1941

Финляндия вступает в «Антикоминтерновский пакт»...

Прошло всего лишь несколько дней, как Таннер частным образом сообщил мне, что становится все труднее сопротивляться нажиму Германии в антикоминтерновском вопросе. Во вторник 18 ноября Таннер созвал подготовительную комиссию парламентской фракции и разъяснил ей, что в этом вопросе придется уступить. Мотивировка была сверхстранная и абсолютно схоластическая, а именно 1) весь этот вопрос либо настолько незначителен, что заранее предполагает уступку, либо весьма важен, и тогда отказаться — значит взять на себя серьезнейшую ответственность, так как в этом случае социал-демократы — а уж Таннер во всяком случае — должны будут выйти из правительства, поскольку «буржуи» этого все равно добьются. Следствием будет конец общенародного единства, раскол в парламенте «до самого основания», а рисковать сейчас нельзя, и, значит, надо идти на участие в пакте. 2) Вторая причина заключается в том, что продовольственный кризис достиг весьма тревожных размеров. Мы целиком зави-

сим от Германии и окажемся в затруднительном положении, если она не даст нам продовольствия. В таких условиях, следовательно, надо уступить, как бы это само по себе печально ни было, тем более в такой момент, когда речь идет об отношении Англии и Америки к нам...

Типичным для подготовительной комиссии выступлением назову выступление министра Саловаара, который рассуждал так: поскольку мы всегда были в первых рядах противников Коминтерна, мы не можем возражать против подобной позиции и со стороны других, напротив — чем больше стран займет такую линию, тем лучше. Никакой опасности от присоединения к указанному пакту он не видел. Я остался в оппозиции, хотя и понимал всю безнадежность такого положения после того, как дьяволу уже отдан мизинец, да и другие пальцы. И все же я заявил, что в этом вопросе надо стойко сопротивляться и что такое сопротивление вовсе не должно привести к выходу из правительства... Сказал, что, на мой взгляд, если бы мы действительно энергично выступили, то, возможно, удалось бы заставить Германию отступить. И уж совершенно неприличным и носящим характер прямого давления я назвал это запугивание отказом в продовольствии: таким ведь образом нас можно заставить отступить от чего угодно — и от суверенитета нашей страны, и от демократии, — если только представить, что альтернативой отступничества является голодная смерть... Мы оказали и продолжаем оказывать Германии большие услуги, взяв на себя заботу о четверти всего германского фронта против России. И если продовольственная помощь Германии от чего-то и зависит, то только от нашей военной помощи ей, а не от какого-то «Антикоминтерновского пакта». Таким образом, мы могли бы, ссылаясь на наши большие заслуги и на заинтересованность Германии в нашей поддержке, требовать, чтобы по причинам внутреннего характера нам позволили остаться в стороне от этой вредной для нас декларации. Не оказывает же Германия такой нажим ни на Швейцарию, ни на Швецию, хотя они и не во всем подчиняются ее требованиям, поскольку Германия получает больше пользы от этих стран в их нынешнем положении...

Но все напрасно: восемью голосами (Таннер, Хаккила, Саловаара, Лехтокоски, Кому, Линна, Сюрьянен, О. Пелтонен) против пяти (Войонмаа, Виртанен, Толопен, Лепистэ, Брюггари) при воздержавшемся Аатела по-

зиция Таннера была одобрена... Говорят, что Таннер в тот же вечер сообщил в комиссии правительства по иностранным делам, что социал-демократическая фракция не будет в этом вопросе чинить препятствий правительству...

А вчера — 19 ноября — мы (обычная компания — председатели парламентских фракций, председатель и вице-председатель парламента и нижеподписавшийся) были у премьер-министра. Для начала он подробно изложил ход подготовки декларации президента.. В конце этого — начале следующего месяца имеется в виду представить парламенту декларацию о воссоединении с Финляндией отошедших от нее районов и о денонсации и расторжении Московского мира. Никаких разногласий по этому вопросу не было. А вторым был вопрос о Коминтерне. Поскольку мне было уже известно, какое решение примет собрание — да в этом и не могло быть сомнений, — я ушел, не дожидаясь конца...

Сегодня в 10 часов утра состоялось заседание комиссии парламента по иностранным делам. Комиссия присутствовала в полном составе, а также были премьер-министр и Виттинг (со своим вечным «хвостом» — Ааро Пакаслаhti). Речь шла, конечно, о Коминтерне. Виттинг старался всюю. Он заявил, что Германия пообещала Финляндии 175 тысяч тонн зерна, из коих 75 тысяч тонн на подходе, а остальные — «следует надеяться» — поступят вскоре. Ты, конечно, понимаешь, что эту «приманку» заглотнули немедленно. Однако и критика была жесткой, намного более жесткой, чем в подготовительной комиссии социал-демократической фракции. Отличились даже аграрии, вернее, двое из них. Хорошо выступил Хельяс, который сказал, что эта акция означает безоговорочное присоединение Финляндии к линии Германии и необходимость для нас воевать до тех пор, пока та воюет... Даже Хакцель прямо признал, что мы стоим в одном строю с Германией, но Германия стала опасаться, что Финляндия может заключить сепаратный мир, и захотела таким «мягким» способом удержать Финляндию в своей упряжке. Да и многие другие выразили мнение, что Германия таким образом хочет изъять нас из «дурной компании» и добиться объявления нам войны Англией. Хельяс прямо сказал, что все это ясно означает наш переход под германские знамена, так как пока еще к этому пакту не присоединилась ни одна демократическая страна. Я также поддержал Фрича,

указавшего, что, как ранее комиссии было сообщено, Германия обещала нам продовольствие, не оговаривая это условием такого присоединения...

Виттинг несколько раз разъяснял, насколько важно, чтобы в наших взаимоотношениях с Германией не возникало никаких осложнений (а для этого нам следует во всем ей подчиняться). Для Германии это вопрос престижа, и она вовсе не желает «принуждать нас, а, наоборот, обещает относиться с пониманием к нашей 500-летней демократии» (!) и т. д. Два-три раза в таком же духе выступил и премьер-министр, мотивируя свои соображения экономическими и «голодными» аргументами. Наши, конечно, критиковали, но вынуждены были смириться. Только я один пытался возражать, но не стал требовать отступления, так как дело было, по сути, уже решено...

Министров беспокоило голосование в комиссии: и Рангель, и Виттинг пытались выяснить, каким оно будет. По окончании дискуссии я представил дело таким образом, что правительство не было обязано вносить этот вопрос в комиссию (на что ссылался Виттинг), но, что раз это было сделано, комиссия вольна поступить так, как захочет, даже принять решение и направить его министерству иностранных дел для ознакомления. Но поскольку я исхожу из нежелания комиссии продолжать обсуждение вопроса, которым она ранее не занималась и по которому не располагает полными данными, то считаю его обсуждение в комиссии на этом этапе законченным. Все выразили согласие, и я поблагодарил министров за то, что, будучи лояльными по отношению к парламенту, они все же перед окончательным решением вопроса сообщили о нем комиссии. Заседание закрылось, а я сейчас сижу и пишу эту главу «Трагедии финляндской демократии» в «эпоху великих завоеваний Финляндии...»

Хельсинки, 3.12.1941

Итак, я выступил *...

Целью моей речи было зафиксировать, что территории, утраченные Финляндией по Московскому миру, должны

* Имеется в виду речь Войонмаа в парламенте 29.11.1941 г.

быть ей, безусловно, возвращены и это следует разъяснить также всем нашим противникам. В ходе нынешней мировой войны с нами обошлись несправедливо, и это должно быть теперь исправлено. Нас дважды вынудили воевать, под чем я подразумевал, хотя и не сказал, что первоначально это сделала Германия, сблокировавшись с Россией¹¹⁰, и что осенью 1939 г. — и это не отрицается, — пойдя на уступки, мы могли бы избежать войны. Да и на эту новую войну нас заставила пойти Германия, введя сюда свои дивизии, заняв аэродромы и устроив на территории Финляндии важный плацдарм для нападения. В начальной части своей речи я проанализировал сложившуюся ситуацию (хотя и не сказал вслух, что мы используем эту вынужденную войну исключительно в целях обороны, но и не отрицал, что в Восточной Карелии мы четко выступили как агрессоры), а в заключительной части отметил, что в нынешней ситуации мы можем снова выступить за право Восточной Карелии на самоопределение, начало которому было положено Юрьевским мирным договором. На это обстоятельство я указал в противовес чисто захватническим поползновениям, которые преподносятся под маркой «стратегических границ». Вопли о лучших границах для Финляндии являются фактически вздором, так как такого рода границы могут быть и ближе, и дальше, например вплоть до Урала, и, кроме того, можно спросить, а где быть этим «лучшим границам», например, с точки зрения налетов авиации? Я попытался высказать мысль, что признание права Карелии на самоопределение (хотя бы как территории, находящейся под международным управлением либо присоединенной к Финляндии наподобие Аландских островов)¹¹¹ явилось бы вместе с тем также и наилучшей для нас и для всего Севера гарантией стратегической безопасности. Я не стал смешивать с затронутыми мною двумя главными вопросами такие второстепенные дела, как вывод войск из Восточной Карелии или «Антикоминтерновский пакт»... Если бы надо было говорить об этом пакте, я не смог бы выступить против него, так как Таннер и компания заняли в этом отношении последовательную линию, и мне пришлось бы вопреки моим убеждениям выступить в его поддержку, а если бы я сказал об отводе войск, то это противоречило бы мнению всего буржуазного лагеря. Поэтому я просто обошел этот вопрос, хотя, как и вся социал-демократическая фракция,

считаю, что всеми способами следовало бы избегать войны с Англией.

Теперь, правда, можно говорить, что я занял иную позицию, нежели фракция шведской партии (Фуруельм). На самом деле я придерживаюсь той же позиции, что и шведы, хотя в данном случае я подтвердил это лишь тем, что не высказался по данному вопросу... То место в речи Фуруельма, которое было направлено против «Антикоминтерновского пакта» (этот пакт неясен, и относительно его последствий ничего неизвестно» и т. п.), и то, где он потребовал вернуть войска из Восточной Карелии, являются полностью приемлемыми, хотя, как уже сказано, мне бы не дали высказаться об «Антикоминтерновском пакте», а говорить что-либо о военных действиях на этом торжественном мероприятии я не счел подходящим...

Дело в том, что этот вопрос имел длинную предысторию, да и его видимое развитие еще не закончено.

Помнится, я уже писал тебе о том, что Рангель заблаговременно сообщил нам (председателям парламентских фракций и мне) о плане проведения торжественного заседания, на котором главным был бы вопрос о возвращении утраченных территорий и расторжении Московского мира. На этой основе я и сочинил свою речь. Но, черт побери! Вечером в четверг на обеде для шведских журналистов Таннер сказал, что это заседание предназначается для проведения в парламенте общей политической дискуссии с постановкой при этом вопроса о доверии и что на нем будут фигурировать все вопросы, включая и Московский мир, и «Антикоминтерновский пакт». Для меня это было странно, и я сразу же сказал, что о Коминтерне говорить не буду. Но поскольку правительство заявило, что другого случая не представится, а Таннер всячески просил, чтобы я хотя бы в нескольких словах упомянул о помощи со стороны Германии, я пообещал это сделать и вставил в свою речь фразу о том, что Германия облегчила для Финляндии ее борьбу, хотя ни единым словом не обмолвился об «оборонительной войне»...

А теперь о заседании комиссии парламента по иностранным делам 3.12.1941 г. Расскажу об этом состоявшемся сегодня заседании, так как оно, возможно, представит для тебя интерес, хотя общий вопрос, который на нем рассматривался, станет тебе известным еще до того, как ты получишь это письмо. На этом заседании Виттинг сначала сде-

дал краткий доклад о своей поездке в Берлин*. Он имел беседу с Риббентропом¹¹² по вопросам продовольственного снабжения Финляндии. Затем его принял Геринг, а позже Шнурре¹¹³, который, как и Геринг, заверил, что Финляндии будет оказана продовольственная помощь.

Самым большим делом Виттинга был, конечно, визит к фюреру, который говорил с ним около часа. В ходе беседы, на которой присутствовал Кивимяки, были отмечены четыре обстоятельства: 1) по продовольственному вопросу фюрер сказал, что 90-миллионный народ может без ущерба для себя позаботиться о 3-миллионном; 2) в войне Финляндия вышла на первый план и в том отношении, что отобилизовала относительно большее число солдат, чем другие (сателлиты Германии); 3) Гитлер хорошо понимает, что в Финляндии есть потребность вернуть часть людей из армии, в частности для того, чтобы изготавливать продукцию, экспортируемую в Германию (г-н министр иностранных дел не упустил и этого случая, чтобы заострить внимание комиссии на том, в какой большой степени мы зависим от торговли с Германией); 4) фюрер заверил, что Германия не имеет ни малейшего намерения вмешиваться во внутренние дела «свободного народа» (таким образом, по словам Виттинга, по милости Германии мы можем сохранить нашу старую демократию)...

Второй большой вопрос на заседании нашей комиссии касался новой ноты и ультиматума Англии**. Виттинг зачитал английскую ноту, переданную Шоэнфельдом. В ней Англия повторяет свое прежнее заявление и полемизирует с ответом Финляндии на него, в котором утверждается, что Финляндия не участвует-де в войне, которую ведет Германия. По мнению Англии, утверждать подобное невозможно. В этих условиях Англия желает довести до сведения правительства Финляндии, что если Финляндия к 5 декабря «не прекратит военные действия и в дальнейшем не отойдет от всякого активного участия во враждебных акциях» против союзника Англии, то у английского правительства не будет иного выхода, как объявить о состоянии войны между Англией и Финляндией.

* На церемонию подписания «Антикоминтерновского пакта» 27.11.1941 г.

** От 28.11.1941 г.

Виттинг пояснил, что дело это сложное... Военное командование требует не говорить и не обещать лишнего. Следует опасаться, что, если военные действия будут сейчас прекращены, около 20 дивизий русских смогут прийти на помощь Питеру, и одновременно в результате бездействия финнов значительно ухудшится положение немцев на Севере. Поэтому ответ Финляндии должен быть осторожным.

Далее Виттинг зачитал проект краткой ответной ноты Финляндии, который выглядел примерно следующим образом: «Военные действия ведутся Финляндией с целью обороны. Ссылаясь на меморандумы, ранее направленные Англией и США, Финляндия еще раз заверяет в том, что она не сражается ни за что иное, кроме обеспечения своего существования и своей безопасности (обрати внимание, как в оттенках этих формулировок видна неуверенность относительно той цели, ради которой идет драка!). Финский народ обладает чувством реального и не стремится идти дальше, чем того требуют его цели, хотя важные части территории Финляндии все еще находятся в руках противника и вооруженные силы уже близки к решению своих стратегических задач, что сделает безопасными те районы, из которых исходит угроза Финляндии. По этим вопросам ни Англия, ни Советский Союз своих соображений не высказывали. Объявление Англией войны Финляндии не оправдано ни в политическом, ни в моральном отношении»...

Затем последовала дискуссия, в ходе которой возражений против такого ответа выдвинуто не было... Хельяс высказал мнение, что так или иначе Англия, к сожалению, войну объявит, но выйти из войны нельзя, так как нельзя позволить снова подняться России и большевизму. Если бы Питер пал, это изменило бы всю ситуацию и война*, видимо, не началась бы (Виттинг также утверждал, что падение Питера спасло бы дело). А вот Хакцель раскрыл карты, похвалив Виттинга за то, что тот посетил Берлин и укрепил отношения с ним, поскольку сражаемся-то мы вместе с Германией, хотя и говорим, что деремся за свое дело в одиночку! И конечно же, он одобрил ноту. Рейниккайнен выразил надежду, что правительство сделает все от него зависящее, дабы можно было бы выйти из войны,

* С Англией.

так как положение с продовольствием и состояние народа плохие. Я попытался заставить правительство включить в ответ ссылки на то, что есть намерение сократить участвующие в боях силы и что боевые действия могли бы на основе взаимности быть приостановлены. Целью в любом случае должно оставаться недопущение объявления Англией войны, хотя я и сказал, что не верю в наши возможности избежать этого. Печально в свете будущих переговоров о мире, если война закончится не полной победой Германии, а чем-то иным. Шильдт пытался доказать, что военные действия прекратить нельзя, а Линкомиес считал, что постановка такого вопроса сильно повредит Финляндии, так как большую пользу от этого получит Россия.

Дискуссия стала ответом на вопрос. После окончания заседания... я встретил Таннера, и он в весьма торжественной форме заявил о своей твердой уверенности в том, что объявления Англией войны не последует...

Снова я попытался снабдить тебя сведениями о внешней политике Финляндии с целью помочь тебе... Конечно же, ты должен честно и преданно служить правительству Финляндии, но на этой службе не следует быть попугаем, некритично заучивающим сообщения, поставляемые в чужую страну правительством, а высококультурной личностью, готовой служить своей стране, способствовать ее благу также и собственными аргументами.

Хельсинки, 12.12.1941

Пишу тебе снова, правда, на этот раз не о военной политике, в которой после моего последнего письма ничего не произошло и развитие которой тебе видно лучше, чем мне. Мы устремились в чащу и не знаем, где будем находиться, когда выйдем из дремучего леса. С определенностью можно сказать лишь, что на будущей мирной конференции мы будем сидеть не на той стороне стола, которую займут великие демократии мира. Если они победят, то следует лишь надеяться, что они помилуют Финляндию, помилуют ради нашей демократии и наших демократов, какой бы ничтожной ни оказалась их гиря на чаше весов. Если же победит «ось», а на нее в широких кругах уповают как на каменную стену, то, во всяком случае, и я, и ты останемся без будущего (у меня-то, правда, его и

так нет¹¹⁴, но все же большая разница — придется уйти в небытие с честью или с позором). Сегодня вечером я был на собрании Финляндской академии наук и слушал доклад Вийнэ Ауэра¹¹⁵, в котором он отметил, что, как это ни печально, в ближайшие годы нельзя будет думать о новых экспедициях финнов в Патагонию, поскольку теперь на Востоке, и, видимо, весьма далеко (иными словами — до Урала), открылись новые сферы для финских исследований. И в такое верят и думают, что дела теперь быстро пойдут в этом направлении. Очевидно, имеется в виду выход на Мурманскую железную дорогу и к Белому морю. Думается, что вскоре туда выйдем. Правда, Ленинград по-прежнему не взят, и, я думаю, такое положение останется до следующей весны; немцы отступили из Тихвина. Из этого, судя по всему, следует, что из финской армии нельзя будет уволить столь большое число людей, как предполагалось, часть из них переброшена западнее на зимние позиции. Финнам по-прежнему придется держать много людей под ружьем, и как долго — не знает никто...

Поскольку для тебя, похоже, затруднительно писать мне частные письма, мне пришло в голову, что, коль скоро через твое посольство проходит столько швейцарских газет, ты мог бы вырезать из бернских и цюрихских газет (действительно демократических и сообщающих правдивые сведения даже в разделе военных новостей) статьи, обзоры и другие данные о военных и общеполитических событиях и направлять их мне (либо при необходимости с дипломатической почтой, либо в отдельных случаях открытыми бандеролями). А то я здесь живу во мраке. Шведские газеты, как только в них встречается побольше правды и рассматривается «оборотная сторона медали», цензура задерживает. Так что попробуй послать для начала немного!

Вчера в связи с моей речью в парламенте я получил письмо от Эркола¹¹⁶. Человек этот — полнейший образец того, как официальной финляндской пропаганде удастся обрабатывать иностранное общественное мнение в духе своих унифицированных лозунгов. Он полагает, что малые страны Европы смогут сохранить свою демократическую основу и «под руководством Германии»! О святая простота! А впрочем, что можно требовать от подобного Эркола политика, если у нас на Севере целый народ ходит подобно бычку на веревочке!..

Твое письмо от 11.12, попавшее в мои руки сегодня, дает основание отказаться от ставшего уже почти определенным решения не писать в Берн до рождества...

Положение с продовольствием быстро ухудшается: молоко подают только к кофе и по столовой ложке в кашу, масла нет совсем. Да и хлеба только обещают в ближайшем будущем. Обещанный Германией и в большей части уже поступивший сюда картофель (отобранный у голодающего народа Литвы) частично померз. Если бы не было запеканки из салаки, то не знаю, как бы мы, да и большинство населения Хельсинки, прожили бы... Если так пойдет и дальше, то в этом уголке Европы вырастет число предсказывающих, что фактическим результатом войны будет повальный голод и большевизация. «Голод красен, — писал Юхани Ахо!..»¹¹⁷

В своем письме ты говоришь, что мой политический отчет основывается на гипотезе падения Питера. Отвечу, что на этом основывается не моя политика, а политика всей пронемецкой партии, т. е. всей официальной Финляндии. А что они думают о нашем положении сейчас, я не знаю. Не далее чем сегодня я прочитал сообщение лондонского корреспондента «Гётеборгс ханделс — ок шёфартстиднинг»¹¹⁸ о делах на русском фронте: что Питер снова имеет железнодорожное сообщение с Москвой через Вологду (так как немцы отступили из Тихвина), что русский генерал Белов со своей гвардейской дивизией уничтожил 39-ю моторизованную дивизию немцев и занял несколько десятков деревень, что в одном из сражений под Ростовом немцы потеряли 23 тысячи убитыми, а русские захватили, в частности, 3 тысячи автомашин, и т. д. Из всего этого можно сделать вывод, что война в Восточной Европе отнюдь не заканчивается. Я уже давно считал падение Москвы вероятным, но более определенно полагал, что Питер выстоит, поскольку русские сохранили форт на южном берегу Финского залива¹¹⁹ и выход на восток. По-иному получилось с Москвой. У нас твердо верили в падение Питера и соответственно с этим были организованы отпуски и т. п., а теперь вот Питер все держится, и на Свирь началось кровавое и, как шепотом передают, «опасное» русское наступление. Таким образом, положение наше значительно омрачилось, и все люди только и говорят о том,

что с войной следовало бы побыстрее кончать. Но с ней Финляндии не покончить, пока она не кончится для Германии. И что бы ни говорили швейцарские газеты о том, что «Антикоминтерновский пакт» — это лишь предоставленное Германии дипломатическое удовлетворение, фактически же это контракт с Вельзевулом о том, что воевать вместе с ним придется так долго, как он того пожелает. Черту был отдан мизинец тогда, когда без особой нужды германской армии были переданы аэродромы и вся Северная Финляндия и когда для участия в «новом егерском движении» послали людей в Германию на воспитание к СС. А теперь дьявол забрал обе руки Финляндии, и наша участь уже неотделима от участи Германии. «Демократия», «суверенитет», «оборонительная война» и прочие ударные термины никакого значения не имеют. Все зависит от того, кто победит в мировой войне: те четыре пятых человечества, которые идут за знаменем Черчилля и Рузвельта, либо та пятая часть, которую ведет Гитлер. Я ни на грош не верю в мир на основе компромисса, а того менее — в новый «Брест-Литовский»*, так как нынешнюю войну России ни в малейшей степени нельзя сравнивать с тогдашним полнейшим беспорядком...

А здесь господствует апатия. Рождество все же встретили в мире и тишине, жалея мерзнувших на фронте парней и надеясь на окончание войны.

Хельсинки, 29.12.1941

Поскольку представился случай послать пакет в Берн с г-ном Ханникайненем¹²⁰, использую эту возможность, чтобы выболтать тебе кое-какие пустяки, так как из-за парламентских каникул серьезных сведений доходит не так уж много...

И все же не могу сразу не упомянуть о том, что сегодня у нас побывала госпожа Таннер, которая выразила глубокую веру в победу Гитлера, но одновременно и беспокойство по поводу успеха русских, которые «взяли вот обратно Повенец (на восточном берегу Онежского озера) и даже, говорят, Медвежегорск». Было бы интересно знать,

* Имеется в виду возможность сепаратного мира Германии и Советского Союза.

что же на самом деле произошло и происходит на Ленинградском и Московском фронтах. Поучительно наблюдать, насколько легко среди здешней общественности распространяются и мрачные сомнения относительно краха России, и страх по поводу возможного возвращения русских на финские границы и даже их прихода в Финляндию после того, как вера в полное и вечное исчезновение России была столь твердой. Рассказывают, будто Медвежегорск захватили в свое время войска полковника Лагуса¹²¹, состоявшие из одних молодых новобранцев, так как все солдаты старших возрастов отказались идти в глубокий рейд... И подобных вещей рассказывается множество. И разве не представляется чем-то особенным и примечательным, что солдаты начинают теперь определять, куда идти, а куда не идти. Не означает ли это конца былой военной дисциплины? Да и, пожалуй, начала новой эпохи? Ведь каждая эпоха может обернуться мирной, если солдаты так решат. Но пропаганда, видимо, все же позаботится о том, чтобы так не случилось...

Год кончается совсем иначе, чем можно было себе представить в его начале. А каким будет конец года 1942-го? Определенно не таким, как его начало. Но в каком направлении иным?.. А сейчас желаю вам всем лишь спокойного, гармоничного конца этого, а также счастливого Нового года.

Отец

ФИНЛЯНДИЯ В СОЗНАНИИ СВОЕЙ СИЛЫ

Хельсинки, 9.1.1942

Дорогой Тапио!

Рождественские праздники позади, началась будничная жизнь. Как я уже писал, мы-то живем безбедно, а вот на окраинах города положение иное. «Сос.-дем.»¹ в требовательном тоне пишет о необходимости немедленно улучшить положение с продовольствием. Несколько дней назад эта же газета писала, что, поскольку те самые «стратегические границы» уже, должно быть, достигнуты, на повестку дня следовало бы поставить вопрос об окончании войны и наконец-то начать восстановительные работы. Сегодня довелось услышать, что военные власти весьма рассержены подобными писаниями и требуют «по меньшей мере» закрыть «Сос.-дем». Да и вообще пресыщение войной — весьма общее явление здесь. Никакого воодушевления не видно, невзирая на всю пропаганду. Мауно Пеккала сегодня в ответ на мой вопрос, что слышно в правительстве, сказал, что там никто ничего не знает, так как всеми делами заправляют Ристо Рюти и Вяйнэ Таннер, а Рольф Виттинг — лишь мальчик на побегушках у Блюхера. Сам Пеккала — пессимист и боится, что результаты этой войны окажутся для Финляндии столь же плачевными, как и предыдущей.

Видимо, в связи с общей апатией, а также чтобы как-то приглушить распространяющиеся слухи и «поднять» общественное мнение, Таннер сегодня выступил на заседании социал-демократической фракции парламента с «докладом о текущем моменте», который я кратко перескажу. Итак, слово Вяйнэ Таннеру.

После того как Япония принялась грохотать на Тихом океане, картина снова изменилась. Одним ударом США и Англия были лишены пяти линкоров. Нет никакого сомнения, что Япония вскоре станет хозяйкой всего Китайского моря и прилегающих к нему стран и что США приберут к рукам тамошние колонии Англии, для начала —

Австралию и Новую Зеландию. А затем наступит черед «москалей». Есть сведения, что еще весной этого года Япония нападет на Россию. Для русских сейчас наступило небольшое просветление, поскольку Германии, как она об этом сообщила еще прошлой осенью, понадобились люди для укрепления ее военной промышленности и она приостановила свои операции на Востоке на время зимы, к суровости которой не была подготовлена. Отсюда и последовало небольшое продвижение русских... Им нельзя помешать в бесконечном истреблении своих солдат и таким образом в подготовке своими руками собственной окончательной (опять «окончательной!») гибели, которая постигнет их с наступлением весны. На рождество здесь побывал Кивимяки и с определенностью заявил, что все именно так и произойдет. (Так что дело ясное!) Правда, финны на фронте констатировали, что у русских хорошие полушубки и прекрасное оружие, но зато солдаты совершенно необучены. (Хотя эти необученные имеются не только там. Сын одного моего знакомого после трех недель начальной подготовки лишь в окопе познал тайну того, что в винтовке есть магазин для патронов и их не надо заряжать по одному...)

Далее Таннер перешел к объявлению Англией войны и сообщил об одном, на мой взгляд, весьма весомом и освещающем ход дела обстоятельстве: от имени консервативной, то есть правящей, фракции английского парламента Финляндии дали понять, что там не хотели бы начинать с ней войну, а некое видное официальное лицо написало известному лицу в Финляндии частное письмо, в котором говорилось, что Англия удовлетворилась бы тем, чтобы Финляндия не стала помогать походу Гитлера на Москву (если я правильно понял). И все же Англия войну объявила *.

В заключение Таннер решил предсказать результаты войны. В данный момент он считает, что решающей станет война на море (в чем, естественно, содержится мысль, что исход войны на суше не решить, как это, вероятно и есть на самом деле). Таннер сказал, что США и Англия не смогут построить столько новых судов, сколько их теряют.

Из этого ты видишь, какие настроения и мнения господствуют в наших правящих кругах. А нам, прочим, все

* 6 декабря 1941 г.

дела представляются как роковая неизбежность. Поскольку война продолжается уже несколько месяцев — хотя поначалу говорили лишь о каких-то неделях, — это, естественно, освобождает кое-кого от тех обещаний, из-за которых вообще-то на войну и пошли. Наши взаимоотношения с Германией представляются таким образом, что мы зависим от ее экономической помощи — 93 % всего нашего экспорта идет сейчас либо в Германию, либо через Германию, — и если Германия на нас рассердится, то Финляндии конец. Впрочем, зачем все пережевывать. Это лишь еще раз подтверждает, что судьба наша целиком зависит от результатов большой войны...

Как маленький образец унифицированных представлений, господствующих в журналистском мире, приведу попавшийся мне на глаза материал из последнего номера «Суомен кувалехти»², в конце которого говорится: давайте предоставим Виттингу и Пакаслаhti заниматься внешней политикой страны (!!!), солдатам — воевать, и все остальные должны знать свой шесток. Так что же тут говорить о демократии и тому подобной ерунде...

Хельсинки, 18.1.1942

14 января у нас в комиссии побывал Виттинг. Сначала он порассуждал о противоречивости поступавшей информации, об умышленной лжи и дезинформации иностранной пропаганды, в искусстве коей главными мастерами являются англо-американцы...

Что касается русского фронта, то Виттингу еще в конце ноября в Берлине сказали, что из России будут выведены две трети армии, а оставшаяся там треть будет отведена к зиме на новую линию фронта. Еще в июне 1941 г. в одном из немецких приказов было указано, что главная цель — не захват больших районов России, а разгром ее живой силы. И видимо, именно поэтому ежедневно гибнет, как подсчитано, 22 тысячи русских. Питер по-прежнему в осаде, но вот у Москвы фронт, естественно, спрямлен. (Так что, конечно, ни один мыслящий человек не может сомневаться в том, что весной от России останется лишь мокрое место.)

Таким было основное содержание сообщения Виттинга. Карес спросил, каковы намерения США в отношении нас.

Ему был дан ответ, что Шёнфельд складывает свой багаж. Далее Карес поинтересовался поступлением продовольствия из Германии. Ему ответили, что по этому вопросу цифры больше публиковаться не будут (чтобы другие подопечные не слишком завидовали!), но что обещано хорошо позаботиться о «героическом народе». Карес спросил еще: высказываются ли со стороны Швеции предложения посредничества с целью достижения перемирия? Ответ: никаких предложений не высказывается.

Никто больше не стал задавать Виттингу вопросов. Лишь некоторые члены комиссии качали головами, сочтя выслушанное сообщение абсолютно односторонним. Ты, вероятно, слушаешь радиопередачи из Лондона и можешь оценить взгляды Виттинга по достоинству. В значительной своей части, если не целиком, его сведения почерпнуты из докладов наших посланников, но мнения его заимствованы из распространяемых Германией сообщений.

В парламенте за последнее время отмечалась пора острых дискуссий. Тема одной из них касалась информационной деятельности правительства, которому досталось намного сильнее, чем об этом сообщалось в газетах... Другой вопрос, которого многие даже и не заметили, касался заключения комиссии по иностранным делам по отчету правительства о внешней политике за 1940 г. Об этой парламентской дискуссии даже государственное ведомство информации опубликовало сведения лишь в весьма упрощенном и обезличенном виде. Вот так далеко мы зашли в нарушении самых основных гражданских свобод...

Хельсинки, 20.1.1942

Сегодня я передал в диппочту письмо, написанное мною 18 января, в котором обещал сразу же проинформировать тебя, если (19 января) на обеде у премьер-министра для председателей парламентских фракций услышу нечто достойное сообщения. Это был более удачный обед, чем обычно может быть, потому что неожиданно на нем не оказалось никого из представителей Аграрного союза, а также потому, что под влиянием горячих блюд (а по мнению кое-кого, и горячительных напитков) в тот морозный вечер среди присутствовавших возобладал товарищеский дух. Там я услышал о многих вещах, которые, прав-

да, мира не перевернут, но для нашей пынешней политики весьма важны. И так как я ощущаю внутренний долг, насколько возможно поддерживать твою осведомленность на надлежащем уровне, и так как мои письма (если только они сохранятся) станут своего рода моим политическим дневником, вести каковой в ином виде, за исключением совершенно особых случаев, я не успеваю, то ты поймешь, что моей душе не будет покоя, если я не попытаюсь взвалить на тебя свою словесную ношу и свой поэтический заряд.

После обеда генерал Вальден открыл свой толстый портфель и принялся детально излагать военно-политическую обстановку. Его сообщение заняло не менее полутора часов, и в нем были основательно прослежены все мыслимые вопросы, но главная идея свелась к тому, что нам следует рассчитывать на затяжную войну. Нет никаких реальных оснований предполагать, что война вот-вот закончится. Кроме того, имеет место неведение в отношении военных замыслов Германии. Немцы несколько отступили в России, но война по-прежнему идет. Осада Питера продолжается, и ее окончание представляется в данный момент более неопределенным, чем когда-либо прежде. Нельзя отпустить из армии столько людей, сколько планировалось. На Карельском перешейке следует опять начать строительство укреплений, и то же самое надо сделать и в Восточной Карелии. Работы начаты со всей решительностью, на них мобилизовано все местное население, в том числе и женщины.

В 12 часов ночи началась пятая тревога, которая продолжалась три с половиной часа...

Итак, на строительство укреплений мобилизованы даже женщины. Вот так-то приходится действовать, поскольку неизвестно, куда будет направлена стратегия немцев. Важной и даже убедительной выглядела аргументация Вальдена относительно того, почему финляндская армия уже длительное время стоит в обороне, но не наступает... А вот русские жмут сильно...

Хельсинки, 21.1.1942

Еще одна тревога прервала это письмо. Так что ты видишь, сколь напряженна жизнь здесь теперь...

Итак, еще немного по Вальдену... Он рассказал, что отечественное производство снарядов невероятно возросло и что в отношении производства прочего военного снаряжения сделан вперед такой шаг, который позволил Финляндии заключить со Швецией соглашение о поставках ей автоматов и другого оружия примерно на 60 миллионов марок. И кто бы в это мог поверить! В то же время армия испытывает крайнюю нехватку бензина, велика также потребность в одежде, но, добавил генерал, народ уже настолько обобран, что крупной помощи солдатам более ждать от него не приходится.

А затем Виттинг принялся излагать дела международные. Был снова преподнесен тот же молебен, который пришлось выслушать комиссии по иностранным делам, повторились те же тупые полуанекдоты... Ничего существенно нового из сообщения Виттинга не вытекало. Фюрер готовит летнее наступление, а западным соседям России придется снова ему помочь... В дискуссии по сообщению Виттинга мое внимание привлекла оброненная Линкомнесом фраза о том, что «неизвестно, кто в конце концов победит». Примечательно, что эта неуверенность в отношении победы «оси», видимо, по-прежнему сохраняется, хотя твое начальство раз за разом всячески пытается доказать, сколь близка гибель британцев и какие большие мошенники Черчилль и Рузвельт.

Из этой дискуссии я привожу отдельные моменты по мере того, как они приходят мне на память. Рангель подробно изложил, как много вреда причинили правительству некоторые статьи в «Сос.-дем», в которых было выражено пожелание официально определить для Финляндии цели войны, коль скоро публично не раз заявлялось, что мы близки к конечной цели. Эти писания «Сос.-дем» были расценены почти как измена родине (Линкомнес, Пеннанен³ и прежде всего Хаккила, который практически прямо неистовствовал по поводу всего, что пишется о войне, считая, что не должно появляться никаких предположений или туманных намеков, так как сейчас есть одна общая задача, а именно бить москалей, да так, чтобы это чувствовалось; мы должны показать, что мы отличаемся от торгашей — саксов в Англии, которые не способны ни на что иное, кроме как распространять ложь и терпеть поражение)...

Много разговоров было по поводу военнопленных, ко-

торых в Финляндии 14 тысяч... Содержат их плохо, кормят картофельными очистками (где будто бы содержатся витамины) и вообще обращаются с ними так, что смертность в лагерях для пленных массовая. Официально сообщается о смерти двух тысяч, однако Линкомиес утверждал, и его не смогли опровергнуть, что умерших куда больше... Теперь настроение среди присутствовавших (кроме Салмиала) стало в отношении пленных более благоприятным, и было заявлено, что при нынешнем питании работать они не смогут, и эта пытка голодом обойдется государству дороже, чем несколько лучшее содержание, при котором пленных можно было бы использовать на работах, так как рабочих рук во всех отраслях отчаянно не хватает. Упоминалось также, что международное положение Финляндии требует, чтобы с пленными обращались в соответствии с существующими международными конвенциями. Швеция и другие дружественные Финляндии страны внимательно следят за этим....

Морозы не мешали военным действиям Финляндии в такой степени, как Германии. Правда, переход от летней войны к зимней потребовал серьезных усилий и от финляндской армии, но обмороженных немного — всего пара сотен и лишь несколько замерзших до смерти... А вот при затоплении Повенца⁴ некоторые финны приняли такую ледяную ванну, что в результате ее погибли.

Хельсинки, 2.2.1942

Сегодня парламент собрался на сессию 1942 г., и дел впереди много. Неприятных дел в неприятных условиях. По газетам ты, конечно, знаешь, какие трудности стоят перед нами. Невообразимо тяжелое состояние транспорта... Люди мерзнут в Хельсинки, как и везде... Положение с питанием ухудшается изо дня в день... Подача газа ограничена, на электричество будут введены лимиты. Короче говоря, жизнь становится жалкой. Но человек, похоже, привыкает ко всему...

В связи с общим состоянием дел я пребываю в несколько подавленном настроении и думаю, что в аналогичном положении находится и общественное мнение. По большей части это, видимо, связано с тем, что война продолжается, и окончание ее все более отдаляется, принося на-

шей стране лишь растущие жертвы и страдания. Никакого воодушевления война на самом деле не вызывает. Никто теперь более не думает о том, с каким блеском был бы окончательно разгромлен большевизм, но все подумывают о том, как бы побыстрее выпутаться из этого клубка...

...Сведения министра обороны Вальдена о значительном сокращении наших потерь в людях, очевидно, не годятся для обнародования: это видно уже по увеличившемуся числу сообщений о «похоронах героев». Сегодня в парламентских кругах я услышал, что весной этого года будут призваны на фронт даже 17-летние мальчики, а 18-летние, должно быть, уже там. Говорят также, что на Украине погибло много финских солдат-эсэсовцев.

Есть, правда, и такие, кого усталость не беспокоит. Отечественные нацисты (а в нацистах ведь ходит вся коалиционная партия, хотя она и не высказывается в стиле ИКЛ) продолжают восторгаться по поводу блестящего будущего...

Хельсинки, 12.2.1942

Вчера (11 февраля) в комиссии парламента по иностранным делам, которая возобновила свою работу под председательством нижеподписавшегося и при вице-председателе Хельясе, побывал Виттинг. На этот раз речь шла прежде всего об ужасной участи 55—65 тысяч ингерманландских финнов⁶, живущих в жалких условиях на захваченной немцами территории. Блюхер передал сообщение об этом в министерство иностранных дел и сказал, что Германия не может прокормить всего населения захваченных районов, т. к. нуждающихся хватает и в ее собственных... Из Финляндии туда для выяснения дела была направлена инспекция, и она констатировала всю тяжесть положения: там 6 тысяч человек, у которых осталась лишь жалкая одежда, у небольшой части хлеба хватит лишь на короткий срок, а остальные живут в вонющей нужде. Каждый день люди умирают от голода. Оставшиеся в живых же находятся в таком состоянии, что их нельзя вывезти в Финляндию, да и лед сейчас не годится для перевозок; примечательно также, что большинство и не хочет никуда уезжать из своих домов (что, как пояснил

министр, связано-де с тем, что большевистская пропаганда ослепила этих бедолаг)...

Илмари⁶, который сегодня со своей семьей был у нас (по случаю моего скромного 73-летия), рассказал, что, хотя населению Финляндии и обещано увеличение хлебного пайка, фактически положение таково, что хлеб, наоборот, кончается, так как перевозки приостановлены...

Сегодня мне пришлось покинуть дома собравшееся на «кофейную субботу» общество — целых 17 человек — и отправиться в 18 часов к премьер-министру на обычный «информационный» обед. На нем были председатели парламентских фракций и соответствующие господа из правительства. Сначала полковник Леандер при помощи больших немецких карт разъяснил обстановку на всем Восточном фронте от Ростова до Петсамо⁷... Но оставим стратегию и тактику и предоставим слово министру Грипенбергу⁸, которого Рангель попросил рассказать о его английских наблюдениях и впечатлениях. Должен сразу же сказать, что Грипенберг изложил их весьма удачно, спокойно и по-деловому... Он сказал, что моральное состояние английского народа хорошее, непреклонна уверенность в победе, но не в том смысле, что англичане верят в достижение больших успехов, а в том, что они не проиграют войну...

Интересными были пояснения Грипенберга по поводу дружественного отношения к Финляндии, которое все еще живо во многих кругах Англии. Дальтон⁹, правда, противник Финляндии, и в этом плане он направляет работу радиовещания, однако Грипенберг слышал, что даже Черчилль возражал против объявления войны Финляндии. Но Грипенберг полагает, что пропаганда способна повернуть общественное мнение Англии против Финляндии...

В дискуссии, последовавшей за сообщением Грипенберга, Виттинг ясно выразил свое особое мнение. В прошлой мировой войне друг другу противостояли две концепции — война на истощение и война на разгром. Англия добилась победы, ведя войну на истощение, она и сейчас полагается на эту военную доктрину. Но теперь положение изменилось — произошел огромный технический прогресс, и именно он предопределит исход борьбы...

В ходе собрания мы коснулись, конечно, и скандинавских вопросов. Салмиала выступал против дружбы со Швецией и уже заранее требовал, чтобы мы как можно бы-

стрее признали квислинговскую Норвегию... Хаккила снова получил хорошую возможность прокаркать свою излюбленную проповедь: Швеция — это жалкая страна, которой уже пора бы понять, кто сейчас лидер на Севере Европы. Вместо бывшей Швеции—Финляндии¹⁰ теперь следует говорить о Финляндии—Швеции. Финляндия — лидер Севера, это сознают уже и шведы, поскольку их «авгурь» то и дело бегают сюда, чтобы увидеть нечто стоящее. Так давайте же будем подлинными финнами: не будем оглядываться ни на Швецию, ни на Германию, когда это не вызвано необходимостью для нашей страны (Хаккила сумел как-то лягнуть одновременно и Швецию, и Салмиала, но сохранить при этом свое преклонение перед Германией).

В смущении выслушали присутствовавшие господа утверждения Грипенберга, что в Англии нет и признаков усталости от войны, и там полагают, что она продлится еще не менее двух-трех лет. На физиономиях присутствующих, напротив, была написана усталость от войны, и вряд ли чересчур розовыми были их представления о будущем...

Хельсинки, 1.3.1942

...В свое время было громогласно объявлено, что некая страна позаботится об обеспечении продовольствием героического народа, и с верой в это «божественное слово» была с порога отвергнута вся критика в адрес политической линии нашей страны, а как доказательство того, что это слово — крепкое, в феврале увеличены хлебные пайки. Но тут вмешался «третий фактор» — зима. Суда с хлебом застряли во льдах неподалеку от финских берегов, ледоколам пришлось прекратить напрасные атаки на торосы, и теперь в Хельсинки люди зря стоят в очередях за хлебом. О том, что положение, действительно, серьезное, ты можешь заключить из того, что по просьбе правительства парламент прервал свою работу до 10 марта, чтобы депутаты от сельских районов могли съездить в провинцию для агитации «хозяев» передать запасы хлеба «взаймы» государству. Заем обещают честно вернуть сразу же, как только помощь поступит от той единственной силы, которая может помочь и которая есть не господь бог, а саксман. Ты, видимо, заметил, что Государственный совет распоря-

дился передать для потребления половину семенного зерна, предназначенного под посев осенью этого года. Плохо все это выглядит, но, как нам поясняют, не так-то уж опасно, поскольку и прежде в Финляндии случалось, что осенью отсеивались зерном из урожая того же года. При этом предполагается, что будущий урожай окажется хорошим... Хотя и признается, что предстоящим летом в сельском хозяйстве будет нехватка рабочей силы. По мнению крестьян, привлечение трудообязанных много не даст, а может случиться и так, что именно тогда, когда на весенних работах нужно будет больше всего людей, всех их свяжет весеннее наступление. Куда ни кинь, всюду клин...

Хельсинки, 17.3.1942

То, что это письмо запаздывает, зависит от многих причин: от твоего отпуска, от моей лени и от моей дряхлости, но в основном от отсутствия новостей. Здесь не случилось ничего примечательного, побывали лишь в зимнем лагере, совсем как когда-то Цезарь в Галлии. Теперь, однако, в воздухе чувствуется некоторое оживление, возможно под влиянием весеннего солнышка и ожидания весеннего наступления...

Для начала я все-таки упомяну о празднике «Подъем Финляндии», который состоялся 13 марта — в годовщину Московского мира. Паасикиви выступил с отличной, на мой взгляд, речью, в которой, правда, без нужды был воскурен излишний фимиам Адольфу*, но в остальном обо всем было сказано так, как положено любителю истории и мыслящему человеку... Ты, конечно, прочитал эту речь в газетах, так что о ней больше говорить не буду. Не так, как прежде, прозвучало и выступление в «Мессухалли»¹¹ Таннера. И он уже больше не громил своей кувалдой большевизм и власть российскую, а проявил чуть не тяготение к миру, подобному существовавшему до 1939 г.

Сегодня, 17 марта, состоялись два важных мероприятия, которые стоит тебе вкратце описать. Днем, после заседания парламента, состоялось собрание нашей фракции, на котором Таннер выступил с докладом о текущем моменте. Он, правда, сказал, что за последнее время обстановка

* Гитлеру.

изменилась незначительно и что каких-то особых новостей он сообщить не сможет. Но вот сам Таннер изменился и выступает в более миролюбивом и менее вызывающем по отношению к Востоку тоне. Так, например, он на этот раз не скрывал, что немцы потерпели серьезные неудачи на русском фронте, хотя и высказал уверенность в том, что с началом весеннего наступления к немцам снова вернется успех...

Наиболее важной частью в сообщении Таннера (и явно главным вопросом, ради которого он и провел это информационное мероприятие) была выработанная исполкомом партии программа ее политической деятельности на ближайшее будущее. Эта программа предназначена не для опубликования, а для внутреннего руководства в партии. Информация о программе передана газетам партии, а также президенту, премьер-министру и министру обороны, и теперь представлена также парламентской фракции. Основным мотивом программы была, конечно, констатация (в который уже раз) того, что Финляндия ведет против России свою собственную особую войну, имеющую четко оборонительный характер и не имеющую ничего общего с мировой войной (!). Но это особая статья. Более же важным в деловом плане является раздел программы, где ясно говорится, что достижение стратегических целей близко (то есть без захвата Мурманской железной дороги) и что принимать участие в захвате Питера не следует. Военная оккупация Восточной Карелии осуществляется лишь на всякий случай, но следует избегать ее приспособления к Финляндии, создания там школ, распространения финского языка и т. п., а судьба Восточной Карелии должна быть передана на решение мирной конференции (то есть это активная программа в том направлении, которое я предлагал)...

Конечно, эта программа в действительности снова окажется совершенно бессильной. Но свое сдерживающее действие в отношении военных фанатиков и правительства она все-таки окажет, а поскольку она, как следует надеяться, станет известной в Швеции, то успокаивающе повлияет и на внутрискандинавскую политику, в которую склонной к захватам Великой Финляндии как-то все не удается вписаться. Да и благодаря четкой и единой программе сплотятся существующие ныне в партии весьма разбросанные и неуверенные мнения. Поэтому я со своей

стороны и заявил, что одобряю программу, и такое мнение, похоже, будет преобладающим. Но имеются и разногласия. В частности, кандидат в члены исполкома партии Куусисто заявил, что еще на исполкоме возражал против этой программы, которая отрекается от плодов завоеваний, ослабляет фронт и т. д. Как считают некоторые, следует честно сказать, что мы — товарищи Германии по оружию и что вместе с ней будем воевать до конца. Полагаю, что люди, придерживающиеся такого мнения, более правы, нежели сторонники программы. Но программу все же следует поддерживать, хотя она и создает у народа иллюзию того, будто бы мы сможем покончить с войной прежде, чем с ней покончит Германия. Я считаю, что наша судьба целиком зависит от хода большой войны, зависит от нее во всех отношениях, но что при подведении итогов войны потребуются реальные взгляды и программы, на основе которых мы сможем с честью выступить за столом мирных переговоров.

17.4.1942

Сначала о Восточной Карелии. Газеты уже сообщили о визите Маннергейма к Дитлю¹². Лондонское радио комментировало этот визит в том плане, что он якобы означает эффективное участие Финляндии в весеннем наступлении. Это мнение получило с самых различных сторон подтверждение, и оно здесь у всех на устах. А вот что можно ожидать от англосаксов, если их великая магистраль помощи России — Мурманская железная дорога — будет перехвачена либо в Беломорске, либо севернее него? И как это отразится на ходе большой войны? И вообще война рассматривается уже как действия ради большой политики. А у нас, видимо, будут твердо верить в то, что это — наша скромная оборонительная война, которая является всего лишь нашим частным делом...

В прошлую среду я выступил в дискуссионном клубе нашей фракции с докладом «о геополитическом положении» Финляндии, где несколько рассеял слишком прямолинейные представления о «естественных границах» и вообще о характере различных завоеваний. Я напомнил уроки истории в связи со слишком алчной аннексией и

удержанием силой захваченных территорий в составе страны, их захватившей... Но в дискуссионном клубе были и «отцы», провозгласившие доктрину, согласно которой вопросы Восточной Карелии будут решать войны, инвалиды и «братья по оружию»¹³, а не мы, депутаты. И войны уже сказали, что просто так из Восточной Карелии не уйдут. И точка. Не будет таких мирных конференций, которые ее отберут (из цепких рук новой великой державы — Финляндии). Эти настроения сейчас заметно укрепляются, видимо в связи с весенним наступлением и благодаря хорошей пропаганде. Прекрасным примером этого явилось сегодняшнее заседание комиссии по иностранным делам. Там обсуждался отчет правительства за 1941 г., в котором, в частности, говорится: «занятые по стратегическим соображениям иностранные территории, с которых противник угрожал Финляндии (это новый гениальный аргумент), останутся оккупированными до тех пор, пока вопрос о безопасности Финляндии и ее народа не будет тем или иным способом удовлетворительно разрешен». Эту формулировку новый член комиссии Салмиала (преемник Кареса) заклеил как компрометирующую правительство и вредную для страны; если армия узнает о ней, она подумает, что правительство намеревается таким путем отступить от Восточной Карелии... Действительно, дело сейчас обстоит, похоже, так, что нельзя даже подумать о том, чтобы выпустить Восточную Карелию из рук Финляндии, пусть даже частично...

Относительно внутренней обстановки в Восточной Карелии побывавшие там депутаты парламента рассказывают весьма примечательные вещи. Например, что из 20-тысячного русского населения района Ээнислинна¹⁴ (гражданских лиц) 19 тысяч находится в концлагере и тысяча на свободе. Питание тех, кто пребывают в концлагере, не очень-то похвалишь, так как в качестве мяса идут павшие лошади: подбирают лошадиные трупы даже двухнедельной давности. Один из депутатов парламента рассказывал, как русские дети тщательно перерывали помойки и отыскивали выброшенные финскими солдатами пищевые отходы. Когда депутат спросил, что дети делают с этими отходами, они ответили, что «мать дома готовит из них пищу». Таким же образом пытаются утолить свой голод и пленные «рюсся». И что сказал бы Красный Крест в Генуе, если бы знал об эдаком!..

У нас в тылу продовольственное положение постоянно ухудшается. Это общая тема разговоров. Когда я был в Тампере, запасов картофеля там уже не осталось, а здесь его уже нет даже в ресторанах «Эланто»¹⁵. Думаю, что я похудел в равной степени как от постоянно подавленного настроения, так и из-за недостаточного питания. Утешение и душевное равновесие я нахожу в том, что пишу тебе...

Хельсинки, 24.4.1942

...Вчера вечером участвовал в поглощении блестящего обеда. Дело в том, что присутствовал на обычном информационном совещании у премьер-министра. Сначала Вальден представил общие данные о ходе военных действий. Погибших и пропавших без вести до последних боев на Свирь 27 054 (то ли 28 054) человека, в госпиталях свыше 6 тысяч, полных инвалидов вместе с пострадавшими в зимнюю войну — примерно 2 тысячи. В боях на Свирь погибло 440 человек, что в наших условиях слишком много. Куда более интересным было на этот раз сообщение полковника Леандера о военных событиях последнего времени... Виттинг опять повторил свое сообщение, изложенное ранее комиссии по иностранным делам. Считаю, что не стоит труда пытаться отыскивать в этой куче слов что-либо дельное...

Хельсинки, 8.5.1942

...Здесь очень чувствуется усталость от войны и вытекающая из нее апатия в отношении Германии, если не прямые сомнения в ее победе. Повсеместно слышатся высказывания, что финны во много раз лучше как солдаты, нежели саксы, и что без финнов Германии чуть ли не пришлось бы плохо. С другой стороны, наблюдается определенное уважение по отношению к силе России. Противником более не пренебрегают... А кроме того, здесь уже слепо не верят пропаганде... Все чаще слышны пессимистические высказывания о конечном результате нашей войны. По-прежнему много и такой публики, которая верит в рождение «Великой Финляндии» столь же твердо,

как и в бессмертие души. Весьма интересно наблюдать за этой сменой настроений, в которой, при всех колебаниях, все больше видна подавленность...

В это трудное время в первую очередь мы думаем о судьбе отчизны. Если из этой бойни нам удастся кое-как унести свои ноги, то я верю, что «восстановительный период» сможет пройти быстрее и легче, чем сейчас представляется. Разули не допускает мысли о возможности такого исхода, который не оставит нам даже границ, установленных Юрьевским миром... и поэтому для меня предельно важно, чтобы мы не порвали полностью наших отношений с англо-американцами...

Хельсинки, 21.5.1942

...Позавчера (во вторник 19 мая) адъютант президента республики попросил меня явиться к Рюти... Когда я к нему пришел, он сообщил, что в Финляндию прибывает немец, г-н Вайсауэр, личность неофициальная, но весьма важная, участвующая в разных подготовительных мероприятиях. Он проходит по «бюро Риббентропа»¹⁶, но занимается более высокими материями и может в любое время попасть на доклад к фюреру. Сейчас речь идет о том, что делать с северными районами Советского Союза, если вскоре начнут подводиться итоги войны. Немцы очень благосклонны к Финляндии. Они говорят, что Финляндия, естественно, сможет взять такую территорию, какую только захочет. Для этого надо кое-что прикинуть, и Рюти показал мне наметки, нанесенные на карту. В них граница Финляндии проведена по Свири до Онежского озера и оттуда до Белого моря таким образом, что канал Сталина¹⁷ остается на финляндской стороне. Но кроме того, на карте проведена и другая линия из района Питера прямо на Восток, южнее Вологды до Урала. Хакцель изучил эти районы и сказал, что там живет два миллиона самых чистокровных «рюсся», а также кое-какие родственные финнам племена (народность коми или зыряне) и северные народности (самоеды и т. п.). Вот и следовало бы поменять состав населения таким образом, чтобы всех «рюсся» вытеснить в более южные районы, а на их место перевезти оставшихся финнов и черемисов. Этот большой северный район стал бы таким образом протекторатом Германии (не

ясно, чья это идея: то ли Хакцеля и суометарцев¹⁸, то ли самого Рюти... Во всяком случае, похоже на то, что Рюти ее воспринял). Оба мы были едины во мнении, что этот район очень богат природными ресурсами: в нем есть уголь, нефть, различные минералы, лес и т. д. Следует иметь в виду, что его геологическая структура не такая, как в Финляндии (гранитная), а такая же, как в самых богатых полезными ископаемыми районах России. Мы были также единодушны в том, что Финляндия ни в коем случае не должна пускаться на крупные политические и экономические авантюры, связанные с нашим продвижением до Урала. Когда же я спросил, есть ли уверенность в том, что Германия победит в войне и овладеет этим районом, мне ответили, что такой уверенности нет, но на всякий случай следует иметь разработанный план, чтобы можно было что-то ответить Вайсауэру.

Мы также считали, что Финляндии не следует участвовать в захвате Питера. Самым лучшим решением вопроса было бы, чтобы Питер стал свободным городом наподобие Данцига, а раньше — Гамбурга и т. п. Рюти рассказал, что еще в 1918 г. прочитал в большевистской газете: «Петроград — свободный порт». Теперь мы тщательно проработали эту идею. Я заметил, что, поскольку большому городу всегда будут нужны продукты питания из близлежащих районов, следует включить финские районы Ингерманландии в зону свободного города и таким образом решить вопрос племенных связей. Рюти считал важным ликвидацию в Питере крупной, особенно военной, промышленности. Именно она представляет из себя опасность для Финляндии, и с ее исчезновением все пошло бы для финляндской промышленности по-иному: Питер стал бы для Финляндии крупным торговым партнером. Рюти рассказал, что некоторые поговаривают об уничтожении всего Питера, но было бы печально, если бы нашим вкладом в историю стало эдакое «уничтожение Карфагена». Питер — это естественный узел, куда водные пути сходятся от самого Каспийского моря. Я предложил, чтобы свободным городом управляла международная комиссия, в которой участвовали бы Финляндия, а также Швеция; Рюти согласился с участием богатой капиталами Швеции. Правительство свободного города, продолжал я, ежегодно отчитывалось бы перед державами-попечителями, которые осуществляли бы смену

членов правительства, если деятельность последних их не удовлетворяла. Далее я предложил, чтобы свободный город Питер стал крупным центром международных коммуникаций посредством передачи ему Мурманской железной дороги. Эту идею Рюти также одобрил, так как, по его мнению, пользы Финляндии эта дорога не принесла бы. Если бы она и подпала под суверенитет Финляндии, то ее следовало бы провозгласить международной (а финнам все-таки сохранить за собой некоторые должности по обслуживанию железной дороги).

В отношении проведения новой границы Финляндии по Свири, включая канал Сталина, у меня были некоторые сомнения, но спорить я не стал... С другой стороны, я считал и считаю, что Кольский полуостров действительно следовало бы присоединить к Финляндии, так как после ввода в строй новых железнодорожных линий — к Салла и т. п. — ниоткуда не будет столь легкого и естественного доступа на Кольский полуостров, как из Финляндии. Относительно природных ресурсов полуострова Рюти указал, что море у его северных берегов исключительно богато рыбой, о чем свидетельствует и развитая рыбоконсервная промышленность Мурманска. Вблизи финляндской границы, в районе Кандалакши, найдены богатые залежи железной руды (третьи по качеству на всей территории Советского Союза). Вот это и было бы естественным расширением жизненного пространства Финляндии, лучшим, чем за счет Питера или на Урале.

С такими мыслями и настроением мы после часовой беседы расстались...

Но и это еще не все. На следующий день (т. е. вчера, в среду) я был приглашен в «Верхний Кямппи»¹⁹ на собрание внешнеполитического кружка «суометарцев». Собрание открыл Хонкаюури и сказал, что есть намерение и впредь проводить подобные собрания таким образом, чтобы на каждом из них выбирался комитет, который получал бы право свободно готовить следующее собрание, определять время и место его проведения, вопросы для обсуждения и состав участников.

Паасикиви выступил с интересным, хотя несколько пространном докладом «О месте малых народов в нынешнем всемирном кризисе». Не буду пытаться точно реферировать доклад и последовавшую за ним дискуссию, удовлетворюсь лишь некоторыми примерами настроений и об-

раза мышления. Ю. К. Паасикиви блеснул эрудицией... Главной его мыслью, с которой я полностью согласен (хотя по многим причинам я на собрании рта не открывал), была та, что положение малых народов сейчас весьма трудное... Великие державы проводят реальную политику, опираясь на силу, и в этом отношении все они одинаковы — и Советский Союз, и Германия, и Англия, и США, и Япония. Положение сейчас, однако, таково, что Финляндия не может получить помощь от других малых стран, поэтому она вынуждена солидаризироваться с Германией. Немцы хороши тем, что они выражаются ясно. Они намерены создать великое жизненное пространство и обеспечить ему успех и мир при последующем руководстве Германией. Если мы попадем в эту сферу, то, может быть, все же выживем... В заключение Паасикиви, конечно же, выступил за права малых народов и выразил надежду, что наступят такие времена, когда они смогут свободно развиваться. Он зашел так далеко, что спросил, не могли бы, например, церковь и рабочий класс вместе положить конец войне...

Каарло Коскимиес высказал (неожиданно для меня) приемлемые идеи о будущем сотрудничестве малых народов. Даже панически боящийся Москвы Брумер, который констатировал, что в случае победы Англии плохо придется Финляндии и хорошо — другим странам Северной Европы, а в случае победы Германии — наоборот, в конце концов все же признал, что судьба всех малых народов одинакова. Через все его рассуждения проходила мысль о том, что Англия намерена оставить нас на милость «рюс-ся», и, значит, единственное спасение — это Германия. При победе Германии мы, правда, можем оказаться во внешне-политическом, да и в экономическом плане в зависимости от нее, но все же большинство считало и верило, что мы сохраним свою свободу и свою культуру (!), и, таким образом, наше положение будет, во всяком случае, лучше того, которое было при русских царях. Лаурилла так тот просто воспел свободу Финляндии под эгидой Германии: «Если мы того захотим, мы сохраним нашу свободу!» Оксала же прямо-таки восторгался грядущим немецким режимом...

Паасикиви еще в начале своего доклада отметил, что в Восточной Европе при любых обстоятельствах останется русское государство, которое при отсутствии у нас сильной

поддержки будет представлять для нас опасность. Другие тоже не считали более возможным в создавшихся условиях окончательное уничтожение России. Они опасались распространения большевизма в Европе и одно из средств против этого видели в том, чтобы заставить Скандинавские страны понять надвигающуюся опасность и своевременно прибегнуть к единственно возможной помощи — со стороны Германии...

Продолжать не могу. Из предшествующего ты видишь, насколько запутанны здесь у нас взгляды и мнения. Крайние группы на собрании помалкивали — и явные нацисты, которые сдались бы без всяких условий и даже стремились бы оказаться под властью Германии, дабы завести здесь режим Квислинга, и прямые сторонники скандинавской ориентации, каковыми, во всяком случае в разговорах со мной, выступили Каллала и Р. Й. Хюнинен.

Кесаранта, 14.6.1942

Как тебе известно, в Финляндии имели место политические сюрпризы. Наиболее важные сведения о них были получены от Таннера в парламентской фракции социал-демократической партии в пятницу 12 июня в тот же день — от Виттинга в комиссии по иностранным делам. Таннер описал визит фюрера *. Господам из финляндского правительства было сообщено об этом всего за полчаса до его прибытия, когда они уже были в гостях у маршала. Состоялся торжественный завтрак, и было произнесено множество тостов. Таннер признал, что визит может иметь для Финляндии и отрицательное значение, в особенности со стороны общественного мнения Америки, но он отметил, что визит благоприятно повлиял на проходящие в Берлине торговые переговоры...

В комиссии по иностранным делам Виттинг выступил с еще более скандальным сообщением, чем все его прошлые выступления. После заседания я встретился с депутатом Фричем, он назвал визиты Виттинга в комиссию прямо-таки унижающими парламент. Когда же я указал, что в случае отсутствия министра иностранных дел в ко-

* Имеется в виду визит Гитлера на 75-летие Маннергейма 4 июня.

миссии по иностранным делам упадет достоинство парламента, Фрич лишь заметил: «Куда уж ему ниже падать!!!»

Когда же у Виттинга спросили, не произошли ли в связи с визитом фюрера перемены в политике Финляндии, он ответил отрицательно, но сделал это таким образом, что понять можно было двояко. Салмиала потребовал, чтобы правительство заставило Америку прекратить поставки оружия России, так как Финляндия никому не должна позволять помогать «рюсся» убивать финских солдат. Как видишь, здесь преисполнены великодержавного духа!..

Тампере, Эмаус²⁰, 5.7.1942

Начинаю писать это письмо в Тампере, куда я приехал, чтобы выступить на «большом празднике» партии в Нокиа²¹. На всякий случай захватил с собой карандаш и бумагу, чтобы напомнить тебе о себе письмом, которое давно уже обдумал, но все время откладывал.

...У нас продолжается инфляция, и на экономическом горизонте сгущаются тучи, не предвещающие ничего хорошего. Консьерж дома № 2 по Хувилакату²² уплатил за килограмм масла триста марок, и, говорят, это еще недорого. В ресторанах и кафе сахара больше не подают совсем. И у меня с собой в кармане таблетки сахара. Картофеля в большинстве случаев в продаже нет, но, видимо, скоро уже появится молодой картофель. Хлеб и молоко можно купить недорого, но понемногу. Яйца стоят на черном рынке от 5 до 10 марок за штуку (!). В провинции местами живут еще довольно сносно, но в городах становится трудновато. Рестораны продуктов не получают и на лето закрываются...

Ходят всяческие слухи. Похоже на то, что у нас действует собственная отечественная «охранка». Относительно приговора Маури Рюэмя к расстрелу ничего нового не слышно, а вот что касается Хеллы Вуолийоки, то она, говорят, оказалась в сфере деятельности «охранки», так как прятала «десантницу»: русские самолеты сбрасывают и женщин — по слухам, они высаживаются даже в Вихти, и одна из них нашла дорогу к Хелле Вуолийоки (я думаю, что за всем этим скрываются какие-то акции в пользу мира, если только десантница действительно попала к Хелле). А что касается военной обстановки, то она, похоже, здесь не меняется: усталость от войны проявляется повсе-

местно, ее усугубляет и то, что возобновился призыв молодых ребят одновременно с тем, что новобранцев основательно готовят в учебных центрах в Оливеси, Мянття, Канкаанпя и других. Люди, как правило, предпочитают о войне не говорить.

...Мы с И. И. * негодует по поводу того, как жалко ведут войну англичане, что, очевидно, связано с их аристократическими предрассудками относительно того, что на руководящих военных должностях должны находиться не просто способные люди, а попавшие на эти посты благодаря своему происхождению и родственным связям аристократы. Англичане ни за что не начнут действовать в полную силу, пока их к этому не принудят тяжелые обстоятельства. Общественный интерес должен отступить перед личной свободой до тех пор, пока у личности из рук не вырвут «ростбифы» и «пудинги»: только тогда они берутся за оружие. Ну что же, посмотрим...

Хельсинки, 20.7.1942

...Твой друг Хиитонен навестил свою семью, живущую в Стокгольме. Он воспользовался этой возможностью и собрал некоторые сведения по вопросам большой политики. Он, в частности, встречался с американским профессором Хоппером (посланцем Рузвельта из помощников Донована²³)... Хоппер, в частности, сказал, что при заключении мира весьма сложными будут два вопроса — еврейский и финляндский. Что касается взаимоотношений США и Финляндии, сейчас, похоже, происходит то, что предсказывал Хоппер. Хиитонен рассказал, что настроение в Швеции по отношению к Финляндии становится все более прохладным и что там растет вера в поражение Германии. Шведские бизнесмены и поставщики побывали в Германии и возвратились уверенными в том, что более шести месяцев Германия не выдержит... О своих наблюдениях Хиитонен составил примечательный меморандум, который я распространил среди нескольких заинтересованных лиц без упоминания имени автора, так как его поездкам в Швецию придет, конечно, конец, если только станет известно, чем он занимается...

* Ихана Илма — жена В. Войонмаа.

...Политическая жизнь снова пробудилась... Во внутри-политической игре сдвинулся даже шахматный король. Правительство внесло предложение об избрании президента на следующие шесть лет прежним составом выборщиков²⁴. В парламенте социал-демократы (и особенно рьяно Таннер) отстаивают иную точку зрения: поскольку парламент принятым в конституционном порядке законом отложил проведение парламентских выборов до 1944 г. и таким же образом поступил в отношении выборов органов местного самоуправления, то аналогичную процедуру следует применить и в отношении президентских выборов, то есть отложить и их до 1944 г. ... Это определенно приведет к весьма жаркой схватке, хотя в реально политическом плане вопрос не имеет абсолютно никакого значения, так как если в большой войне победит Германия, здесь будет установлена диктатура без всяких выборов, а если же победят союзники, то прогерманскому режиму придется убираться вместе с президентом и всем «прочим», что к нему относится, если только не успеют вовремя «перелицевать «свою одежду»...

Интереснее все же был тот военно-политический обзор, который вчера утром от имени ставки (как я полагаю, по инициативе председателя парламента и по поручению Маннергейма) представил парламенту наш друг полковник Паасонен...²⁵ У меня создалось впечатление, что немцы, по собственному разумению, отложили на следующий год нанесение окончательного, смертельного удара по России. Хаккила слушал доклад в экстатическом блаженстве, равно как и многие другие депутаты...

Я же все-таки заметил в выступлении Паасонена и слабые места. Он не смог как бы мимоходом не отдать должного младшему командному составу русских вплоть до командиров батальонов, их солдатам и танкам, а также их боевому духу. После приказа Сталина о прекращении отхода, являвшегося тактикой русских до Сталинграда, отступление остановилось, как перед стеной. (Да и полковник говорил, что сила русского народа еще не сломлена.) Паасонен указал на то, что ни войска, ни стратегия сами по себе войну не решают, как фактор здесь важен также дух всего народа. И он не смог поклясться в том, что произойдет окончательное поражение Российского государства...

Но самым слабым местом в докладе Паасонена было то, что он все время говорил об огромных потерях лишь одной из воюющих сторон, словно по другую сторону находится постоянно усиливающийся противник. Думается все же, что потери в этой отчаянной схватке были взаимными. Но об этом Паасонен умолчал. Поэтому его слова не произвели должного впечатления. «Все это — лишь голая теория», — сказал мне Копонен, один из наиболее рассудительных членов нашей фракции. Вместе с тем чувствовалось, что большинство слушателей в основном поверили прибывшему из ставки докладчику. Да и я должен сказать, что сдержанная манера выступления Паасонена, в котором, как я заметил, ни разу не появилось неизбежного слова «рюсся», не мог не произвести определенного воздействия.

Вчера вечером состоялось заседание парламентской фракции. Там Таннер извлек из кармана кипу телеграмм: Прокопе провел прием для прессы и распространил речь Рангеля в парламенте от 20 ноября 1941 г., в которой содержалась полемика с США и упоминалось о том, что Россия не предлагала заключить мир с Финляндией (словно в подобном случае такой мир был бы возможным)... Но ведь совершенно очевидно, что Финляндия никогда не заключит сепаратного мира без Германии, во всяком случае до того, как Германия будет полностью разбита. Ведь прогерманский настрой здесь все нарастает и укореняется. Несмотря ни на что.

Финляндию, как овцу, ведут на убой. Овца упирается, но все же идет. А вообще-то здесь сильно заметны усталость от войны и забота о том, как пережить наступающую зиму.

В общественном мнении также произошли изменения — более нет места твердой вере в победу Германии. Наиболее вероятным считается некий мир на основе компромисса. Уже нет уверенности в поражении России и большевизма, и, видимо, действительно модным стало предложенное Паасоненом выражение — «смутное время». Что там ни говори, а мы — вассалы Германии. Но я верю, что победа союзников, если она возможна, многое изменит. Хотя военная сила Англии и США расценивается здесь невысоко.

Я полагаю, что война продлится еще много лет, хотя конечный результат мне ясен: либо победа союзников, ли-

бо большевизм во всем мире или по меньшей мере во всей Европе...

Хельсинки, 18.11.1942

...Сегодня я был на обеде, который давал в здании парламента его председатель (присутствовали, помимо членов президиума, председателей постоянных комиссий и высших должностных лиц парламента, также президент республики, премьер-министр, Таннер, Вальден и Хаккарайнен²⁶). Мне довелось там наблюдать происходящую смену настроений во всей ее широте... Похоже, что определенная озабоченность чувствуется и в верхах. Президент ушел сразу же после обеда, говорят, на совещание с Маннергеймом. Судя по всему, в северных районах возросла активность русских, что вызвало беспокойство в наших военных кругах. Из приложения ты увидишь, что Вальден сообщил об утрате одной из наших позиций на Свирь. Из более поздних сообщений в печати также видно, что на Свирь противник снова атаковал. Некоторое время назад я слышал, будто главнокомандующий планировал какое-то наступление к востоку от Онежского озера (где обширные труднопроходимые места), но больше ничего об этом слышно не было: по-видимому, от этого намерения отказались... Так как Питер, вопреки предположениям и обещаниям фюрера, не взят, положение Финляндии весьма сложное... Противник угрожает, и, как считает Хейниэ, не лучше ли «самому пойти вперед, чем ждать, пока атакуют тебя»? В то же время жизненно важно сохранить благосклонность США. Действительно, трудная проблема. А что делать, если из Мурманска начнут наступать на саксманов? Да, есть о чем посоветоваться президенту, главнокомандующему и министру обороны!..

Приложение

Сообщение Виттинга было выдержано в том же направлении, что и его прошлый доклад в комиссии по иностранным делам. Его основная идея сводится к тому, что в мире ощущается большая нервозность. Больше всего он говорил об отношениях Финляндии со Швецией, которая,

по его словам, все больше поворачивается лицом к Западу. В Норвегии широко саботируют немцев, и обстановка весьма обострилась. В Швецию через границу уже прибыли 15 тысяч норвежских беженцев, их число все растет, и они нуждаются в помощи. Скандинавское правосознание не может смириться с действиями немцев в Норвегии, когда вот так запросто забирают человека из дома и расстреливают его. Если бы в Норвегии был введен немецкий военный режим, это было бы, мол, совсем другое дело, но такая вот квислинговская система возмущает... В отношениях между Финляндией и Германией все хорошо... Рамсай вернулся из Германии, где он вел переговоры о торговом соглашении, и говорит, что только «высказывал пожелания...».

В ходе дискуссии по сообщению Виттинга я выразил предложение, чтобы правительство обдумало, не может ли Финляндия в подходящей форме разъяснить Германии, что общественное мнение здесь не в состоянии понять той совершенно чуждой скандинавскому духу линии поведения, которую она проводит в Норвегии. На это мне сразу же возразил Линкомиес, который считал, что Германия действует в Норвегии в соответствии со своими интересами, и нам в это вмешиваться не следует. Мы, мол, не должны сидеть на двух стульях, а занимать позицию верного друга Германии. Салмиала же жаловался на то, что среди финской общественности распространяется ужасное разложение: здесь доводится выслушивать такие поразительные мнения и даже пожелания, чтобы Германия одержала верх над Россией, а затем западные державы повергли бы во прах самую Германию. Вот какой ужас! Ведь мы же, конечно, не можем желать ничего иного, кроме полной и повсеместной германской победы!..

Сообщение Вальдена продолжалось по тщательно подготовленным запискам в течение часа. Сначала об общей военной обстановке: на восточном фронте Финляндии пришлось перейти к позиционной войне, которая, однако, доставляет постоянное беспокойство и проходит в непрерывной перестрелке. Особенностью ее стала засылка с обеих сторон разведывательных групп. У нас на всей протяженности фронта опорных пунктов немного, и в промежутках между ними на запад удается пройти даже крупным разведгруппам противника. Противник уже пересекал старую границу Финляндии²⁷, и нам был нанесен серьез-

ный ущерб. Овладел противник и неким плацдармом в южной части реки Свирь, и, поскольку этот плацдарм не являлся абсолютно необходимым и было указание беречь людей, отобрать его обратно не пытались. В остальном на фронте спокойно... Однако война и для нас не заканчивается. Ленинград не взят, и неизвестно, когда он падет. Его захват был бы ключевым событием для всего Севера...

Потери Финляндии в этой войне составляют 32 тысячи человек плюс 80 тысяч раненых, из которых, однако, 60 тысяч уже вернулись на фронт... Из армии демобилизовано 110 тысяч человек и временно уволено в отпуски несколько десятков тысяч, число дивизий и их состав сокращены, так же как и батальоны, однако появилось немало осложнений, и пришлось призвать на службу молодежь, в том числе и 1923—1924 годов рождения... Военнопленных около 40 тысяч, из них 27 тысяч — в пределах Финляндии, а остальные — в ведении армии...

В России Германия достигла своих целей, хорошо подготовилась к зиме, а силы русских иссякают. Однако окончания войны Вальден не мог предсказать и на этом направлении. Он считает возможным, что в течение зимы русские попытаются наступать в направлении Ростова-на-Дону и Воронежа.

Дискуссии по сообщению не было.

Хельсинки, 23.11.1942

...В стране находится целая группа бежавших сюда и пользующихся правом убежища евреев (и других людей из разных стран — чехословаков и т. п.), но в их судьбе намечается тревожный поворот. Я разобрался в этом деле и спешу сообщить тебе его истинное состояние...

Министр внутренних дел Хорелли и новый начальник Центральной сыскной полиции²⁸ Антони (против назначения которого в свое время социал-демократы возражали) приняли некоторое время назад (очевидно, под влиянием из Центральной Европы²⁹) жесткие меры в отношении находящихся в стране беженцев. Из различных частей страны их собрали на принудительные работы на остров Гогланд и в другие места. А оттуда их должны вывезти в Германию. Уже было подготовлено судно для перевозки этих несчастных. Однако в самый последний момент предназначенным к отправке евреям удалось передать весточку

своим единоверцам — мэру Лауритсала³⁰ Сантери Якобсону, еврею по происхождению, и членам исполкома социал-демократической партии. Были срочно приняты меры для пресечения задуманной операции. Так как случайно в Хельсинки не оказалось ни Рангеля, ни Хорелли, ни Антони, то Таннер как исполнявший обязанности премьер-министра наложил на отправку запрет. Дело, однако, этим не кончилось. Когда Рангель и Хорелли вернулись домой, вопрос был поднят вновь. Угрожая отставкой, Хорелли потребовал, чтобы решение о высылке было оставлено за ним, и с этим Государственный совет согласился. Тогда угрожать отставкой стал Фагерхольм и успел уже вручить заявление об отставке Рангелю, но тот все же уговорил этих двух господ взять заявления назад, обещая устроить все таким образом, чтобы беженцев не высылать... В настоящее время, говорят, принимаются какие-то дополнительные меры. Делается попытка препоручить этих несчастных людей заботам шведского Красного Креста...

Но дело еще не завершено, и есть основания для беспокойства. Наш толстяк Аалтонен, который сегодня информировал меня по этому вопросу, сказал, что Таннер относится к беженцам холодно, так как, по его мнению, они — «плохая публика», либо таковой среди них много. Хотя под давлением коллег он твердо выступил против политики Хорелли, как и подобает мужчине. Говорят, что Хорелли — довольно влиятельный человек в правительстве. Финляндский Гиммлер! Что до меня, то я боюсь, что есть основания для неприятностей. Кажется, я уже упоминал, что наш друг Зишер* рассказал мне, будто голландцы, бельгийцы и эстонцы вывезены из Финляндии к немцам, где их ждет вполне определенная участь...

Хельсинки, 27.11.1942

...А теперь о закулисных новостях. Коротко говоря, Германия требует отставки Фагерхольма³¹, а США — Виттинга. Первый во всяком случае уйдет, а что до второго, то надежных сведений я не получил.

Моим источником информации был на сей раз завязанный дружок Фагерхольма Атос Виртанен. Он рассказал,

* Подразумевается бывший посланник Эстонии в Хельсинки Александр Варма.

что Виттинг составил для правительства памятную записку о своей беседе с Блюхером. По словам последнего, Германия не считает приемлемым, когда член правительства Финляндии отправляется в Стокгольм и выступает так, как это сделал Фагерхольм, который, в частности, заявил, что после войны Швеция будет тем центром, вокруг которого сгруппируются остальные страны Северной Европы. Германия не намерена оспаривать эдакую «романтическую грезу» (так будто бы сказал в Берлине Вайцзекер³²), но ему не доставляет удовольствия видеть Фагерхольма членом финляндского правительства. Так что, как ты понимаешь, Фагерхольм уйдет, но в материальном отношении займет место получше, так как его сделают вместо покойного Харвала одним из директоров «Алко». Сам по себе это печальный факт для дела трезвости, так как Фагерхольм расположен к спиртному как в теории, так и на практике.

Дружок Атос вчера передал в исполком партии (и показал мне) длинную записку, в которой он в связи с изменением военной обстановки в Африке³³ и считая безусловной высадку союзников в Европе весной будущего года потребовал полной смены курса, а для начала — полного обновления правительства в Финляндии. Он верит в уход Виттинга и заявил, что шведская партия считает Хенрика Рамсая его подходящим преемником. Да и на мой взгляд, если с Виттингом что-то случится, Хенрик Р. был бы прекрасной «временной заменой» в том плане, как я тебе уже ранее писал. В Финляндии никакие радикальные смены курса не совершаются без крайней на то нужды, а таковой сейчас не существует... Я уверен, что для того, чтобы изменить путь, по которому идет Финляндия, нужны буквально всемирно-исторические перемены и катаклизмы. Мы же находимся под покровительством Всевышнего и к тому же являемся самым блестящим в военном отношении народом во всем мире... Правда, большая часть общественности, пожалуй, утратила твердость духа, но и она верит в провидение и в известное всем «шаловное счастье» Финляндии. Лишь немногие, на мой взгляд, побаиваются будущего, хотя их число растет...

Приходится быть более осторожным, чем прежде, так как возможны всякого рода слежка и шпионаж и все что угодно может быть истолковано в ложном свете. Для людей ничего святого более не существует.

1) Вечером во вторник, то есть 1 декабря 1942 г., снова состоялось совещание у премьер-министра. Виттинг сделал внешнеполитический обзор, по общему мнению, совершенно путаный... О случае с Фагерхольмом не было упомянуто ни словом, да и вообще сообщение Виттинга не вызвало дискуссий...

2) Вчера, 3 декабря 1942 г., у меня был г-н Зишер и рассказал о многих интересных вещах. Между прочим и о том, что сегодня, 4 декабря, он с супругой приглашен на обед, который дает Шоэнфельд и на котором будет также тезка пророка*. Но главной причиной его визита была озабоченность ухудшением отношений между Финляндией и США. Шоэнфельд посетил Рангеля и заявил протест по поводу «двух господ». Он не отрицал, что одним из «господ» является Виттинг, но имени второго не назвал, а я не стал любопытствовать, так как наши беседы вообще не нисходят до уровня сплетен, а обычно касаются вопросов, жизненно важных для двух малых стран и переустройства жизни всего прибалтийского района. Однако я получил четкое представление, что как Шоэнфельд, так и Зишер резко отрицательно относятся к господину Пакаслахти, которого Зишер считает прямо-таки опасной личностью для Финляндии и которого, по его мнению, следовало бы послать в помощь Кивимяки в Берлин. Пакаслахти уже побывал в Берлине на празднике по случаю учреждения некоей новой академии, основанной Гиммлером, которую возглавляет или, во всяком случае, фактически руководит группенфюрер СС Йозе. Цель — насадить нацизм в Финляндии. Шоэнфельд утверждает, что ему нечего делать в Финляндии, так как на беседу к министру он попасть не может и все дела ему приходится вести с «директорами» (заведующими отделами), что унижительно для США. Зишер неоднократно подчеркивал, что Финляндия скатывается на опасный путь. Шоэнфельд опасается, что в этом вопросе зашли слишком далеко. Зишер отметил, что его соплеменники имеют возможность спокойно обращаться по своим делам к Хопперу в Стокгольме, где в дружественном духе были бы рассмотрены и финляндские дела. По мнению Зишера, сейчас был бы очень важен и очень

* Эльяс Эрко³⁴.

выгоден для Финляндии какой-нибудь подходящий «жест» с ее стороны. Было бы достаточно, если бы министром иностранных дел стал Рамсай, а Пакаслахти спроводили либо в Берлин, либо куда-нибудь в посланники (извини за столь неуважительный разговор о твоей профессии, но мысль не моя, а Зишера).

3) А теперь третья тема этого письма: сегодняшнее (пятница, 4 декабря) бурное заседание комиссии парламента по иностранным делам, которое продолжалось около двух часов. В повестке дня было «сообщение министра», и министр прибыл без начальника канцелярии. Его сообщение было сделано в том же ключе, что и на пиршестве у Рангеля во вторник... Особым пунктом была недавно опубликованная в газете «Гётеборгс ханделс ок шефартстиднинг» занятная статья барона Якоба де Геера, смысл которой сводился к тому, что малым государствам придется подчиниться руководству великих держав и что Финляндия должна быть довольна, если сможет сохранить границы, которые она имела по Московскому миру. Министр иностранных дел был возмущен этой статьей, но совершенно верно заметил, что подавляющее большинство шведского народа и представителей шведской прессы относится к Финляндии благосклонно и с пониманием. Финляндия имеет лишь две возможности получать помощь: либо из Германии, на которую приходится 94% всей нашей торговли, либо из Швеции, на долю которой приходится 6% (из чего следует сделать вывод об относительной ценности тех, кто нам помогает)...

Может быть, и проходило бы сообщение министра иностранных дел по старому, привычному руслу. Так нет же! Салмиала прерывается и дребезжащим голосом заявляет, что в шведской прессе господствует русский дух. А вот Фагерхольм в Швеции сказал, что правительство Финляндии не намерено вмешиваться в судьбы Восточной Карелии и оккупирует ее лишь по стратегическим соображениям. Таким образом, министр Фагерхольм в чужой стране дезавуировал важнейшие национальные устремления финского народа, во имя которых пали десятки тысяч финских солдат. И как объяснить заявление газеты «Хельсингин саномат», что правительство занимает ту же позицию, что и Фагерхольм? Не может ли господин министр иностранных дел объяснить это?..

Но когда начинается гроза, гром гремит не один раз.

Так случилось и тут. Со скамей Аграрного союза тоже слышались раскаты, хотя совсем в иной тональности. В своей вежливой манере Хельяс осведомился, как обстоят дела с этим «финским эсэсовским батальоном где-то там на германском фронте». Так как ряды его весьма поредели, а его солдаты хотели бы воевать на финском фронте, нельзя ли вернуть его сюда? И обоснованны ли сведения, что для пополнения батальона кому-то разрешено выехать из Финляндии? Но кульминации дискуссия достигла, когда Ууно Ханнула, выслушав некоторые объяснения министра иностранных дел, без обиняков заявил, что четких ответов и сообщений от министра не получишь, а если и слышишь какие-то объяснения, то они по своему уровню таковы, что не стоят и ломаного гроша. А далее и Фрич воодушевился и спросил, правда ли, что представители иностранных держав вмешиваются в дела нашей страны, требуя отставки тех или иных членов правительства...

На все это министру иностранных дел отвечать было нечего... Я попытался немного снять то возбуждение, которое овладело комиссией, хотя, с другой стороны, подумал, что разок надо заставить и министра иностранных дел выслушать правду. Икола сообщил, что министерство обороны информировало комиссию парламента по вопросам обороны о разрешении командования армии направить двести человек на пополнение финского эсэсовского батальона, так как иначе он был бы пополнен немцами. Домой батальон не вернут, так как вступившие в него подписали договор на определенный срок службы, и саксманы держатся за него. А вообще-то Икола сетовал по поводу того, что в нашей стране в тревожных масштабах распространяется англо-американский дух. Так постепенно буря в комиссии утихла и установилась обычная тишь да гладь.

Я рассказал об этом событии столь подробно, потому что так, на мой взгляд, ты получишь более конкретную картину политического настроения в Финляндии.

Хельсинки, воскресенье 13.12.1942

...Настоящий повод для этого письма — полученная мною от Зишера информация, согласно которой посланник США Шоэнфельд вызван с докладом в Вашингтон, куда он отправляется 17 декабря (то есть в следующий

четверг), и откуда он, очевидно, уже не вернется. Что все это значит, я понять не могу. То ли, что и Прокопе придется уехать из США и дипломатические отношения будут полностью прерваны? Зишер говорит, что Шоэнфельд посетил президента и премьер-министра и жаловался на плохое обращение с друзьями США... Похоже на то, что в некоторых здешних кругах более враждебно относятся к США (нашему другу), чем к Англии (нашему официальному противнику). США обвиняются в том, что они благосклонны к русским и вооружили «рюсся» столь чертовски, что те все еще могут драться и даже успешно... Это непонятное мне отношение к США является, на мой взгляд, одним из признаков укрепления нацизма в правящих кругах. Демократическим же, во всяком случае социал-демократическим, кругам абсолютно ясно, что в этом всемирном кавардаке лучше всего мы можем спасти свои шкуры под крылом США.

Хельсинки, 28.12.1942

Итак, парламент в канун рождества ушел на каникулы, решив возобновить работу 18 января. Таким образом, наступает довольно длительный «мертвый» период, в течение которого не очень-то соберешь политическую информацию... На этот раз упомяну лишь об истории с Виттингом в парламенте*. Это действительно была такая встряска, что в нормальных условиях соответствующее лицо сложило бы свои чемоданы и по меньшему поводу. А тут это лицо вообще не присутствовало на заседании, появилось на нем лишь после того, как статьи бюджета, касающиеся МИД, уже были обсуждены, да и тогда-то, похоже, было совершенно безразлично ко всему, что касалось его непосредственно. Я, правда, уверен, что он уйдет, когда правительство подвергнется перестройке в связи с выборами президента (выборы состоятся 15 февраля 1943 г.)...

Перед уходом парламента на каникулы у нас было собрание фракции, на котором с обычным сообщением выступил Таннер... Так как он заявил, что из Америки доходят сведения, будто США обещали предоставить Рос-

* Имеется в виду заседание парламента 21 декабря 1942 г., на котором Виттинга обвинили в полнейшей дискриминации комиссии парламента по иностранным делам,

сии свободу рук в отношении Финляндии, если только Россия нападет на Японию, выступил Каарле Алхо* и сказал о своей уверенности в том, что такого рода слухи наверняка «сделаны в Германии» и что невозможно поверить, чтобы дела маленькой Финляндии имели бы столь решающее практическое значение для намерений великих держав и хода мировой войны (хотя мне и вспомнилось, как однажды сам Рюти со всей серьезностью сказал мне, что наша страна и была той самой дверной петлей, которая повернула Германию против России. Хотя я действительно могу представить себе, что «петельная» публика нашей страны на самом деле способна поверить и в то, о чем рассказал Таннер на собрании фракции; здесь все еще спят сном «спящей красавицы», от которого эту капеллу может когда-нибудь пробудить лишь какой-то взрыв). Речь Каарле Алхо привлекла к себе во фракция заслуженное внимание. То один, то другой начинают жить своим умом, а не надеются более лишь на божественные предначертания правительства в том, что касается судеб Финляндии...

Желаю хорошего окончания старого и начала нового года.

Отец

* В. Войонмаа.

ВОЕННОЕ СЧАСТЬЕ ПЕРЕМЕНЧИВО

Хельсинки, 19.1.1943

Дорогой сын!

Я не хотел бы доставить гестапо даже той маленькой радости, какую может принести перехват этих писем. Так что, если заметим что-то подозрительное, придется изменить способ пересылки таким образом, чтобы обрести уверенность, что письма не проходят через чужие руки.

Парламент возобновил работу 18 января, то есть вчера. В кулуарах царит серьезное беспокойство в связи с большими успехами русских. Взяты Великие Луки. Я хорошо знаю это место, так как четырежды пролетал над ним... Балтийские страны¹ оказались теперь в опасной зоне... Небосклон может вскоре омрачиться и для нас. Хуже всего, конечно, будет, если Россия обретет определяющее влияние на дела восточной части Европы, так как она добилась отступления немцев, а союзники почти ничего сделать не могут. Мы-то думали, что в этой войне за Европу Россия будет только подручным у союзников, а сейчас, похоже, появилась уверенность, что именно Россия будет главным действующим лицом, а союзники — на вторых ролях. Это тревожная перспектива, хотя еще и отдаленная, но тем не менее возможны неожиданности.

...Здесь есть широкие круги, которые недовольны Рюти. Считается, что он своими длинными речами... больше навредил стране, чем принес ей пользу. Постоянные разговоры об уничтожении большевизма и разгроме Советского Союза не считаются очень уж популярными. Только вчера мне довелось иметь интересный разговор с У. Х. и Аймо-Усачем*. Первый сказал, что его фракция, как известно, не за Христофора**, на что я заметил, что каждый в крайнем случае должен, если этого требуют интересы отече-

* Ханнула и Каяндером.

** Рюти.

ства, жертвовать своими идеями в пользу менее приятных, но явно более полезных; упомянул я даже и о возможности того, что при выборах президента социалисты проголосуют за маршала. И угодил в самую точку! Именно об этом думает У. Х. и многие другие. И не только думают, а уже (через некоего генерала Малмберга? ²) дали знать в ставку, что выступают за маршала, и осведомились: «Можно ли продолжать работу», на что отрицательного ответа не получили...

Участие Аймо-Усача в нашем разговоре с У. Х. свелось к сплетням о Христофоре. Супруга его — спиритка, да и сам Христофор, при всем своем здравом смысле, является клиентом гадалок (были приведены примеры, полученные из «заслуживающих доверие источников»). Но больше всего меня поразила рассказ Усача о совещании у президента 19 июня 1941 г. На нем уже было совершенно ясно, что в течение следующих шести дней Финляндия объявит войну Советскому Союзу... Я тоже решил посплетничать и рассказал, как Христофор в некоем обществе, где был и я, совершенно серьезно говорил, что и во всемирной истории случаются вещи, кажущиеся столь невероятными: что Германия из-за Финляндии пошла на войну с Советским Союзом. Я сказал, что считаю Христофора весьма разумным, здравомыслящим и талантливым человеком, но что он настолько углублен в финансовые дела, что в вопросах большой политики остается младенцем...

Хельсинки, 25.1.1943

Есть что рассказать! 21 января состоялось заседание комиссии парламента по иностранным делам, на котором, согласно плану, присутствовали Виттинг и Рангель. На этот раз у Виттинга была с собой толстая пачка бумаг, из которой он зачитывал выдержки и заранее написанные части своего сообщения. Сначала он подробно рассказал о взаимоотношениях Финляндии и Швеции, начиная с событий и планов лета 1940 г. В целом он ценит добрые отношения со Швецией, но, похоже, совершенно не верит в помощь Швеции в том случае, если Финляндии пришлось бы очень плохо. Настрой в Швеции — в пользу союзников, и там надеются на их победу. При этом, однако, не верят в то, что границы, обусловленные Московским миром, могут быть восстановлены.

Далее Виттинг очень подробно говорил о США, и все время в каком-то ироническом тоне... Отношения с США, даже по мнению Виттинга, следует сохранять хорошими. Хотя, похоже, эти слова и были выданы сквозь зубы.

Иное дело Германия. Слухи о ее давлении на нас абсолютно беспочвенны. Во «внутренних делах» Блюхер не применял никакого нажима. О «новом порядке» не было сказано ни слова. Торговля наша ведется на основе клиринга. Вот такой «новый порядок», действительно, будет существовать. У нас нет оснований предполагать, что с нами может случиться нечто подобное тому, что происходит с Норвегией. Политика наша по-прежнему неизменна. Это — «фронтное братство по оружию» с Германией. Германия дает нам хлеб. Мы получили от Германии гарантии против России, а западные державы таких гарантий дать не могут. В нашей политике, резюмировал Виттинг, три линии: 1) поддерживать хорошие отношения со Швецией, 2) во внутренних делах следует быть терпеливыми и «гибкими» по отношению к США и 3) демонстрировать свою «лояльность» Германии, «которая спасла нас от судьбы» (читай — от гибели)³.

Премьер-министр выступил в том же плане, что и Виттинг. В ходе дискуссии точку зрения правительства безоговорочно одобрили лишь Икола и Салмиала. А вот Хельяс сказал, хотя и застенчиво, но прямо и открыто, что отношения наши с США и Англией развивались плохо и что нужно сменить министра иностранных дел. Виттинг сказал, что ответить на это он не может, но и представители Аграрного союза, и наши заявили о недовольстве внешней политикой в той части, которая касается США и Англии, при этом одни (Шильдт и прочие) присоединились к Хельясу безоговорочно, другие (Рейникайнен) — с колебаниями. Заметь: премьер-министр ни единым словом не защитил Виттинга...

Завтра закрывается сессия парламента... А меня выбрали председателем Финляндской группы Межпарламентского союза...

Хельсинки, 26.1.1943

Отправить письмо порой труднее, чем его написать. Вот и это письмо осталось сегодня неотправленным, и хорошо, что так случилось, так как у меня опять целая куча новостей...

Сегодня у меня был твой старинный товарищ по скаутской организации*. Он знал немало подробностей о выборах президента. Говорят, что М.** был бы не прочь стать кандидатом и что он вовсе не так дряхл, болен и раздражителен, как об этом рассказывается, очевидно, в интересах пропаганды в пользу Рюти. Политики в ставке будто бы уже намечают состав нового правительства: премьер-министром — Кивимяки, который, как рассказывают, поостыл, хотя его донесения на все сто процентов выдержаны в духе бывшего воодушевления... Хиитонен поделился своими опасениями, что в ставке могут по незнанию наделать глупостей, если оттуда не установят контактов с парламентскими кругами и не начнут с ними переговоров о формировании нового правительства...

Парламент сегодня освободился на все оставшиеся дни этого месяца. В речи президента заметно ощущался новый дух⁴... Ни слова более не было сказано об уничтожении большевизма и власти России. Примечательно также, что поутих крик о Великой Финляндии, а оккупация некоторых районов (временная?) охарактеризована лишь как осуществленная по стратегическим причинам. Заговорили уже и о том, что глупо было вкладывать большие средства в такую территорию, население которой даже не хочет входить в состав Финляндии.

...Что до меня, то я спокоен, так как неуклонно верю, что история развивается в том направлении, которое я считаю верным. Внутренне, и не только в расовом (через семейные связи⁵), но и в идейном отношении, я друг настоящей Германии, но одновременно враг диктаторов и кровавых тиранов. А сейчас я уже начинаю бояться возрастающей власти и влияния Советов...

Хельсинки, 4.2.1943

Ты велел написать о том, как идут дела с выборами президента, и я попытаюсь удовлетворить твое любопытство, хотя с самого начала должен сказать, что тут имеет место большая путаница... Как раз вчера я пил чай у Э. Хиитонена... и там выяснилось, что о М. думают во

* Эисно Хиитонен.

** Маннергейм.

всех буржуазных кругах, хотя и не известно, насколько широких. Большая группа его сторонников есть в Аграрном союзе, так же обстоит дело в шведской партии и, как полагают, в коалиционной. Фялтмарс* рассказал, что В. Т.** стоит за нынешнего, так как не считает, что обстановка как-то изменится в невыгодном направлении для тех, кому она все время была выгодной; ничего не значит ни Сталинград, ни Африка... Но Фялтмарс и не осмелился бы предложить М. от нашего⁶ имени, так как М. опять написал какую-то ерунду о «чуме», исходящей из некоей страны, да к тому же и старые раны дескать ноют⁷. Поэтому следовало бы еще раз извлечь из закров неизменно пригодный предмет — Карла Йохана***, чей портрет висит на стене в моей комнате. Жаль, конечно, беднягу — смелого старика, которого снова хотят употребить на выборах, не поднеся в качестве вознаграждения даже суррогатного кофе... Аграрный союз потянул бы сани, а мы бы лишь сзади пошумели... Главное — то, чтобы сани перевернулись в нужном месте, «лысая головка»**** вывалилась на снег, а М.***** остался в санях, вслед за которыми мы, пыхтя, прокричали бы здравицу Карлу Йохану. Вот таким-то шутовством и оборачивается эта подготовка выборов, когда в стране нет ни свободы слова, ни свободомыслящих граждан, а царит духовный террор...

Мне не стоит добавлять, что в личном плане я действительно высоко ценю «лысого», но еще более — отчизну, интересы которой требуют сейчас его временного отдыха или по крайней мере ясного указания на то, что в стране вовсе нет единодушия в отношении азартной игры за счет будущего нашего народа. Господа совершили крупный просчет, когда вознамерились за шесть недель спасти отчизну и повергнуть Голнафа. Теперь им придется расплачиваться за свою «реальную политику»...

В один из вечеров я присутствовал на собрании, где был также Йохан Густав*****. Общество было небольшим,

* Кето.

** Вайнэ Таннер.

*** Стольберга.

**** Рюти.

***** Маннергейм.

***** Паасикиви.

но «с перчиком». Поскольку речь зашла об истории, присутствовавший там «хакканелит»⁸ со святой серьезностью на физиономии заявил, что «рюссия» в следующем месяце (в марте) будут выбиты из игры. Отчего Йохан Густав по своему обычаю взбеленился и, дрожа от злости, крикнул, что беда случилась еще в 1939 г. и что впереди — новая поездка с шапкой в руке, если только теперь вообще что-то поможет. Столь различные взгляды!.. А вообще-то Йохан Густав считает, что на приближающихся выборах следовало бы остаться на прежней линии, и напомним слова Талейрана: «Война — слишком важная вещь, чтобы отдать ее на усмотрение солдат» (по поводу чего один из присутствовавших шеннул, что это сказано из чистейшей зависти).

Хельсинки, 16.2.1943

Вот тебе отчет о том, что произошло на выборах президента... Маннергейм чуть было не оказался избранным. Это не произошло по трем причинам: 1) оттого, что он заявил, что не желает быть избранным очень уж незначительным большинством и лишь голосами буржуазных партий; 2) оттого, что ИКЛ твердо стояла за Рюти, так как эта партия считала его более пронацистски настроенным, нежели маршала, и 3) оттого, что за маршала не выступили социал-демократы (внешне) по той причине, что это привело бы к военной диктатуре (но внутренне потому, что Таннер фанатично стоял за линию Рюти, то есть за свою собственную). Победа Рюти — это победа Германии, и именно как таковой ее и добивались. И все же эти необычайно оживленные и даже беспокойные выборы стали победой США и дела мира: хотя избран прежний президент, для него выработана новая программа, а именно декларация Совета социал-демократической партии, в которой ясно указывается на возможность сепаратного мира и более парламентарные методы правления... Социал-демократы в этой декларации потребовали для себя больше мест в правительстве: сейчас нам принадлежит четыре портфеля из шестнадцати. Конечно, мы их получим, может быть даже шесть... Это будет выгодно и для Таннера, который уже чувствует, что вопрос о его действиях стоит так: «быть или не быть», и который по-

этому дерется как разъяренный лев за дело Рюти, свое собственное и Германии...

После этого предварительного обзора изложу ход событий по порядку. 1. Еще за несколько дней до выборов исполком социал-демократической партии провел заседание, на котором голосами Таннера, Аалтонена, Саловаара и Сюльви-Кюллики Кильпи против голосов Кето, Пеккала, Эйно Кильпи и Гунара Андерссона (швед) было решено остаться на стороне Рюти. Меньшинство, считая избрание Маннергейма невозможным, сошлось на кандидатуре К. И. Стольберга. С.-К. Кильпи, которая до этого была наиболее яркой противницей нынешнего режима, в частности из-за беженцев, которых преследовал Хорелли, перекинулась теперь на сторону Таннера, как это обычно делают в нашей партии все женщины, ощущая неуверенность в своем положении...

2. На одном из собраний парламентской фракции, где присутствовал всего 41 ее член из 80 и где рассматривались лишь законодательные инициативы фракции, вдруг был поставлен президентский вопрос, председатель фракции Таннер провел «пробное голосование», и Рюти получил все голоса, кроме двух. Следует иметь в виду, что парламентская фракция не представляет из себя какую-то инстанцию в вопросе о выборах и что дело в ней излагал В. Таннер. Я отсутствовал на том собрании...

3. А затем в субботу 13 февраля состоялось собрание выборщиков президента от социал-демократической партии, на котором назначенная исполкомом партии рабочая группа (Аалтонен и Рейникайнен, а также избранный фракцией выборщиков Хаккила — обо мне, как оппозиционере, даже и речь не шла) рассказала о предварительных зондажах, которые были выгодными для Рюти. Было сказано, что сторонниками Маннергейма выступает лишь горстка членов Аграрного союза. Хаккила, который был избран председательствующим, авансом объявил, что избрание Рюти предопределено, и счел, что естественным является обязывающее всех единодушие. Наша партия-де и прежде определяла результаты выборов, и, если мы будем едины, другие последуют за нами... Было разъяснено, что поскольку выборщики те же и кандидат тот же, то и выборы должны быть подобными прошлым. Я высказал иную точку зрения: если даже и выборщики те же, и избираемый тот же, то обстановка-то изменилась.

Рюти был избран для восстановительной работы, а не для новой войны. Сейчас же нам нужна помощь союзников, а ее надо заполучить. Поскольку они — правильно или неправильно — пришли к выводу, что избрание Рюти было бы признаком окончательного решения Финляндии связать свою судьбу с судьбой Германии, следует от Рюти отступить. Сейчас речь идет не просто о продлении срока президентских полномочий, а о совершенно новых выборах, как их и рассматривают за границей... Провести Стольберга действительно трудно, но вот маршала слишком бояться не стоит: старый, спотыкающийся генерал за два года страну до гибели не доведет, если парламент и правительство будут твердыми и бдительными. Пеккала представил список страшных грехов Рюти. Это же сделал и Виртанен. Но тем все и кончилось: сокрушительным большинством — 71 голосом против то ли 4, то ли 5 — была одобрена кандидатура Рюти.

4. А затем наступило воскресное заседание Совета партии. Съезды партии не проводились многие годы, и по уставу власть временно принадлежит Совету партии (24 человека). Но на его собрании присутствовало не менее ста человек... С докладом выступил Кето. В нем он, в частности, отверг как опасное понятие «Новая Европа» и сказал об интересах Англии в Скандинавии. Он утверждал также, что, видимо, не совсем беспочвенна та информация, согласно которой Финляндии дважды предлагался сепаратный мир «в ее исторических границах»⁹, и что подобная попытка, возможно, и сейчас предпринимается. Ее не следовало бы отвергать, если союзники гарантируют независимость Финляндии.

Далее выступил Таннер. Он хотя и похвалил Кето, но тут же жестко раскритиковал доклад. Путь, по которому шли до сих пор, был и остается-де хорошим... Мы не знаем, каков будет окончательный результат войны. Нам необходим хозяйский подход, нужна финская, а не американская политика... В обобщенном виде речь Таннера содержала, таким образом, призыв к верности Германии и недоверие ко всему прочему... С разрешения собрания на все это ответил я. Сказал, что хозяйский подход нужен, а вот задиристости следовало бы избегать. Нам нужна помощь США, и тут нам терять нечего. Поскольку Таннер пугал последствиями выхода из германской упряжки, то печальный пример Румынии показывает, что

значит оставаться в этой упряжке. И уж коль скоро сказано, что мы никак не участвуем в войне великих держав, то никакой опасности не должен представлять выход из этой войны в подходящий момент, хотя теперь нам и стараются доказать, что мы все же столь зависимы от великих держав, что заключить сепаратный мир не можем. Так как Таннер сказал, что результат войны предсказать нельзя, то я напомнил, как кое-кто в начале войны был уверен, что она завершится за шесть—восемь недель... Большие страны и великие народы все же нельзя уничтожить одними объявлениями «крестовых походов» и т. п. Именно эта историческая убежденность, а не спекуляции на германском оружии спасет и нас. Так и продолжалась дискуссия. Когда же был поставлен президентский вопрос, Кето выступил с длинной речью, в заключение которой предложил кандидатуру Стольберга. Но Совет партии 20 голосами против 2 одобрил кандидатуру Рюти.

В буржуазных же партиях тем временем дело подошло к тому, что Маннергейм был бы избран, если бы на его сторону перешла, хоть какая-то часть социал-демократов. Однако, прежде чем о таком положении стало известно выборщикам от социал-демократической партии, наши представители, руководимые Хаккила, категорически заявили буржуям, что социал-демократы на все 100 процентов поддерживают Рюти. Об этот камень и разбился корабль Маннергейма, и дело было сделано.

5. Фракция выборщиков от нашей партии собралась еще раз на формально завершающее собрание, которое обернулось, однако, весьма неформальным. Хаккила торжественно изложил простые вопросы (у него всегда все просто). А вот маленький Виртанен сообщил, что голосовать за Рюти он не будет. Я также отказался подчиниться приказу и обосновал свой отказ тем, что считаю важным: поскольку социал-демократическая партия уже добилась того, что Рюти определенно будет избран значительным большинством, этого достаточно, и я не понимаю, почему нам, прочим, следует еще и увенчать их лаврами... Но хотя многие и защищали меня, нас не пощадили и обязали всех голосовать за Рюти.

Однако я этому не подчинился, как не подчинились ни Виртанен, ни Пеккала. Все мы члены комиссии по иностранным делам. Многие поступили так же и в бур-

жуазных партиях, например Хельяс, Ханнула, Фрич и, как я полагаю, Эстерхольм¹⁰. У комиссии по иностранным делам к этому были особые причины, так как считалось, что Виттинг говорит в стиле Рюти, а Рюти в ответе за то, что говорит его министр иностранных дел...

Хотя победа Рюти не вызывала сомнений и без всей этой агитации уже в силу действий Таннера и Хаккила и невероятной неосведомленности и внешнеполитической глупости нашей фракции в коллегии выборщиков, все же эти выборы станут поворотным пунктом в нашей военной политике в сторону Запада, что с уходом Виттинга определенно заметят и немцы. Как-никак, а декларация нашей партии явно на это указывает. Да и наша оппозиция — это и урок, и предостережение для тех, кто в ближайшее время будет направлять внешнеполитическую деятельность, что пользоваться старыми средствами далее нельзя. Четкая оппозиция против внешней политики Таннера заявила о себе и внутри партии...

Это мой первый спешный доклад о событиях, весьма важных в политической жизни Финляндии.

Хельсинки, 6.3.1943

Пожалуй, опять черкну кое о чем, хотя, вопреки твоему мнению, здесь о многом не напишешь, так как, посадив после длительных родовых мук в кресло новое правительство, парламент сейчас пребывает в блаженно-расслабленном состоянии. Как ты видишь, это типично конъюнктурный кабинет, во всем отвечающий нормам переходного периода. Он сойдет на некоторое время, так как о нем неизвестно ничего: ни плохого, ни хорошего... В политическом плане он вобрал в себя все цвета радуги, за исключением ИКЛ, которая устранилась, поскольку правительство не получило четкой (прогерманской) ориентации...

Об истории формирования правительства можно было бы многое рассказать, но я не стану широко распространяться, так как эти вещи начинают уже исчезать из памяти, да и насколько возможно, я уже кое о чем рассказывал. Как обычно, наша партия пустилась в поход с напыщенными жестами и звонкими декларациями, а вернулась домой с поджатым хвостом. Если говорить корот-

ко, то закулисные действия свелись к следующему. Рютти, видимо, с самого начала замыслил сделать премьер-министром Линкомиеса (такого же выходца из Сатакунта¹¹, как и он сам). Аграрный союз выдвинул своим кандидатом Рейникка, а наша фракция решила, что мы поддержим выдвижение на пост премьер-министра кандидата от центристов. Вопрос этот внес во фракцию Таннер, представив его таким образом, что выбирать надо между этими двумя лицами, и обрисовав при этом Рейникка прямо-таки в неприглядных красках. Однако фракция, хотя она вовсе и не была в восторге от Рейникка, но по принципиальным соображениям единогласно решила, вопреки мнению Таннера, поддержать кандидата Аграрного союза. Стали ждать результата, но его все не было, созвали новое собрание нашей фракции без предварительного объявления, какой вопрос будет на нем поставлен. Когда же фракция собралась, Таннер коротко сообщил, что президент не может принять кандидатуру Рейникка, но считает, что ни у кого, естественно, не будет возражений против председателя парламента. Таким образом, Хаккила пригодился бы для того, чтобы найти выход из слишком затянувшейся ситуации. И тут Таннер спросил: «Нужно ли это обсуждать?» Оказалось, что фракции это нужно, а затем последовала острая дискуссия, в ходе которой никто не поддержал персонально Хаккила, но многие говорили о том, что уж если нам предлагают «своего человека», то премьер-министром должен стать Таннер. Многие из выступавших, как, например, нижеподписавшийся, говорили в пользу прежнего решения: мы свою позицию определили и от нее не отступим, что бы там президент ни делал. Когда же Пеккала произнес несколько слов в защиту Рейникка, Таннер взбеленился и заявил, что... он не намерен сидеть с ним за одним столом в правительстве. Затем проголосовали, и результат был таков: 54 голоса за «своего человека» (ловкая формула Рейникайнена, совершенно неверная по существу, так как под «своим человеком» не подразумевался Хаккила) и 21 голос за то, чтобы придерживаться прежнего решения (то есть за Рейникка).

Остальное ты знаешь из газет: президент или Таннер (поди знай!) поставили себя в глупейшее положение, когда стали формировать правительство, даже не спросив у других парламентских фракций, согласны ли они

на Хаккилу. Да и Хаккила поставил себя в дурацкое положение, когда повел переговоры о составе правительства, хотя у фракций (кроме социал-демократов) ни о чем даже и не спрашивали. Так вот и остался один Линкомиес. И снова была созвана наша фракция, но я решил более не участвовать в этом фарсе и лишь задним числом узнал, что 23 голосами против 13 (которые так и остались за Рейникка) было дано «условное» (якобы) согласие на Давида с пращой¹²: вроде бы для того, чтобы получить дополнительные места в правительстве и продвинуть в его программу нечто похожее на нашу декларацию. Конечно же, заранее было ясно, что ценность этого последнего пункта останется равной ценности использованной туалетной бумаги.

И вот теперь у нас правительство Давида. Посмотрим, сумеет ли Давид поразить Голиафа своей пращой на-смерть...

Хельсинки, 31.3.1943

...Наконец-то есть повод для письма. Дело в том, что сегодня в нашей комиссии по иностранным делам выступал с сообщением о текущем моменте Рамсай... Мы ожидали от министра иностранных дел сенсационных сведений о реакции Финляндии на ноту США, на которую пока что ответа не дано. Но ждали мы напрасно. В то же время дискуссия, последовавшая за сообщением Рамсая, была действительно сенсационной и великоленно обрисовала ту противоречивую обстановку, которая существует в этой стране... В умах уже новое деление по партийному признаку — противостояние идей тех, кто стремится к демократическому будущему, и тех, кто все более онемечивается. Здесь уже создали свою фракцию в парламенте и представители «отданных территорий»¹³. Можно даже говорить о «Карельской партии». В конечном счете из всего этого определенно выйдет две партии: «партия войны» и «партия мира».

Прежде я бы не поверил, что оппозиция, которая проявилась в связи с выборами президента, может иметь столь длительные и столь далеко идущие последствия. Исчезли из поля зрения Раугель, Виттинг и Хорелли (этот стал новым членом комиссии по иностранным де-

лам, равно как и Кукконен). Из информационного ведомства убран «пунтилизм»¹⁴. Начальник там, правда, Вилкуна¹⁵, но в помощниках у него скандинавский демократ Нильс Мейнандер, в подчиненные к которому заниматься передачами на английском языке, как говорят, берут Лаурина Зиллиакуса, брата Конни¹⁶, так что определенная чистка идет и там. Все это вызывает, конечно, противодействие, которое с особой отчетливостью и проявилось сегодня в нашей комиссии. Мы переживаем период внутреннего политического перелома, и события большой политики либо ускорят, либо замедлят его... Финляндии действительно следовало бы обдумать свое положение на тот случай, если «ось» проиграет войну. Ведь очень важно, на чьей стороне Финляндия будет в конце войны. Будет ли она по-прежнему вести свою войну и заключит мир, когда это удобно (официальная точка зрения), или же сочтет себя в определенной мере зависимой от воюющих великих держав, и если так, то от какой из них. Может случиться, что нам даже раньше, чем мы ожидаем, зададут вопрос: пойдете ли вы на мир, например на основе границ 1939 г. (в основном), и перестанете ли, таким образом, оказывать помощь Германии либо будете продолжать военные действия, которые в этом случае явятся определенным участием в войне великих держав на стороне Германии? Здесь верят, что со стороны России действительно предприняты акции к примирению с Финляндией на основе границ 1939 г. с некоторыми их исправлениями в интересах безопасности Питера.

Я полагаю, что весьма важным становится вопрос об ответной ноте, и очень озобочен складывающейся обстановкой. Если мы испортим взаимоотношения с США — а этого я весьма побаиваюсь, — то США оставят нас в руках Идена и Сталина, что будет нам отнюдь не в радость. Поэтому-то и важно, что ответит правительство на ноту. Я исхожу из того, что ответ правительства, в каком бы направлении он ни шел, получит поддержку парламента, так как собственными силами внешнеполитические дела в парламенте не решаются. Большая власть передана в руки Христофора, Флинка и Рэя*, но эти руки могут оказаться слабыми. Возможно, будет снова сделана попытка каким-то образом поманеврировать, за-

* Рюти, Линкомиеса и Рамсая.

давая США на прежний манер кое-какие вопросы и пытаясь тем самым выиграть время. С другой же стороны, отказ Финляндии от товарищества по оружию с Германией предельно страшит господ из правительства, так как для Германии определено было бы моральным крахом, если бы ее покинул единственный свободный друг. Но если нас покинут США и мы останемся в союзе с Германией, то мы фактически окажемся полностью под немецкой опекой и придется нам наступать на Беломорск, да, пожалуй, и на Питер. Куда ни кинь, всюду клин. Полагаю, что США действительно потребовали ясного ответа: мир либо Германия. Конечно, США могут призывать нас к миру лишь на том условии, что они гарантируют Финляндии границы 1939 г. Но даже если бы такой мир был предложен, я не верю, что правительство Финляндии осмелится сделать решающий шаг для выхода из нынешнего положения, и, таким образом, мы окажемся в зависимости от милости Германии.

Хельсинки, 3.4.1943

Как только новое правительство было создано, одним из его первых действий было послать Рамсая самолетом к Риббентропу* за инструкциями. Риббентроп пригрозил, что Финляндию, если она перейдет на сторону США, постигнет участь Норвегии. Он потребовал от Финляндии немедленно прекратить всякий флирт с США...

Поскольку же, и это главное, США направили Финляндии новую ноту, выдержанную в ультимативных тонах, то можно предсказать, что они получат отрицательный ответ, тем более что здесь снова твердо уверены в военных успехах Германии. А следствием этого будет если не объявление войны и, пожалуй, даже не разрыв дипломатических отношений (так как США нужна «сыскная контора» в Хельсинки и они не хотят силой загонять Финляндию и далее в германские объятия), то по крайней мере Финляндия будет оставлена на произвол судьбы, то есть на милость Идена и Сталина. Что из этого в конечном счете выйдет, могут представить себе те, кто верит в победу союзников, но полагает, что Россия, воз-

* 26 марта 1943 г.

можно, успеет раньше них выйти на южное и восточное побережья Балтийского моря...

Из собственных надежных источников я узнал о содержании (в основном) ноты США. В ней было четыре момента: 1) вопрос, почему Финляндия все еще не ответила на предыдущую ноту США? (на нее, видимо, уже при новом правительстве дан какой-то ответ, который лишь повторил прежнее крючкотворное письмо); 2) США предлагают свои «добрые услуги» для того, чтобы помочь Финляндии выйти из войны и заключить приемлемый мир с Советским Союзом; 3) вопрос, верит ли финский народ (а не правительство) в «добрую волю» США? и 4) это — последнее предложение Финляндии.

Я конфиденциально посетил Юхо Кусти¹⁷ для того, чтобы побудить его обратиться к Вальдену и через него к маршалу по этому решающему для судеб Финляндии вопросу. Мы договорились, что он предложит Вальдену, чтобы Финляндия сообщила США о своем согласии на мир на основе границ 1939 г. и о полном доверии финского народа «доброй воле» США.

Однако сам Юхо Кусти оказался пессимистом: он не верит в то, чтобы Сталин теперь удовлетворился территорией, меньшей той, которая была получена по Московскому миру, и считает ошибкой, что Финляндия сообщила Германии об этой новой ноте США, так как, если теперь мирный договор на основе 1939 г. не будет достигнут и придется по-прежнему оставаться с Германией, окажется, что мы лишь поставили себя перед ней в глупое положение и в еще большей степени оказались под ее опекой. Следовало бы сначала выяснить условия мира и затем решительно заявить об этом Германии. Нам ясно, что от Германии можно ожидать жестких мер принуждения, если не военных действий в отношении Финляндии. Но что это за избранная богом привилегированная публика — наш финский народ, чтобы он не мог ничем поступиться ради своего будущего, тогда как почти всем народам мира, или, во всяком случае, Европы, приходится многое сносить.

А вечером (в пятницу, то есть вчера) я был на неких «посиделках» руководства социал-демократов, гостем которых был грузин Гегечкори¹⁸. Он посетил Париж и Берлин... выступал совсем как нацист и произвел на нас впечатление человека из «пятой колонны», хотя мы и отнес-

лись с пониманием к его грузинским (националистическим) целям. Таннер же во всем занял одинаковые с ним позиции... Я. В. Кето и я были иного мнения, но Таннер назвал мое мнение «наивным» (жалею, что не ответил, что куда более наивны были взгляды тех, кто верил в окончание войны за 6—8 недель), а мысли Я. В. К. — «экстремистскими». Вместе с Кето мы пришли к общему выводу, что путеводной звездой Таннера остается лишь спасение собственной шкуры. Он по-прежнему занимает те же самые позиции, что и при формировании правительства: никаких перемен, самое лучшее — оставить все, как есть... Не понимает человек, что, пока мы бездействуем, мир изменяется и время проходит мимо нас...

Хельсинки, 12.4.1943

Минувшая неделя была весьма важной во внешнеполитической истории Финляндии. Полагаю, что лучше всего я поясню это, рассказав с максимально возможной точностью о заседании комиссии по иностранным делам в 10 часов в пятницу 9 апреля 1943 г.

На этом заседании Рамсай для начала сообщил что 13 февраля в США Прокпе была вручена нота, ответ на которую был дан 23 марта... Но еще 20 марта временный поверенный в делах США в Хельсинки Мак-Клинтон передал Рамсаю меморандум, в котором США заявляют, что Финляндия не ответила на вопрос, намерена ли она по-прежнему воевать на стороне врагов США; что США предлагают «добрые услуги» для установления контакта с целью прекращения военных действий между Финляндией и Советским Союзом и восстановления мира между ними; что Хэлл¹⁹ хотел бы знать без обиняков, питают ли правительство и народ Финляндии доверие к «доброй воле» США и, наконец, что Финляндии следовало бы задуматься над тем, что больше случая для обмена мнениями с США не представится и что на все это ожидается срочный ответ (полагаю, что ранее я тебе уже прореферировал этот меморандум по тексту, ставшему известным Лаурину З.* В этих двух текстах я замечаю некоторую разницу, но лишь в словах, а не по существу.)

* Зиллиакусу.

Сразу же собралась комиссия правительства Финляндии по иностранным делам. Она констатировала, что в этом сообщении нет конкретных данных: не известно, готов ли на мир Советский Союз и на каких условиях. Кроме того, было отмечено, что Финляндия не может пойти на переговоры даже с США за спиной Германии. В связи с этим 24 марта Рамсай пригласил Мак-Клинтока к себе и передал ему подробное письмо, в котором говорилось, что Финляндия верит в «добрую волю» США, но хотела бы получить от них все имеющиеся сведения об основе возможных переговоров. Позднее от Уэллеса поступило через Прокопе сообщение, что США дадут такой ответ.

Дело сочли в финляндском правительстве столь важным и срочным, что Рамсай 26 марта полетел в Берлин с полным отчетом Риббентропу. Риббентроп ответил, что взаимоотношения Германии и Финляндии уже не те, что были прежде. Предложение США сделано с целью шантажа. Финляндия может оказаться в тупике. С точки зрения мировой политики важно, чтобы Финляндия срочно сообщила США, что она не может пойти на сепаратный мир, так как это могло бы создать трудности для всего фронта. (Рамсай не сказал того, о чем говорил накануне Таннер, когда мы были у премьер-министра и в предварительном порядке обсуждали вопрос, а именно что Риббентроп в резкой форме угрожал Финляндии оккупацией, если она будет продолжать «сидеть на двух стульях» и т. п.) 29 марта вопрос был доложен Государственному совету в полном составе, а 5 апреля Рюти намеревался изложить соображения Финляндии Блюхеру, но тот выехал в «служебную поездку» в Германию (сейчас он снова в Хельсинки). 7 апреля правительство одобрило проект ответа США, и вот теперь он представлен комиссии парламента по иностранным делам. Финляндия более не может затягивать это дело. Германия также должна знать об официальных действиях Финляндии.

Ответ правительства Соединенным Штатам был коротким и содержал в основном следующее. Правительство Финляндии обдумало этот вопрос. Оно благодарит США за проявленную ими «добрую волю». Не получено данных о том, что Советский Союз хотел бы вести переговоры и что такие переговоры могли бы дать Финляндии твердые гарантии. Таким образом, для Финляндии не остается

инного пути, кроме продолжения борьбы за независимость, свободу и демократию до тех пор, пока они не будут обеспечены (!). Финляндия таким образом не считает для себя возможным воспользоваться посредничеством США. Надеемся все же, что добрые отношения сохранятся...

Возникла широкая дискуссия, которая была продолжена в 17.30 после обычного заседания парламента. Большинство комиссии целиком встало на позиции правительства... Кукконен в свойственной ему гениальной манере заметил, что нота США предполагала обеспечение не нашего блага, а интересов своей страны и поэтому ее следовало отвергнуть. Хакцель счел, что США следовало бы лучше подготовить вопрос прежде, чем обращаться к нам, теперь же все это превратилось лишь в демонстрацию. С нашей (социал-демократы) стороны было выражено пожелание, чтобы ответ не направлялся до того, как от США будут получены запрошенные сведения; было сочтено также, что подготовленный сейчас проект слишком резок. На вечернем заседании я сделал для протокола краткое заявление о том, что особенностью нашего положения была возможность поддерживать добрые отношения с США, хотя они и находятся в состоянии войны с Германией. С другой стороны, мы, видимо, могли сохранять и некоторую свободу действий в наших отношениях с Германией. Этими позициями не следовало бы теперь жертвовать и в оскорбительном тоне отвечать США, а следовало бы подождать обещанного США ответа и лишь после этого посмотреть, что делать. В этом же духе продиктовали свои заявления Эстерхольм, Пеккала, даже Рейникайнен и Миина Силлапяя. Естественно, мы составили меньшинство. Но показательно было то, что социал-демократы в комиссии по иностранным делам заняли явно иную позицию, нежели Таннер, который на совещании у премьер-министра резко выступил против США.

Итак, жребий был брошен. Рамсай заявил, что в субботу ответ будет передан Мак-Клинтоку. Поэтому в субботу я спокойно отправился в сауну Рабочей Академии²⁰, но вдруг там мне сообщили, что я должен срочно явиться на беседу к министру иностранных дел. Был я у него в 16.30, и Рамсай сказал, что в первой половине дня поступил ответ США и что он в 16 часов передал ответ Финляндии Мак-Клинтоку, который вел себя дружелюбно и

никак не выразил своего недовольства по поводу содержания ответа.

Ты спросишь, откуда эдакая благосклонность? Поясню: в ответе США говорилось лишь то, что США не имеют никаких предложений и готовы быть только, как говорится (словами Рамсая), «честными маклерами» и посредничать между Финляндией и Советским Союзом, дело которых самим договориться об условиях. Так удобно закончилось это крупное дело, которое в течение двух недель поддерживало в нашей стране серьезную политическую напряженность. Поскольку мы полагали, что США имели в виду нечто реальное, такое решение очень странно, столь же странно оно и для США, которые, как говорится, «вытянули пустой билет». Но зато это решение выгодно для правительства Финляндии, которое все верно рассчитало. А вот для Германии — это крупный успех: Финляндия еще теснее привязана к «оси» и ею взят курс еще более определенный, чем прежде (даже во времена Виттинга). Что ты теперь скажешь обо всем этом? Я лично считаю, что как и в 1918 г., курс Финляндии изменят лишь решающие исторические события.

Хельсинки, 6.5.1943

Вчера комиссию по иностранным делам посетил Рамсай. Он рассказал, что все обстоит по-прежнему: Мак-Клинтон с парой канцелярских работников находится здесь, а остальной состав посольства — в Стокгольме. Рамсай с уверенностью заявил, что такое положение может продлиться еще некоторое время. Он рекомендовал лишь сохранять спокойствие. А члены комиссии от буржуазных партий в большинстве своем высказались устами Антти Кукконена, что поскольку мы не даем никакого повода для гнева США, то пусть себе будут и расторжения и даже войны, если США так хочется... Так что видишь: наша мировая держава не очень-то испугается, если какие-то там США объявят войну еще и нам. Правда, я, как вообще социал-демократы и лучшая часть «буржуев», уверен, что США все же не объявят запросто войну, так как это еще дальше толкнуло бы Финляндию в объятия Германии, чего США вряд ли особенно желают...

В комиссии по иностранным делам Рамсая спросили

еще и о том, есть ли хоть доля истины в слухах, будто с некоторых сторон на Финляндию оказывается сильнейший нажим. Идут разговоры о том, что Финляндию принуждают к вступлению в какой-то новый «дружественный альянс» и т. п., за чем якобы позднее последуют «реальные проявления» дружбы. Министр опроверг все это: и нажима нет, и переговоры ни о чем не ведутся...

Сегодня я услышал о весьма интересных вещах. Центральная сыскная полиция снова поработала большим неводом. Задержаны (арестованы) 18 человек, в том числе Хелла Вуолийоки, и, по слухам, они будто бы обвиняются в соучастии либо в поддержании контактов с врагом... Другим же примечательным делом оказывается то, что Финляндия, судя по всему, все-таки обращалась к своему нынешнему хозяину с важным вопросом, и Рамсэй вернулся из своего знаменитого воздушного путешествия весьма взволнованным. Его жестоко отчитали и потребовали ответа, как наша страна намерена вести себя с США. После длительной тайной подготовки ответ был составлен и направлен по назначению. Слышал, что этим ответом пытались удовлетворить обе стороны. Это все, что я знаю о содержании, и я весьма зол на Рамсая, который начисто опровергал все это в комиссии по иностранным делам.

Вот так и торгуют нашей шкурой. С легкостью новый министр иностранных дел полетел за море, увозя в портфеле запрос и рекомендацию дружественной нам державы, которые, конечно, не были предназначены для преждевременной передачи противнику этой дружественной державы. Он полетел испрашивать разрешения на ведение переговоров по некоторым вопросам с третьей страной. И речь ведь даже не шла о каком-то решении, а лишь о праве вести разговор. Финляндия и сама могла бы прийти к отрицательному выводу, как она и сделала, так как настоящей основы для переговоров не было. Но, отдав на усмотрение другой державы право Финляндии вести переговоры и выяснять обстоятельства, этот новый министр таким образом вывез из страны в своем портфеле ее суверенитет. Личные представления неопытного министра о чести оказались важнее, чем независимость государства. И это начинает выясняться... Да... авторитет Рамсая в мыслящих кругах бесповоротно подмочен...

...Важнейшим политическим вопросом этого периода было выяснение отношений с Германией. Об этом я узнал следующее. Отношения Финляндии с США породили недовольство в Германии, и она сначала очень жестко потребовала их разрыва, но затем удовольствовалась требованием от Финляндии некоего заявления о ее солидарности с Германией. Комиссия по иностранным делам правительства составила проект такого заявления в том духе, что Финляндия будет продолжать сражаться до тех пор, пока не будет достигнута полная безопасность, и так далее по известному образцу. Германия потребовала добавить к этому, что Финляндия будет продолжать сражаться до достижения безопасности **обеих** стран (Германии и Финляндии). На это правительство Финляндии не пошло, и, по слухам, на сей счет в нем существует единогласие. Говорят, что такого же мнения придерживается и Христофор. В правительстве будто бы существует общее мнение относительно того, что Финляндия ни в коем случае не будет наступать и останется на оборонительных позициях, с чем согласен и Маннергейм. Очевидно, здесь заметили, что «геррен фольк»²¹ в нынешние времена уже не может по своему усмотрению распоряжаться народами, оказавшимися у него под пятой. Когда неделю назад я посетил Линкомнеса по межпарламентским делам, он сказал, что есть надежды на восстановление отношений с Германией до прежнего состояния. Это ведь та великая цель, на которой в течение последних двух недель только и была сосредоточена вся финляндская политика. Главным было умиротворить Германию, не жертвуя суверенитетом нашей страны. На этом фоне все остальное считалось незначительным. Очевидно, здесь полагают, что если отношения с Германией останутся без изменений, то США смогут делать все, что захотят. А я боюсь, что США вернутся к этому вопросу, как только мировой политический горизонт несколько прояснится. Тем не менее отрадно, что хребет не гнули до земли, а продемонстрировали собственную волю.

Премьер-министр выступил с речью, которая вряд ли успокоит США и уж никак не ободрит сторонников мира, которых здесь немало. Не согласуется она и с теми письмами, которые передали правительству Центральный

союз потребительской кооперации и Центральное объединение профсоюзов Финляндии, настаивающие на праве Финляндии выйти из войны...

...Что до меня и многих других, с кем я говорил, то безусловными представляются две вещи: прежде всего то, что от нынешнего правительства можно ждать лишь продолжения драки, так как никто, например, не осмелится отказаться от планов завоевания Восточной Карелии, хотя ради успокоения народа и ведутся разговоры лишь об обеспечении безопасности страны; а во-вторых, то, что прежде чем произойдет даже самая маленькая реальная смена курса, на место нынешнего правительства должно прийти другое. Репутация и авторитет Рамсая среди оппозиции — поскольку ныне о таковой можно говорить всерьез — начали падать. От членов парламентской фракции шведской партии, из коих 80—90 процентов относятся к оппозиции (их по понятным причинам не вдохновляет перспектива проливать шведскую кровь за Восточную Карелию, в особенности когда большинство населения этой самой Восточной Карелии, как говорят, против присоединения к Финляндии), я слышал, что на собрании их фракции присутствовал Рамсай и ему устроили хорошую головомойку... Итак, будем ждать...

Хельсинки, 1.7.1943

Вчера, то есть в среду 30 июня, у нас состоялось заседание комиссии парламента по иностранным делам. Присутствовал весь состав комиссии, а также Рамсай и Линкомиес. Рамсай изложил примерно то же самое, что и неделей раньше на обеде у премьер-министра, но на этот раз добавилось важное сообщение, что финляндско-германская конфронтация снята с повестки дня. В Берлине государственный секретарь Штеенграхт заявил нашему Стенбака*, что Германия верит в способность Финляндии делом доказать свою лояльность братству по оружию и что так будет и впредь. Германия считает, что диалог о финляндско-германских отношениях завершен и этот вопрос снят с повестки дня... Поскольку в сообще-

* Кивимяки.

ний правительства было сказано, что все осложнения были из-за того, что Германия обратила внимание на некоторые появившиеся в Финляндии публикации, речи и резолюции и в связи с ними потребовала публичного заявления правительства в пользу «оси», я выступил в комиссии и отметил, что тем самым отражено вмешательство Германии во внутренние дела Финляндии и фактически укреплены позиции нашей страны. Это, однако, взбеленило Хакцеля, который считает этот вопрос чрезвычайно опасным и в отличие от меня высказал мнение, что впредь Германия будет еще более жестко вмешиваться в наши внутренние дела, если только это предостережение не будет учтено, не будут введены суровый режим и цензура...

После этого в комиссии обсуждался вопрос об эсэсовском батальоне, и правительство получило предостережения от социал-демократов и представителей Аграрного союза. Линкомиес тоже признал, что было бы лучше оставить эсэсовцев дома, но из-за того, что сделал предыдущий кабинет, создалось щекотливое положение. Эта проблема вызовет, видимо, много шума в союзных странах, так как финляндское правительство, очевидно, дало согласие на пополнение батальона новыми людьми вместо убитых и выбывших из него.

А дальше немножко сплетен. Сын К. Й. Хидена* со свойственной ему энергией занимается созданием финско-американского общества... Возглавить его должен Эркко. Дело, бесспорно, хорошее. Но ценность его снизится, если общество не станет массовым или же если за этим последует полный разрыв отношений между США и Финляндией.

Из какого-то центра здесь начата рассылка некоторым гражданам информации о США и Швеции, которую иными путями не удастся получить и которая расходится со сведениями, распространяемыми здешней пропагандой. Пару раз эта информация доходила и до меня и была вполне деловой. Однако говорят, что наш друг Бр. С.** отослал полученный им экземпляр в политическую полицию! Иными словами, он считает, что скандинавская

* Э. Хиитонен.

** Бруно Сувиранта²².

ориентация Финляндии, дружба с США и северными странами — а ничего более «страшного» эта информация не содержит — наносят вред отечеству. Невероятно, но уверяют, что это так. Неужели столь велика политическая наивность этого человека или же столь слепа его вера в «вышестоящих», что он пошел на эдакое. А впрочем, это весьма показательно. В городе рассказывают, что политическая полиция в своих докладах пытается убедить всех, что мирные устремления и проскандинавские симпатии в Финляндии направляются Москвой. И в правящих кругах все это воспринимается всерьез!..

Хельсинки, 23.7.1943

...Поводом для этого письма было сегодняшнее заседание комиссии парламента по иностранным делам... В заключение своего выступления на нем министр иностранных дел заявил, что в связи с событиями в мире нам следует быть готовыми к тому, что наши импортные возможности будут сокращаться и что во все большей степени нам придется обходиться своими силами. Из этого Рамсай сделал верный, на мой взгляд, вывод, что и в политическом плане нам все больше следует сосредоточивать свои заботы на собственных делах (вот если бы правительство сделало из этого правильные выводы также в отношении «оси» и нацизма!).

В ходе дискуссии Эстерхольм остановился на заявлении министра о том, что нам следует быть спокойными и хладнокровными, и спросил, не означает ли это, что мы должны, сложа руки, проводить политику «поживем — увидим». Изменившаяся международная обстановка требует от Финляндии готовности к любым случайностям. Комиссия должна потребовать от правительства изучить вопрос о путях выхода Финляндии из войны. Если на Востоке наступит крах, какова будет участь Финляндии? (К этому заявлению присоединились многие, и оно составило стержень всей дискуссии. Лишь Икола, Кукконен и Хирвенсало предостерегали от излишней спешки, излишних просоюзнических настроений и особенно от излишней веры в Скандинавию...)

...Похоже на то, что и здесь происходит перелом общественного мнения в пользу сепаратного мира. События в Италии* как бомбой ударили по здешним настроениям, выдержанным преимущественно в духе «оси». К тому же так ничего и не слышно о смертельном германском ударе по России, о возможности которого так упорно твердили еще в начале лета и который должен был стать окончательным ударом, добьющим поверженного врага. Наоборот, Восточный фронт стал двигаться не туда, куда следовало, а в противоположном направлении. Из финских газет исчезли все карты фронтов, а немцы в своих официальных сообщениях сами заговорили о силах русских, представляющихся бесконечными... Пришлось теперь раскрыть глаза и спящей общественности Финляндии. Не усидел в Кесьяранта и я...

В прошлый четверг 29 июля Лесной Мауно** и я съездили на автомашине в Наантали²³ к Юхо Кусти. В Турку к нашей компании присоединился магистр Тэригрэн, председатель комиссии парламента по вопросам рабочей силы. Целью нашей было напутствовать Юхо Кусти перед небольшой поездкой в Култаранта²⁴, чтобы доложить там, как важно было бы, чтобы какое-нибудь подходящее лицо (в первую очередь сам Ю. К.) съездило бы в Стокгольм и попыталось узнать, какие условия мира предлагает наш противник. Мы высказали свои аргументы, которые Ю. К. одобрил. Однако он был весьма пессимистичен. По сравнению с нами Россия — это могучая держава, и таковой она и будет. И если уж она сводит на нет замыслы Германии, то сможет поколотить и Финляндию. Он не мог согласиться с позицией тезки пророка***, который слепо верит в помощь западных держав, и считает, что Россию можно лягать сколько угодно... А мирный зондаж из Стокгольма — отнюдь не легкое и не простое дело, так как из Стокгольма можно лишь переслать сообщение в Москву и ждать ответа. Лучше было бы, если бы чей-то (шведский?) посол в Москве предста-

* 25 июля 1943 г. пал режим Муссолини.

** Пеккала.

*** Эркко.

вил наше дело там. Но прежде чем что-то начинать, нам следует уяснить, на что мы готовы. Ведь уже сам по себе зондаж мира предполагает готовность пойти на него даже на тяжелых условиях... Ю. К. придерживается своего прежнего пессимистического взгляда, что нам предстоит потери (тут-то и вспоминается доклад полковника Паасонена парламенту во времена Сталинграда, в котором было сказано, что перспективы мрачны и что нам следует считаться с возможностью возвращения к границам Московского мира, что вызвало бурю протестов и приезд Эрика Хейнрикса²⁵ с новым докладом парламенту, выдержанным в ином тоне). Но Ю. К. все же изъявил готовность сделать попытку встретиться с Ээро, который... пожалуй, был бы склонен повернуть дела в обход Эско и доброго, хотя и слабого Урхо*.

А теперь о другом. Хотя парламент и на каникулах, сегодня у нас состоялось заседание комиссии по иностранным делам, а 18 августа будет еще одно. Так мы договорились с министром иностранных дел... Министр выступил с сообщением, которое, правда, не содержало ничего особенного... Когда же в ходе дискуссии стали выяснять (Эстерхольм, Фрич), не пыталось ли финляндское правительство через посредников получить сведения о выдвигаемых Россией условиях, Рамсай в категорической форме ответил, что, как ему известно, через других такие сведения получить нельзя (не означает ли это, что финляндское правительство пробовало различными тайными путями получить сведения о намерениях России, и при этом случилось то, что предполагал Ю. К.)...

Поскольку дискуссия была в целом незначительной и все заседание могло фактически сойти на нет, я выступил с весьма рискованной речью, решив, что настало время высказать напрямик все, что следует. Поэтому я сказал, что мы не должны сидеть сложа руки в ожидании своей участи, которая определенно становится все более тяжелой, а, напротив, пришло уже время подумать о выходе из большой войны. Сказал, что меня удивляет, почему у нас считают, будто Россия должна просить мира у Финляндии, а не наоборот. Пеккала и Фрич заявили, что присоединяются ко мне, причем Пеккала целиком и полностью. Другие социалисты, однако, промол-

* Соответственно Рюти, Линкомиес и Рамсай.

чали, а Рейникайнен отсутствовал. Салминен же, конечно, заявил, что позиция председателя — это самое верное средство погубить отечество.

Знаю, что этим радикальным выступлением подверг риску свое положение как председателя комиссии на следующих выборах. Но пусть так. Я твердо верю, что правильно предсказал, как пойдет дело.

13.8.1943

Дела идут таким образом, что только теперь могу продолжить свое письмо... Я был за городом и... болел... Однако в связи с полученным по телефону приглашением пришлось посетить Эско и хозяина Соррки*. Куча важных новостей. Похоже, что взгляды и тут обращаются в том направлении, которое мы предложили. Но всего я не могу рассказать даже таким способом...

Письмо президенту республики** будет вручено на днях. Я его тоже подписал. Не хотелось отстать от поезда. Среди подписавших и такие люди, как фон Борн и Фуруельм. Ветер сейчас дует в наши паруса. Нас побаиваются, в особенности парламента и его комиссии по иностранным делам, где слово принадлежит главным образом нам...

Продолжать времени нет. Будем надеяться, что война, по крайней мере для Финляндии, скоро кончится, во всяком случае до того, как станет слишком поздно... А пока что мне приходится «беречь себя» и, значит, «вести себя тихо»...

Хельсинки, 8.9.1943

...Тут меня на пару часов «выпустили на свободу» и дали возможность принять участие в работе некоего комитета, который планирует будущее Финляндии. Из других его членов можно упомянуть Юхо Кусти, Кафедраль-

* Линкомиеса и Таннера.

** Имеется в виду «адрес 33-х» от 20 августа 1943 г.²⁶.

ный собор*, доктора Кастари, Хельяса и (вероятно) генерала Энкеля²⁸.

Прилагаю к этому некоторые материалы, освещающие вопрос. Сохрани. Существование того большинства, на которое Таннер опирался в исполкоме партии, находится под серьезной угрозой. Так фактически обстоит дело...

На этот раз я не успеваю, да и не осмеливаюсь написать больше.

События начала сентября

Одновременно с тем, как парламент был 1 сентября 1943 г. созван на краткую сессию, председатели и вице-председатели парламентских фракций, а также нижеподписавшийся были в тот же день приглашены к премьер-министру. Там собрались Линкомиес, Таннер, Вальден, Рамсай, Рейникка, Хаккила, Таркканен, Рейникайнен, я, Хейниэ, Салмиала, Пилпула, Фуруельм, Сойни (коалиционер)...

Рамсай представил внешнеполитический обзор... И снова проявилась распространившаяся здесь в последнее время новейшая теория: надо спекулировать на возможных противоречиях между западными державами и Советским Союзом. Благосклонные к нам и неблагосклонные в отношении Советского Союза заявления американских газет раздуваются до крайности. Одновременно говорится о «наших собственных силах», о необходимости верить лишь в самих себя и высмеиваются те, кто хотел бы добиться прочного мира вообще либо длительного мира между Финляндией и Советским Союзом. Отцом этой новой теории является Таннер, который на эдакой «реальной почве» борется против «беспочвенных надежд» других, но прежде всего против угрозы своего собственного падения.

На собрании у премьер-министра Линкомиес изложил главные моменты своей длинной речи в парламенте. В ней не было ничего более или менее примечательного, как и в выступлении Рамсая, а в конце — заявление о вреде «адреса 33-х». В чем заключается этот вред, осталось недоказанным. Я взял первым слово в состоявшейся затем дискуссии и заметил, что целью «адреса» была

* Р. Эрх²⁷.

лишь мобилизация также и личного влияния президента в правильном направлении, которое все одобряют, а именно на достижение приемлемого сепаратного мира на основе самостоятельности Финляндии, и что теперь, когда желаемое обсуждение данного вопроса в парламенте будет проведено, «адрес» достиг своей цели, и поэтому нет оснований в речи премьер-министра касаться его, по крайней мере в осуждающем тоне. Но это только разворошило муравейник. Все, за исключением Фуруельма, вставшего на мою сторону и вдобавок предложившего сократить дифирамбы, излитые премьер-министром в адрес Германии, выступил с самыми грубыми нападками на «адрес», углядев в нем намерение свалить правительство и т. п. Несколько раз мне пришлось дать сдачи. Так, когда Хаккила в своей известной манере атаковал этих «новых государственных мужей, о которых прежде и слышно не было и которые ничего не смыслят в политике», я сказал ему, что эти новые государственные мужи — не кто иные, как бдительные граждане, которым пришлось пережить то, что старые государственные мужи проповедовали крестовый поход в Россию и верили во всемирную власть Германии больше, чем в евангелие.

А днем, после краткого заседания парламента, я побывал в подготовительной комиссии фракции, где второго председателя фракции Рейникайнена и меня избрали вырабатывать для обсуждения на назначенном на следующий день (2 сентября) собрании фракции проект ответа на сообщение правительства. Мне пришлось согласиться, хотя я и ссылался на болезнь и внутренне знал, что фракция примет проект, подготовленный Рейникайненом и К°. Рейникайнен приехал ко мне в больницу на следующий день (2 сентября) утром, прочитал мне свой опус и спросил, могу ли я одобрить его. Я еще раз перечел его и сказал, что одобрю при условии, если будет снята ссылка на «молчащие стены Кремля» (что дает нам право бездействовать, выжидая с оружием в руках), а также привязанный к одобрению содержания «адреса» выпад на тему о том, что он был исполнен, дескать, не безупречным методом. Так как Рейникайнен не намеревался уступить и лишь добивался моего согласия с его предложением в целом, я вручил ему для представления на собрании фракции свой собственный написанный рано утром краткий проект, касающийся лишь основных мо-

ментов внешней политики правительства. Прилагаю его в записи по памяти (сжатой). На собрании фракции я не был, поскольку и у премьер-министра, и теперь в форме написанного мною проекта уже зафиксировал свою позицию. Слышал, что Рейникайнен зачитал там мое произведение поспешно и путано, так что оно особого внимания к себе не привлекло, что, впрочем, было известно заранее, поскольку фракцию по-прежнему водит за нос Таннер. И все же текст Рейникайнена был смягчен, и упрек по поводу «адреса» уже не содержал ничего резкого.

Да и вообще это собрание фракции было, как говорят (Атос Виртанен навел меня и обстоятельно о нем рассказал), весьма примечательным. Голос в пользу Танпера подала лишь третьеразрядная публика. А против него сердито выступила, в частности, Сюльви-Кюллиikki Кильпи (из числа подписавших «адрес»), рассказавшая, что Вуори в Швеции обещал при необходимости пожертвовать Таннером и что, пожалуй, это действительно придется сделать. Что же касается «адреса», то он оказался на деле более весомым, чем это представляется даже самим «33-м», так как среди подписавших его — большая часть исполкома партии (Кето, Сюльви-Кюллиikki, Гуннар Андерссон, швед, и Пеккала). Кроме них, в исполком входят Таннер, В. Саловаара, генсекретарь партии Аалтонен, Рейникайнен, который лишь недавно туда введен заботами Таннера, да Эйно Кильпи, который, кажется, созрел для того, чтобы составить компанию своей супруге. А когда на собрании фракции раздались жалобы на отсутствие в партии дисциплины и ее загнивание, Сюльви-Кюллиikki сказала, что не партия загнила, а исполком и его работники (!). Как видишь, вино в старом партийной бурдюке забродило, и можно ожидать сенсаций.

В парламенте этот вопрос обсуждался в пятницу 3 сентября. Я не был и там, так как врач счел, что лучше мне туда не ходить, да ничего особенного там и не произошло. Лучшее всех в защиту «адреса» выступил Эстерхольм. Вотум доверия, который получило правительство, ничего не значит: в подобных делах — это лишь политическая формальность... Важнее всего поднятый нами шум, и это дело мы будем упорно продолжать до тех пор, пока кое-кто не вылетит за борт и очистит путь к приемлемому миру...

Предложенный В. Войонмаа фракции проект заявления (в значительно сокращенном виде)

Другие ввергли нас в войну, но мы сами должны от нее освободиться, для того чтобы иметь возможность в исторических и справедливых границах продолжать ту социально-экономическую и культурную деятельность, которую мы столь успешно проводили в течение двух десятилетий. Нельзя упускать ни единой возможности достигнуть этой цели. Мы сами должны построить прочные отношения с нашими соседями.

Продолжающаяся мировая война заставляет находиться в готовности к любым неожиданностям. Следует надеяться, что окончание войны принесет международно-правовые гарантии нашей безопасности в том опасном положении, в котором мы находимся.

Не вдаваясь в мелкие внутренние разногласия, которые существуют всегда, мы заявляем о своей вере в единодушие всего народа на изложенной выше основе. Предполагая и высказывая пожелание, чтобы правительство энергично действовало в этом направлении, парламентская фракция социал-демократической партии будет единогласно голосовать за простой переход к повестке дня.

Отец

ПЕРВЫЕ ЗОНДИРОВАНИЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ МИРА

Ниемо, 17.9.1943

Дорогой Тапио!

Это письмо лучше всего было бы, пожалуй, озаглавить «Путаная обстановка в Финляндии», так как я считаю, что наша внешнеполитическая линия сейчас совершенно неясна. Но пусть за себя говорят факты.

15 сентября снова состоялось заседание комиссии парламента по иностранным делам. Как всегда, комиссия собралась почти в полном составе. Кроме того, присутствовали председатель парламента Хаккила, Линкомиес и Рамсай, который выступил с докладом о текущем моменте. В заключение доклада Рамсай сделал такие выводы: Финляндия не может полагаться на пресловутую напряженность между западными державами и Советским Союзом. О намерениях России в отношении Финляндии сведений нет, и выяснить их нельзя. Мы не можем рассчитывать на поддержку западных держав, но нам следует способствовать укреплению их «доброй воли» по отношению к Финляндии. С Россией же мы должны решить все вопросы самостоятельно. В конце Рамсай отметил, что с Германией у нас хорошие отношения, а со Швецией — прекрасные.

Поскольку в прошедшей затем дискуссии об этом докладе не было сказано ни слова, я в заключение заседания похвалил его, но добавил, что правительство без промедления должно начать действовать в соответствии с высказанными правильными пожеланиями, так как промедление не улучшит положения дел.

(По моему мнению, правительство, пожалуй, все-таки верит в то, что США и Англия схватятся с Советским Союзом или же окажут Финляндии сильную поддержку в ходе переговоров о мире, в связи с чем не считает необходимым преждевременно предпринимать какие-то особые меры. Это, однако, оказалось бы именно той конъюнктурной политикой, от которой я предостерегал

правительство в своем заключительном слове на заседании комиссии.)

Дискуссию в комиссии открыл Салмиала и сразу раскритиковал «интервью», данное «официальным лицом» *, заявив, что весь город уже знает, что этим лицом является не кто иной, как премьер-министр. Интервью это ужасно и полностью выдержано в «духе Бадольо»¹ и так далее.

Премьер-министр пространно ответил, что в интервью затрагивались вопросы, интересовавшие США. Целью его было активизировать «добрую волю» последних по отношению к Финляндии. Кукконен указал в связи с этим, что цель интервью хорошая, но форма ошибочная; нужно было бы дать поправки (что и было сделано). Хельяс отметил: с интервью премьер-министра произошла та же самая ошибка, что и с «письмом 33-х», а именно: его опубликовали в шведской газете, вместо того чтобы провести предварительно внешнеполитическую дискуссию, и тогда не возникло бы предположений относительно конъюнктурной политики правительства (этим путем Хельяс попытался обосновать свое участие в «письме 33-х», за что его подвергли в собственной партии суровому допросу).

Эстерхольм отметил, что интервью выдержано в том же духе, что и «письмо 33-х», а кое в чем даже превосходит его, и что общественности следовало бы сообщить о его инициаторе. Линкомиес тогда запротестовал, что его интервью ставится в один ряд с этим «письмом»: ведь в «письме» говорилось также о границах Финляндии и содержалось требование о «немедленном» начале зондирования возможностей заключить мир, тогда как в интервью заключение мира вовсе не рассматривалось как актуальный вопрос. «Письмо 33-х» — это опасный-де документ, так как он создал за границей представление, что в Финляндии по вопросу о мире существует оппозиция. Поскольку нынешнее правительство не прекратило твердить об «опасности» «письма 33-х», хотя никто и не может сказать, в чем же она состоит, и поскольку теперь из уст самого премьер-министра довелось услышать, что опасна как раз эта оппозиция правительству, то я встал

* Имеется в виду интервью, данное в середине сентября Линкомиесом американскому, датскому и двум шведским журналистам.

и сказал, что все разногласия сводятся именно к тому, что «ЗЗ» считают вопрос о мире актуальным, а правительство по сей день не видит его срочности и что в этом вопросе оппозиция ему будет по-прежнему существовать. Мне следовало бы сказать намного больше, но я довольствовался этим заявлением. И действительно, очень странно, что правительственное интервью столь непомерно расхваливается, хотя на деле водят за нос весь народ, демонстрируя привлекательные картинки общности северных стран, а также не отказываются от захватнической политики и отодвигают решение вопроса о мире, то есть проводят именно ту конъюнктурную линию, от которой торжественно отрекся министр иностранных дел.

Очевидно, позиции Линкомиеса из-за этой путаницы значительно ослабли. Больше всего его ругают собственные коллеги по партии. А вообще интересно посмотреть: пройдет ли политическая мимикрия в Финляндии так же, как в некоторых других странах. В 1943 г. повторяется та же смена вех, которая имела место в 1918—1919 гг. Но если у руля останутся Таннер и К^о, то вероятно опасность того, что Финляндия окажется в одной могиле с Гитлером.

Хельсинки, 23.9.1943

...Повод для написания этого письма — мой визит сегодня утром вместе с Венто* к Юхо Кусти. Последний рассказал, что недавно он вместе с Антти и Юхани** втроем ужинали и провели вечер в отдельном кабинете какого-то отеля. Юхани был весьма пессимистично настроен в отношении будущего нашей страны. Он считает поражение Германии в целом определенным и в душе уже видит, как русские бросают против Финляндии 50 дивизий «с их опасной артиллерией», в результате чего получится новая «зимняя война» с теми же последствиями, что и в прошлый раз. Он заявил об этом совершенно ясно и Ээро***. Но поскольку среди офицеров

* Свенто.

** Хакцелем и Сэдерельмом² либо П. И. Хюниненом.

*** Рюти.

господствует шовинизм, ни на них, ни на народ в целом повлиять нельзя и выхода из этой ситуации найти не удастся.

От Юхо Кусти узнали, что правительство через посредника (какое-то влиятельное лицо в Швеции) прощупывало почву в Москве, но получило ответ такого рода, что предложенный отсюда вариант (Финляндия ведет-де оборонительную войну и могла бы уступить кусочек Карельского перешейка и несколько мелких островов в Финском заливе — сравни с предложением, сделанным Ээро Вуори в Стокгольме Дикину³) не сочтен достойным обсуждения. Юхо Кусти считает, как, впрочем, и я, что распространенное на днях русскими кругами в Лондоне сообщение о выдвинутых Советским Союзом ужасных условиях мира — безоговорочной капитуляции, «демократическом правительстве», границах Московского мира, правда без Ханко, и т. п. — исходит из Москвы и что в основу переговоров о мире должен лечь Московский мирный договор.

А здесь сейчас популярно мнение, что США и Англия все же помогут нам. Совсем как в 1918 году, мантию перетаскивают с одного плеча на другое⁴. Германское отступление не позволяет поддерживать и далее веру в непобедимость «оси». А так как и в наших собственных разговорах мы не продвигаемся вперед в связи с тем, что пойти дальше в своих предложениях никто не решается, то все более уповаем на США и Англию. Утром мы узнали от Юхо Кусти, что правительство принимает меры к тому, чтобы США и Англия защищали наши интересы в предполагаемых переговорах с Советским Союзом. Однако пессимист (как и я) Юхо Кусти полагает, что представители США и Англии привезут с конференции с Молотовым лишь рекомендацию для нас: срочно заключить мир с Россией. Тем самым круг снова замкнется, и положение станет еще хуже.

Более конкретно сейчас встает вопрос об уходе немцев из этой части «европейской крепости». Юхо Кусти намекал (конечно, на основе сведений, полученных от Ээро), что саксманы уйдут подобру-поздорову и отсюда, и из Северной Норвегии. За намеками прослушивалось даже, что переговоры об этом уже ведутся. Но прежде, чем что-то случится в Северной Финляндии, может произойти в Прибалтике. Странно, что Юхо Кусти ничего

не сказал о направлении Смоленск — Витебск — Западная Двина, хотя там отход саксманов с Ленинградского фронта может начаться раньше, чем развернутся события в Северной Финляндии. Похоже на то, что бинокли военных давно уже направлены в сторону Прибалтики.

Таковы те главные вопросы, о которых сегодня шла речь у Юхо Кусти. Бывший со мной Свенто очень озабочен. Дело в том, что он до сих пор занимался, в частности, формулированием международно-правовых обоснований тех требований о возмещении убытков, которые нам следовало бы предъявить Советскому Союзу (!). Полагаю, что теперь он оставит это до другого раза.

Можно было бы, конечно, еще многое рассказать о мелких событиях нашей внутриполитической жизни, но широко их излагать, попросту говоря, не стоит. Главное: участь Финляндии будет решаться на основе большой политики. Перспективы мрачны, и многие политические деятели слепы.

Хельсинки, 9.10.1943

Расскажу тебе о состоявшемся вчера (в пятницу) собрании социал-демократической фракции парламента, на котором с политическим обзором снова выступил «папа Таннер». Общий тон Таннера был на этот раз куда мрачнее, чем обычно, но все же оторваться от своих предубеждений и укоренившегося мнения он не смог.

Итак, на Восточном фронте русское наступление слабеет (а как раз сегодня газеты сообщают о взятии Невеля!). Для нас важной является северная часть Восточного фронта. Там Германия эвакуирует Ингерманландию, откуда есть намерение перебросить 40 тысяч жителей в Финляндию в дополнение к уже находящемуся здесь примерно такому же числу их, а остальных — отправить пешком за 700 километров куда-то в Литву. (Эвакуация Ингерманландии, конечно же, означает снятие немцами осады Питера. Министр Варма в беседах со мной уже давно утверждал, что так произойдет. Но каким станет после этого положение Финляндии? Очевидно, катастрофическим, если русские перебросят на Карельский перешеек или в районы вокруг Ладожского озера те самые 50 дивизий и «свою устрашающую артиллерию», о которых

маршал говорил Паасикиви.) Добавлю к этому, что ленинградский вопрос разом снял с повестки дня проблемы Лапландии и Северного Ледовитого океана со всякими там десантными операциями и стал на данный момент самым животрепещущим. Это я все время предсказывал. А здесь к балтийскому вопросу, как и ко всем прочим проблемам большой политики, относились и продолжают относиться беззаботно, пока реальные события не хватят финнов как обухом.

Затем Таннер весьма примечательным образом заговорил об Италии. Теперь, видите ли, трудность в том, какую из Италий признавать — то ли короля Виктора Эммануила, то ли Муссолини — и как следует отнестись к посланнику Италии в Хельсинки, который заявил, что он на стороне короля. Когда я в первый раз взял слово после выступления Таннера, то подчеркнул, что Финляндия, будучи сторонницей законности, должна без колебаний поддержать Эммануила и что не может быть и речи о том, чтобы отвергнуть здешнего посланника Италии. Таннер прервал меня замечанием, что и в Дании посланник итальянского короля не смог выполнять свои функции (не заметив разницы между целиком оккупированной Данией и Финляндией)...

Таннер также подчеркнул, что война пока не кончается, прошел всего лишь ее второй этап, а впереди могут быть и третий, и четвертый этапы (отчаянные потуги удержаться на представлениях о возможности победы Германии). Германия — наш могущественный покровитель, но она может нам и навредить (какая жалкая конъюнктурная мысль!).

Относительно внутренней политики Таннер заявил, что «письмо 33-х», содержания которого он (более) не критикует, причинило стране вред, создав за границей представление о том, что здесь будто бы имеются разногласия, тогда как здесь налицо единомыслие. Говорить о мире опасно. Из США поступили намеки на то, что торопиться с заключением мира не следовало бы, и с другой, весьма авторитетной, стороны, было рекомендовано избегать разговоров о важности для нас дружбы с США и об оборонительном союзе северных стран Европы! (Таким-то вот образом Таннер все еще пытается ограничивать темы обсуждений. Рты следует заткнуть всем, и лишь он — человек в сфере внешней политики

наивный — может нести любую чушь!) Я и заявил в своем выступлении, что имею основания усомниться, что рекомендация отодвинуть наши дела с сепаратным миром исходит от правительства США: ведь Мак-Клинтон говорил Зиллиакусу совсем обратное (о чем я, конечно, не сказал); что же касается требования держать язык за зубами, то применительно к вопросам о дружбе с США и проблемам Северной Европы его в свободной стране выполнить нельзя. О мире говорит сейчас весь мир, в нем пуждается человечество, об этом должны иметь возможность говорить и мы, а вот разговор об условиях мира — это, действительно, дело правительства. Впрочем, о них в Финляндии никто публично и не заговаривал, кроме социал-демократической партии...

В заключение Таннер заявил, что нынешняя обстановка не позволяет Финляндии ничего сделать для достижения мира до Московской конференции трех держав⁵.

Это важный момент, имеющий длинную предысторию. Осмелюсь рассказать в этом письме (которое, я надеюсь, дойдет до тебя, минуя цензуру) о том, что я знаю относительно зондирования Финляндией возможностей мира. В августе из Москвы через посредника было сообщено, что там были бы рады услышать «о мнении Финляндии относительно заключения мира». Здесь это сочли как предложение мира, и по тому же каналу был дан ответ, что Финляндия считает свою войну оборонительной (!!!) и была бы готова на небольшое исправление границы на Карельском перешейке с компенсацией этого в Восточной Карелии, а также на передачу Советскому Союзу небольших островов в восточной части Финского залива. Но на это Советский Союз не согласился. Дело не продвинулось. Теперь со спокойной совестью ожидаем результатов конференции трех держав, пребывая в твердой надежде, что мы невинная жертва агрессии!

Добавлю, что об ответе Финляндии Эско и Таннер сразу же после выяснения ситуации в августе сообщили мне как председателю комиссии по иностранным делам под обещанием молчать. По этой причине я не мог не подписать «письмо 33-х», хотя и знал, что оно по крайней мере частично уже не столь важно в связи с происшедшими событиями. С другой стороны, я знал, что «письмо» не может быть опасным, так как в нем, по су-

шеству, преследовалась та же цель, над достижением которой работало и правительство. Это «письмо» ослабило позиции никчемного Линкомиеса и способствовало здоровому выражению общественного мнения.

Конечно, ясно, что ссылка Финляндии на «свою оборонительную войну» была весьма глупой и наглой и что от ответа Финляндии иного результата нельзя было и ожидать. Премьер-министр объяснял мне, что передача территории Карельского перешейка вплоть до Койвисто была абсолютно невозможна. Но вообще обещание принять компенсацию за счет Восточной Карелии содержало в себе предположение о возвращении ее Советскому Союзу: вот, оказывается, как далеко мы зашли! Однако сказать это вслух никто не осмеливается, так как это — де измена родине. Правительство страшно боится мнения тех, кто считает, что Советскому Союзу ничего отдавать не следует, а не тех, кто стремится к миру хотя бы и посредством болезненных уступок.

Таннер сказал во фракции, что ни одно правительство в нынешней обстановке не заключило бы мир на невыгодных условиях: народ и армия против этого. На что я в конце своего выступления возразил, что и народ, и все военные круги — это содержащиеся в неведении жертвы пропаганды. «Да поможет творец тому, чтобы пробуждение не оказалось таким же, как весной 1940 года» — так закончил я свое выступление во фракции.

Возможно, что правительство внутренне убеждено, что сепаратный мир с Советским Союзом так и не будет заключен и судьбу страны решит всеобщая мирная конференция. Конечно, и там пойдет разговор если не о границах Финляндии, то о ее безопасности. Во всяком случае, здесь учитывают возможность и наконец-то начали готовиться к восстановлению всеобщего мира. Дело продвинулось настолько далеко, что 28 сентября в торжественной обстановке состоялось учредительное собрание нового совещательного органа, который создан по инициативе комитета Эриха — Хельяса — Войонмаа-Паасикиви — Фуруельма — Кастари, а также некоторых представителей противоположной линии. Собрание открыл Рамсай, который объявил себя председателем и Хюнинена вице-председателем (кажется, он после самого Рамса — наиболее влиятельный господин в МИД). Членами являются Карл Энкель⁶, Оскар Энкель (генерал), Эрих,

Фуруельм, Хакцель, Хельяс, Кукконен, Паасикиви, Рейникайнен, Войонмаа — они же председатели секций — и еще десять членов. Председатель зачитал также, какие секции решено (без нашего согласия) создать и кто будет их членами (I секция — причины и начальный период нынешней войны. Члены Эрих и Войонмаа. Задача выполнена еще до созыва совещательного органа и готова для обсуждения на его пленарном заседании. II секция — политические и экономические аспекты Московского мира. Председатель Паасикиви, Оскар Энкель, Хакцель, Рейникайнен. III секция — аландский вопрос. Председатель Эрих, Карл Энкель, Кукконен. IV секция — председатель Фуруельм, Хакцель, Рейникайнен, Кукконен. V секция — отношение к Лиге Наций и международное сотрудничество в будущем. Председатель Войонмаа, Карл Энкель, Эрих, Хельяс. VI секция — отношения Финляндии с Англией и ее доминионами — в связи с предыдущей секцией и в том же составе). Целью является обсудить выработанные секциями на пленарных заседаниях совещательного органа заключения или меморандумы.

Хельсинки, 10.11.1943

Сегодня у нас было очередное заседание комиссии парламента по иностранным делам, на котором Рамсай сделал доклад о текущем моменте. Не очень-то он был отрядным, так как после заседания были получены первые сообщения о Московской конференции, ставшей поворотным пунктом в истории мировой войны, и в частности в развитии положения Финляндии. Перспективы безрадостны, как поздняя осень.

Если с позиции Финляндии рассматривать все происходящее на конференции, то обращает на себя внимание примененное в Москве понятие «соответствующий противник». Следует ли Финляндию включать в систему «держав оси» и «вассальных государств»? Мы считаем, что Финляндия не является ни тем, ни другим. В соответствии с этим она должна была бы оказаться вне пределов московских решений. Похоже, однако, на то, что Финляндию причисляют к разряду «вассальных государств». Это очевидно из сообщений газет и радио.

И все же Советский Союз и Англия едины в отношении Финляндии и требуют ее «безоговорочной» капитуляции. Они сотрудничают по всем вопросам, касающимся Финляндии, которые будут ими совместно рассматриваться в Лондонском комитете. Наша страна рассматривается как вассальное государство, она будет разоружена и поставлена под контроль. На практике, конечно, может быть и иначе. Если Финляндия капитулирует перед Советским Союзом или перед Англией, то второй союзник примет участие в рассмотрении этого вопроса. Перспектива мрачная, но несколько утешает то, что союзники могут смягчить ту участь, которую нам уготовил бы Советский Союз.

Вот какие выводы сделал Рамсэй из сказанного выше. Советский Союз ныне чрезвычайно силен как в военном, так и в политическом отношении. И что же делать нам? Ясно, что на безоговорочную капитуляцию мы не пойдем и не разоружимся. Следует всеми силами укреплять нашу оборону, проявлять спокойствие, избегать раздражающих заявлений в любой адрес и ненужных разговоров о «деле Финляндии». Вместе с тем не следует пассивно ждать развития событий. Необходимо помнить, что для нас важный фактор — сила обороны Германии. Она — наша главная опора.

Если я правильно понял Рамсэя, то он представляет позицию правительства, которая, таким образом, сводится к тому, что о безоговорочной капитуляции и разоружении не может быть и речи. Это, мол, единая позиция всего народа. Рамсэй и правительство считают, что нельзя сидеть сложа руки и ждать событий, необходимо работать в пользу сепаратного мира, если для этого появятся возможности, то есть если можно будет заключить почетный мир, не капитулируя и не разоружаясь. Помоему, господствующее мнение сейчас сводится к тому, чтобы до конца опираться на Германию. Даже Рамсэй ни за что не хочет порывать с ней. А другие сейчас еще больше прогермански настроены, чем прежде. Приходится слышать, как люди говорят: что же тут поделаешь? Раз безоговорочно сдаваться и разоружаться нельзя, то остается драться.

Во всем этом единственная проблема — Восточная Карелия. Если бы армия стояла на исторических границах нашей страны, то дело определено было бы для всех

ясным: если не почетный мир, то борьба. Но армия-то теперь в Восточной Карелии, и многие говорят, что ее не отдадут, так как «стратегия» требует удерживать ее, да и вообще какой болван добровольно отдает хорошую позицию, когда предстоит бой. Следовательно, ее надо удерживать на случай драки. Но другие (меньшая часть) хотят по-прежнему удерживать ее как завоеванную территорию. Ведь именно в таком плане рассматривают оккупацию Карелии и иностранные государства, так как переименование Петрозаводска и Ээнислинна, создание там финских школ, введение лютеранской церкви и т. п. вряд ли могут определяться военной стратегией. Поэтому ты понимаешь, что разумное предложение (которое я выдвинул и о котором говорили многие другие) относительно того, чтобы финляндская армия отошла на наши исторические границы и там подготовилась к сражению, было обращено к глухим. Говорят, что немцы не смогут защищать свои позиции в Северной Финляндии, если финны отступят к своим границам. Подобные утверждения, правда, не выдерживают критики. Нам следует приготовиться к тому, что немцы будут вынуждены отступить с дальнего Севера и оставят нас на произвол судьбы. И будет ли это меньшим грехом, чем наше отступление из Восточной Карелии ради спасения своей страны, что, насколько я понимаю в стратегии, даже не поставило бы под угрозу позиции немцев, так как после сокращения фронта финских сил хватило бы и для Северной Финляндии (пока еще в помощь немцам). Но, похоже, здесь так не думают и предпочитают позволить нашей армии погибнуть в Восточной Карелии.

Однако обсуждение этого сложного вопроса о нашей судьбе даже и на этом не заканчивается. Здесь, особенно в социал-демократической партии, идет отчаянная борьба по военным вопросам. Они весьма бурно обсуждались на собрании Советов партии 7 ноября. Об этом стоит немного рассказать, так как мнение социал-демократической партии сейчас имеет большое значение для страны.

Председатель исполкома партии Саловаара уже в речи при открытии Совета осудил всех сторонников мира как конъюнктурщиков и восславил прогерманцев как реальных политиков. Затем Таннер сделал напряженно ожидавшийся доклад о текущем моменте. Он сетовал,

что здесь ни о чем нельзя свободно говорить, так как все немедленно просачивается в Швецию (об утечке в Германию он не сказал ничего), и выразил сожаление, что все время обсуждаются старые вопросы. Но сам он пространно изложил конфликт между Финляндией и США, конечно, в пользу Финляндии, а еще шире «письмо 33-х», авторов которого он назвал шайкой, вызвавшей в стране беспокойство (так буквально и было сказано) и «навредившей достижению почетного мира». Советский Союз не хочет-де мира, иначе он заявил бы о своем желании. «33» даже намекали, что надо бы сменить правительство. Но следует помнить, что на основе Московского мира никакого правительства здесь нельзя создать. Россия опьянена победами. Она наш единственный враг, и только Германия способна нам помочь. На нее мы и должны опираться до тех пор, пока возможно. Опасно утратить эту поддержку. Следует надеяться на ослабление России и укрепление союзных держав с тем, чтобы, если Германия рухнет (вопреки ожиданиям говорящего), у нас было к кому обратиться.

За этим выступлением последовала схватка, подобной которой я за всю жизнь, пожалуй, не видывал. Кого отделил Таннера безжалостно, сохраняя все же чувство юмора (правда, слегка натянуто, так как не всегда легко улыбаться, когда «таннерцы» выкрикивают все, что угодно, вплоть почти до «предателя» и «агента Москвы»); он доказал, что политика Финляндии ведет ее к беде, а в заключение предложил включить в представленную исполкомом партии резолюцию требование об отставке правительства.

Выступил и я. Остановился на сложных вопросах данного момента: «Московская конференция изменила наше положение. Хотя мы и не знаем ее решений, нам все же известно, что там «трое великих» по крайней мере на какое-то время объединили свои намерения и останутся союзниками. Лучом света в этом мраке является лишь то, что финляндский вопрос в свое время пойдет на решение в Лондонский комитет. Но ведь до этого могут начаться военные действия России против Финляндии, и если дело дойдет до решения вопроса силой оружия, то вряд ли США и Англия станут этому мешать. Последствием может стать оккупация Финляндии, и поскольку это будет военная операция, то и ей вряд ли станут мешать США и Англия, равно как Советский Союз не стал бы препятствовать амери-

канцам оккупировать Сенегал или Англии оккупировать Бельгию. Положение наше намного хуже, чем при заключении Московского мира. Многие полагаются на Германию. Но Германия — могущественная страна, и она определенно поднимется после временного упадка, а вот нам-то будет трудно выйти из-под советской оккупации в более или менее прежнем виде. Очевидно, что у нас не может возникнуть правительства на базе Московского мира. Однако следует помнить, что и Финляндия-то не настолько независима, чтобы пренебрегать международным сочувствием. После первой мировой войны нам дважды пришлось сменить правительство, прежде чем мы добились признания нашей самостоятельности⁷, и наше достоинство от этого не пострадало. Вот и теперь мы можем сменить правительство, если сочтем, что этого требуют наши интересы в международной жизни. И это вовсе не было бы пляской «под дудку Москвы». Что касается нынешнего правительства, то представлен длинный список его прегрешений (Пеккала представил обвинение из 14 пунктов); поскольку же люди судят о возможных действиях правительства по его прежним поступкам, неудивительно, что доверие к нынешнему правительству отнюдь не абсолютное и что встревоженный народ может захотеть испытать способности и возможности какого-либо нового правительства обеспечить мир и лучше, и быстрее, чем нынешнее. Такая смена правительства рассматривалась бы не как выдвинутое противником условие мира, а наоборот, исключила бы подобную возможность на более позднем этапе и так далее.

Я не был на собрании до конца, но слышал, что Кето собрал всего семь голосов. А вот большинство исполкома партии уже стоит на антитаннеровских позициях.

Вот так здесь бурлят и постепенно меняются взгляды. Но похоже все-таки, что их развитие не поспевает за ходом дел.

11.11.1943

Как часто случалось и прежде, письмо мое не было отправлено в тот день, которым оно датировано. Всю вторую половину дня я занимался политикой и пришел к выводу, что нас могла бы спасти лишь быстрая смена прави-

тельства, так как сейчас парламент возлагает ответственность на правительство, оно — на маршала, а последний — на парламент (на «народ»). Получается заколдованный круг. А вот если бы под благовидным предлогом (например, что нынешнее правительство сделало все возможное, но безуспешно) отделаться от этого правительства и поставить новое (Паасикиви + Грипенберг, который, как говорят, хорошо котируется у маршала, + Вальден и т. п.), можно было бы добиться подлинного взаимопонимания и доверия и тем самым, пожалуй, спасти себя. Но дело в том, что это ведь не «реальная политика». Реальная политика, оказывается, состоит в том, чтобы сначала верить в окончание войны за шесть недель, а затем в том, что она не кончится никогда.

Хельсинки, 22.11.1943

Должен признаться, что я ошибся, когда прошлый раз написал, что в области нашей внешней политики никаких перемен не ожидается. В основном дело действительно так обстояло, но сейчас здесь начался шум, вызванный сторонниками традиций «33-х» и в особенности нижеподписавшихся. Расскажу об этом коротко, поскольку даже в таком письме не осмелюсь упомянуть все детали. Итак, ты, видимо, помнишь, что 10 ноября у нас состоялось заседание комиссии парламента по иностранным делам, на котором Рамсай заявил по поводу Московской конференции, что Финляндии остается лишь ожидать результатов. Затем 12 ноября состоялось второе заседание комиссии, на котором, помимо Рамсая, были Стенбака и Коткавуори *. На этом заседании 8 голосами против 7 было решено создать группу по выработке заключения для правительства по заслушанному сообщению. В группу вошли Войонмаа, Рейникайнен, Эстерхольм, Кукконен и Хакцель.

Хотя группа своей задачи еще не выполнила, но ее создание уже вызвало определенный резонанс. В городе в кругах «партии войны» говорят, что комиссия по иностранным делам пытается взять в свои руки ведение внешней политики страны и тем самым сместить правительство. По особенно важным было сообщение Рамсая на совещании у премьер-министра, включавшее «поступившее вчера

* Кивимяки и Грипенберг.

сообщение» о том, что некий советский посол в какой-то нейтральной стране (в какой, сказано не было) проинформировал якобы о том, что Советский Союз пойдет на мирные переговоры только на условиях эвакуации или ухода Финляндии с территорий, отданных ею по Московскому миру, и что это есть и будет окончательной позицией. Для большей точности премьер-министр подчеркнул, что от Выборгской губернии отступаться нельзя, поэтому надо стоять на прежних позициях, что бы ни случилось. А те, кто требует немедленных переговоров о мире, стоят-де на позициях Московского мира и одобряют его. Против чего я выразил решительный протест, указав, что слово какого-то безликого посла не должно быть препятствием ни для мирных переговоров, ни для выяснений возможности заключения мира. Если же условия мира окажутся совсем неприемлемыми, то возможность продолжать после этого драку всегда останется. Фуруельм и Рейникайнен поддерживали меня, а остальные, естественно, «бряцали оружием». Линкомиес сообщил, что правительство намерено провести в начале декабря закрытое заседание парламента, на котором последний будет иметь возможность изложить свою позицию. (Конечно, не может быть ни малейшего сомнения в том, что правительство получит от парламента единодушный вотум доверия — ведь во время войны ничто иное и не возможно, да и мы преследовали цель лишь довести наше мнение до сведения правительства, чтобы нас задним числом не упрекали, что в опасный для отечества момент мы не высказали своего мнения и не предложили своих рекомендаций.)

Но и это еще не все. Говорят, что правительство провело заседание, на котором было решено занять по Московской конференции твердую выжидательную позицию. Решение было единогласным, и только Фагерхольм был против, но ведь он к 1944 г. уходит из правительства и переходит на службу в Алко. Говорят, что его преемником станет Алекси Аалтонен, «так как, видимо, ему не хватает зарплаты генсекретаря партии и работника Государственной полиции», как съязвил один товарищ по партии.

Хельсинки, 30.11.1943

Снова пишу письмо, и не моя вина, что оно снова в ином плане характеризует политический курс правитель-

ства Финляндии. Дело в том, что 24 ноября Рамсай снова побывал у нас в комиссии парламента по иностранным делам, и на этот раз господин министр выступил с совершенно противоположным заявлением: он уже не уверен, что Советский Союз потребует установления границ Московского мира. Он огласил донесение послов, из которых следовало, что Венгрия и Румыния будут, как и прежде, держаться за Германию. Это было подано нам как пример поведения и для Финляндии. Россия-де все время растрчивает свои силы, а западные державы крепнут. Ну а раз Россия слабеет, то США и Англия возьмутся за «рюсся», и лишь в этом наш шанс, если Германии все-таки придется плохо.

Собственные выводы Рамсая из всего этого таковы: Московская конференция в отношении Финляндии — дело неясное, да и значение Лондонского комитета невелико, так как членами в него назначили всего лишь второразрядных дипломатов.

Так что видишь: если в прошлый раз требования Москвы считались окончательными и у Финляндии была лишь одна возможность — отказаться от всяких фантазий о мире и с оружием в руках ждать, когда к нам явятся это оружие отбирать, то теперь, по словам Рамсая, требований Москвы вообще нет. А поскольку все столь неопределенно, то лучше вообще ничего не делать.

Позавчера были мы с ЯВК* у Юхо Кусти. От него услышал я нечто имеющее отношение к готовящемуся здесь правому перевороту, о котором идут упорные слухи. Мартти Пихкала⁸ побывал в 59 местах и провел подстрекательские собрания, в том числе в районе Карелии, куда обычных людей не пускают, но его пустили. Говорят, что переворот готовят, помимо появившихся здесь людей из СД**, офицеры тыловой службы (однако не Малмберг). Но самое примечательное во всем этом деле то, что во главе его тот тип, который недавно заявил, что «уж Германия и Финляндия «рюсся» в порядок приведут», то есть сам Укко Пекка⁹. Невероятно, но, по слухам, так. Даже дядя Нику рассказывал, как в Эстерботнии Мартти Пихкала хвастался, что он адъютант Укко Пекка. Так что мы зашли уже так далеко, что есть и генералиссимус, и его

* Кето.

** Германская служба безопасности.

адъютант. Будем надеяться, что все это так и останется плохим юмором. Но мысли на манер Квислинга здесь есть...

Хельсинки, 11.12.1943

Опять произошел перерыв, может быть, и слишком длительный, но причины его ты мог заметить и по газетам, если их тщательно просматриваешь: я опять в известной степени оказался на арене. В День независимости я выступал с речью в Рабочем доме¹⁰, и она отняла у меня покой и сон, так как на подобных мероприятиях и таким, как я, следует выступать только по-деловому, чтобы не осрамиться. Затем в среду на прошлой неделе было заседание комиссии по иностранным делам, где Рамсай сообщил о том, что было в Тегеране и что в Осло*. Дискуссия не была примечательной. Затем наступила пятница, и в парламенте была небольшая схватка по внешней политике. Я должен был выступить. Вежливо спорил с Ристо**. Он в своей речи в День независимости занялся пропагандой нынешней политики правительства, согласно которой надо выстоять (т. е. драться) вплоть до всеобщего мира, а коли придется плохо, надеяться на волю провидения. Более подробно пояснять не стану: ты и так все знаешь...

Хельсинки, 4.1.1944

Прежде всего пожелания доброго Нового года тебе и твоей семье. Что касается политических настроений здесь, то, как это ни странно, у нас все более укрепляется мнение, что Финляндия должна драться вместе с Германией до конца. Наиболее смелые носители этой идеи говорят, что драться придется даже после того, как Германия потерпит поражение. Все это я могу объяснить только тем, что поскольку все реальнее становится окончательное поражение Германии, то нам-де остается надеяться лишь на

* Имеются в виду Тегеранская конференция 28 ноября 1943 г. и деятельность норвежского движения Сопротивления.

** Рюти.

чудо, которое поможет Германии не проиграть войну. Другие, правда, говорят, что эта безумная вера в победу Германии — следствие умелой германской пропаганды. Эта пропаганда через прессу внушает людям, что Германия обладает таким секретным оружием, которое в решающий момент повернет счастье лицом к Германии. В подобное здесь верят даже в высокопоставленных кругах... Таким образом, избежать катастрофы невозможно. Здесь нет ни руководства, ни программы действий. Здесь лишь фатально верят, что поскольку в худшем положении мы уже оказаться не сможем, то перемена может произойти лишь к лучшему... То есть положение выглядит сейчас совершенно безнадежным.

А Германия тем временем все добивается «сдерживающих побед», оставляет большевикам «развалины», заставляет «рюсся» проливать последнюю кровь и расходовать последние силы, а сама собирает силы для великого и прекрасного заключительного спурта. Того же, что русский штык все ближе и ближе подступает к Румынии, Венгрии, Польше и т. д., замечать не желают. Полагаю, правда, что этим летом дело в отношении Финляндии будет решено, и боюсь худшего — если и не утраты нашей страной самостоятельности и свободы, то все же подбитых крыльев со всеми вытекающими из этого последствиями. Но ведь «как аукнется, так и откликнется».

Давай же продолжать нашу переписку. Не забудь сохранять мои опусы, какими бы малоценными они ни казались. Как некое отражение времени, они определенно смогут позабавить в будущем.

Хельсинки, 30.1.1944

Подобно многим я абсолютно убежден, что год 1944-й будет означать окончание войны для Финляндии — но не более того. От Питера саксманов быстро гонят прочь, на этой неделе русские определенно окажутся в Эстонии и, весьма вероятно, значительно приблизятся к Риге. Так будет решен вопрос с Прибалтикой, и, конечно, же, западные державы не смогут вмешаться в военные действия России до наступления всеобщего мира, а до него еще, возможно, пройдут годы, по крайней мере пара лет. Отсюда видны и перспективы для Финляндии. Правительство кля-

нется, что стремится к миру, но якобы ничего не может поделать. Уверен, что русские не замедлят начать крупными силами действия на Карельском перешейке или на Свирь, а может быть, тут и там одновременно. Если это произойдет на Свирь, то, думаю, финны без особых боев отойдут на свои границы, хотя есть и такие, которые полагают, что надо драться на немецкий манер, причем требуют этого по якобы «стратегическим» причинам. На Карельском же перешейке, уверен, драка будет обязательно... Во всяком случае, в стране сейчас воцарилась тишина, как это бывает перед большими событиями. Никто больше не упоминает о мирных переговорах. Считается, что их время прошло еще в октябре, когда у Москвы были запрошены условия мира, но ответа получено не было.

Теперь я расскажу тебе об одной акции, которая проходила по моей инициативе и под моим руководством и теперь завершилась. Я имею в виду группу, созданную в ноябре прошлого года комиссией парламента по иностранным делам для подготовки заключения по вопросам внешней политики для представления правительству. Итак, я подготовил в качестве основы для обсуждения проект записки, который завершался требованием быстрого заключения мира, а также чтобы правительство, если оно само не сумеет добиться мира, уступило место другому кабинету. Это вызвало в группе страшные споры, так как Хакцель и Кукконен выступили с возражениями вообще против направления правительству такого заключения, а Рейникайнен склонялся то туда, то сюда, пытаюсь отыскать нейтральную формулировку...

Однако обстановка изменилась после того, как началось сражение под Ленинградом с теперь уже всем известными результатами, и парламент принял решение собраться 28 января для завершения сессии 1943 г. Группе надо было решить, что же она доложит комиссии. Поэтому после длительного перерыва я собрал ее и представил совершенно новый проект записки, в котором уже не говорилось о смене правительства, а лишь подчеркивалось, что следовало бы подготовиться к большим жертвам ради достижения мира...

Группа пожелала переговорить по этому вопросу с Рамсаем и в пятницу утром посетила его. Разговор был откровенным. Рамсай сказал, что он настроен весьма пессимистически, но считает опубликование комиссией по ино-

странным делам такой бумаги, пусть даже как «секретной», делом опасным, так как сразу же станет известным в Швеции. Когда же я спросил, какой вред до сих пор причиняли переданные в Швецию сведения, которые (хотя я и не участвовал в их подготовке) представляют из себя естественный противовес свободно ведущейся в нашей стране прогерманской и пронацистской пропаганде, Рамсай ответил, что он может понять то, что оппозиция использует Швецию как свой рупор, но достойно осуждения, когда, невзирая на достигнутые договоренности, в Швецию сообщаются секретные вещи. Он сказал, что может целиком одобрить проект записки, но что по «тактическим причинам» должен выразить сожаление по поводу намерения направить ее правительству.

После полуторачасового разговора мы провели чрезвычайное заседание группы, на котором в связи с создавшимся положением решили доложить комиссии, что мы не подготовили никакой записки, но основательно обсудили вопрос с министром иностранных дел, изложив при этом господствующее в комиссии мнение, и просить комиссию одобрить наши действия. С чем комиссия на следующий день без всяких прений и согласилась.

Так вот закончились наши длительные прения. Результат, на мой взгляд, удовлетворительный: до сведения правительства еще раз и весьма весомо доведены мнения, существующие в парламенте. Сейчас, когда очень близок трагический заключительный акт, как бы совершен переход на моральную основу — пока еще не настолько, чтобы осмелиться прямо сказать народу о том, что ждет страну, но все же настолько, чтобы признать всю нашу войну блажью и несчастьем (но не ошибкой). Словом, единодушие терпящих кораблекрушение!

Конечно, здесь еще весьма широко распространена вера в то, что Германия в конце концов победит, как только будет применено ее «новое оружие», и что наши укрепления на Карельском перешейке и на Свирь таковы, что «рюсся» через них не пройдут, никак не пройдут. Правые газеты (кроме, правда, «Ууси Суоми») принялись публиковать прямо-таки нацистские статьи, сработанные в германском посольстве. Жалко все это выглядит, но ведь должны же те, кто чует «дня беды приближенье», каким-то образом искать для себя утешенье, хотя бы и совершенно немыслимое.

Послезавтра начинается новая (1944 г.) сессия парламента. Против Хаккила существует сильная оппозиция, но вряд ли его удастся провалить на выборах председателя парламента. Правда, избранным единогласно он более ни в коем случае не будет, так как, говорят, против него и фракция шведской партии, да и многие в нашей фракции. Для заграницы был бы неплохой жест, если бы этот главный пронацист получил по носу. В деле Антони¹¹ мы победили (Антони подал в отставку: он, как ты, возможно, знаешь, был начальником Центральной сыскной полиции и причинил много вреда, особенно эстонцам). По слухам, оппозиция затевает еще кое-какие вещи, о чем ты в свое время узнаешь. Но я полагаю, что уже мало что поможет: правительство должно уйти и уступить место кабинету Паасикиви—Вальдена...

В свой день рождения — 12 февраля¹² — думаю уйти со сцены. Мне противно выслушивать при жизни речи, предназначенные для похорон. Я еще не успел даже прочесть и части того, что обо мне было написано пять лет назад. Дали бы дожить до 80 лет, прежде чем начинать это «возложение венков»...

*Рабочая Академия (Кауниайнен)¹³,
10.2.1944*

На этот раз хотелось бы рассказать значительно больше, чем я имею возможность сделать. Поэтому изложу самое важное, или самое интересное, из того, что помню...

О политике. Парламент начал сессию 1944 г. Грозившая комиссии по иностранным делам чистка свелась к тому, что выкинули Хельяса и Атоса Виртанена и на их места избрали Ниукканена и Фагерхольма. У нас уже состоялось одно заседание, на котором с обзором обстановки выступил Рамсай. Я написал отдельный краткий отчет об этом заседании и прилагаю его. Верю, что Рамсай и Хюнинен находятся на правильном и разумном пути, т. е. на позиции скорейшего заключения мира на базе Московского мирного договора, но, может быть, при большой удаче — со спасением Выборга и Сайменского канала. Полагаю: нечто похожее уже делается. Надеюсь лишь на то, что все это удастся держать вне пределов досягаемости рук Таннера, так как если он примет участие в рассмотрении и

ведений этих дел, то будет плохо. Большое внимание в нашей партии привлекла к себе статья главного редактора стокгольмской газеты «Моргонтидинген» (она же «Сосиал демократен») Рикарда Линдстрёма, опубликованная за его подписью, где он четко отмежевывается от политики Таннера, которую до сих пор преданно поддерживал. Но что ты думаешь: даже это не подействовало на наших таннерцев. Не далее как вчера в кафе в здании парламента несколько членов нашей фракции бушевали по поводу того, что «рюсся» должны «выплатить нам репарации» и что «финская армия дорогу «рюсся» не уступит»...

Заседание комиссии по иностранным делам 9 февраля 1944 года

Рамсай изложил содержание меморандума, врученного еще 31 января министру иностранных дел поверенным в делах США м-ром Гюйоном. В нем говорится, что США никоим образом не изменили свою позицию. Между Финляндией и Германией существует военное сотрудничество. Союзники взаимно взяли на себя обязательство не заключать сепаратного мира. Запрос, с которым Финляндия обратилась в свое время к США, был лишь гипотетического свойства (подразумеваются, очевидно, сделанные в свое время США предложения своей «доброй воли» и вопросы, поставленные в связи с этим Финляндией перед США). Позиция США, таким образом, неизменна: они считают, что не только Финляндия и Германия открыто сотрудничают друг с другом, но что к тому же существует состояние войны между Финляндией и Англией. Поскольку ясно, что Германия войну проиграет, пагубные последствия этого падут на долю доверившихся ей и ведущих безнадежную борьбу государств, условия мира для которых будут тем более суровыми. Финляндия должна обдумать тот факт, что чем дольше она остается на стороне Германии, тем менее выгодные условия будут ей предъявлены. Ответственность за последствия будет нести правительство Финляндии...

Рамсай указал, что меморандум США не содержит для нас ничего нового. В ходе дискуссии он признал, что нет никаких оснований делать (как поступают некоторые газеты) какую-то ставку на те благожелательные по отноше-

нию к Финляндии статьи, которые появляются в газетах США. Позиция же правительства США, из которой и следует исходить, такова, как изложено выше...

В заключение Рамсай подчеркнул, что общая ситуация такая же, как и прежде. Военная и политическая власть России продолжает расти, и никакого противовеса ей не видно. (Вот оно — великое разочарование для финских господ-меченосцев, причем разочарование двойное: сначала они разочаровались в Германии, а теперь — в союзниках, и я не думаю, чтобы оставалась иная возможность, как признаться во всем и обратиться к Советскому Союзу с предложением о мире, если только разочарование не наступит для них и с этой стороны. Но это урок тем, кто прибегает к силе не для того, чтобы защитить страну, а для того лишь, чтобы приобрести ей положение лучше...)

Рабочая Академия, 20.2.1944

Самым важным делом сейчас остается судьба страны. Заседания комиссии по иностранным делам проводятся каждую среду. В последний раз Рамсай сделал доклад, из коего было ясно, хотя определенно не говорилось, что правительство активно занимается зондированием возможностей мира. Рамсай отметил, что Финляндия сейчас снова является объектом всеобщего интереса, что в значительной степени носит пропагандистский характер... Но все же политика Финляндии не может вызывать сенсацию, так как она идет по долгому и трудному пути. Следует констатировать, что положение Финляндии весьма серьезное. Ход как политических, так и военных процессов оказался неблагоприятным. «Добрая воля» США для нас имеет большое значение, но переоценивать ее мы не должны. США находятся в зависимости от России. Они не намерены помогать Финляндии, да и в общественном мнении там Финляндия предстает во все худшем свете. Безусловной линией правительства США является поддержание тесных отношений с Россией. Из Швеции мы, правда, получаем гуманитарную¹⁴ помощь, но не получаем активной. В Англии же по отношению к нам господствует требование безоговорочной капитуляции.

Но вот Германия, несмотря на серьезное для нас ухудшение положения в Эстонии, по-прежнему важный воен-

ный фактор на Балтийском море. И война будет продолжаться еще долго.

Решение, не имеющее за собой единодушной поддержки народа, было бы для нас пагубным. Поэтому правительство выясняет и изучает все мирные альтернативы с тем, чтобы по выяснении доложить о них комиссии.

Это несколько смахивает на вещания оракула, так как вряд ли Россия предложит нам альтернативные условия мира. Но перед нами действительно альтернатива: то ли принять ставшие известными условия, то ли отвергнуть их...

Лично я уверен, что мы еще довольно далеки от мира...

На этот раз все. Множество приветов и пожеланий лучших времен.

Отец

ПОРАЖЕНЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ

Рабочая Академия, 2.3.1944

Дорогой Тапио!

Главное в этом письме — рассказ о перипетиях нашей политики. Итак, в пятницу 25 февраля я присутствовал на заседании президентского совета парламента. Там было решено, что следующее заседание парламента состоится в 14 часов во вторник 29 февраля. Однако, когда я вернулся с заседания президентского совета в зал заседаний, там передавалось из рук в руки подписанное Таннером сообщение, что каждый член фракции должен присутствовать на заседании парламента 29 февраля в 11 часов, так как в это время будет обсуждаться важный вопрос. Конечно, я сразу понял, о чем идет речь, а затем узнал от Таннера, что Советский Союз направил нам условия мира¹. Я предложил обсудить это дело в предварительном порядке в комиссии по иностранным делам, но Таннер выразил сомнение и сказал, что речь пойдет не о каком-то решении парламента, а о сообщении правительства и выражении мнения по этому поводу. Я все же пошел к Рамсаю, чтобы предложить провести заседание комиссии по иностранным делам, если не до сообщения правительства, то после него. И к своему изумлению, я услышал, что ему ничего не известно о заседании парламента 29 февраля в 11 часов и что правительство на своем заседании в субботу 26 февраля будет рассматривать этот вопрос. Из чего видно, что внешней политикой у нас руководит не Рамсай, а кто-то другой.

В понедельник я поехал в Лахти, где обещал выступить на тамошнем празднике Калевалы²... Возвратившись из Лахти, я едва успел на закрытое заседание парламента 29 февраля, начавшееся в 11 часов, чтобы выслушать заявление Линкомиеса. Его основное содержание было как раз таким, каким оно теперь известно всему миру. В начале сообщения констатировалось, что мы стоим перед трудными решениями. Обстановка, с нашей точки зрения, постоянно ухудшается. Малая нация не в состоянии в одиночку решить свою судьбу. Могущество России, как

ный фактор на Балтийском море. И война будет продолжаться еще долго.

Решение, не имеющее за собой единодушной поддержки народа, было бы для нас пагубным. Поэтому правительство выясняет и изучает все мирные альтернативы с тем, чтобы по выяснении доложить о них комиссии.

Это несколько смахивает на вещания оракула, так как вряд ли Россия предложит нам альтернативные условия мира. Но перед нами действительно альтернатива: то ли принять ставшие известными условия, то ли отвергнуть их...

Лично я уверен, что мы еще довольно далеки от мира...

На этот раз все. Множество приветов и пожеланий лучших времен.

Отец

ПОРАЖЕНЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ

Рабочая Академия, 2.3.1944

Дорогой Таппо!

Главное в этом письме — рассказ о перипетиях нашей политики. Итак, в пятницу 25 февраля я присутствовал на заседании президентского совета парламента. Там было решено, что следующее заседание парламента состоится в 14 часов во вторник 29 февраля. Однако, когда я вернулся с заседания президентского совета в зал заседаний, там передавалось из рук в руки подписанное Таннером сообщение, что каждый член фракции должен присутствовать на заседании парламента 29 февраля в 11 часов, так как в это время будет обсуждаться важный вопрос. Конечно, я сразу понял, о чем идет речь, а затем узнал от Таннера, что Советский Союз направил нам условия мира¹. Я предложил обсудить это дело в предварительном порядке в комиссии по иностранным делам, но Таннер выразил сомнение и сказал, что речь пойдет не о каком-то решении парламента, а о сообщении правительства и выражении мнения по этому поводу. Я все же пошел к Рамсаю, чтобы предложить провести заседание комиссии по иностранным делам, если не до сообщения правительства, то после него. И к своему изумлению, я услышал, что ему ничего не известно о заседании парламента 29 февраля в 11 часов и что правительство на своем заседании в субботу 26 февраля будет рассматривать этот вопрос. Из чего видно, что внешней политикой у нас руководит не Рамсай, а кто-то другой.

В понедельник я поехал в Лахти, где обещал выступить на тамошнем празднике Калевалы²... Возвратившись из Лахти, я едва успел на закрытое заседание парламента 29 февраля, начавшееся в 11 часов, чтобы выслушать заявление Линкомиеса. Его основное содержание было как раз таким, каким оно теперь известно всему миру. В начале сообщения констатировалось, что мы стоим перед трудными решениями. Обстановка, с нашей точки зрения, постоянно ухудшается. Малая нация не в состоянии в одиночку решить свою судьбу. Могущество России, как

политическое, так и военное, постоянно растет. Мы не можем полагаться на поддержку англосаксов, равно как и строить какие-то расчеты на раскол союзников. Затем Линкомиес пояснил, что перед нами лишь одна альтернатива — несгибаемая оборона с надеждой на чудо либо заключение мира... И конечно же, Линкомиес тут же поспешил сказать, что интернирование немцев³ нельзя даже представить себе и что границы Московского мира для нас предельно тяжелы.

После сообщения министра парламент прервал на несколько часов свое заседание, и за это время была проведена активная работа во фракциях. На собрании нашей фракции сразу по окончании заседания парламента Таннер счел возможным разъяснить все дело «со своей точки зрения». Он сказал, что в правительстве по этому вопросу раскол, так как представители Аграрного союза и коалиционной партии выступают за то, чтобы отвергнуть советские условия (позднее я узнал, что сопротивлялись аграрии и коалиционер Лехтонен, тогда как другой коалиционер — Осара присоединился к большинству правительства). Таннер заявил, что нашей страной и прежде нельзя было управлять силами шведской и социал-демократической партии и что, если парламент встанет на позиции правительства (в разработке которых сам же Таннер, совершенно очевидно, участвовал, полагаясь или по крайней мере надеясь на то, что большинство парламента не пойдет по пути заключения мира), это приведет лишь к большим раздорам. Правительство, отметил далее Таннер, не считает, что можно добиться лучших условий, а народ скажет, зачем от чего-то отступаться, если Финляндия в этой войне ни разу не терпела поражения. Что же касается главнокомандующего, мнение которого многие хотели бы узнать, Таннер заявил, что, по его словам, заключение мира — это политика, и армия поступит так, как того захочет государственное руководство (в связи с чем в эти дни неоднократно отмечалось, что правительство, безусловно, не предприняло бы своей мирной акции без ведома главнокомандующего). В целом же точка зрения Таннера сводилась к тому, что на данном этапе правительство не намерено отвергать советские условия и желает получить от парламента полномочия на продолжение переговоров. Вместе с тем он четко заявил, что не верит, чтобы из этого вышло что-то хорошее. Германия уже прикрикнула, внутриполитическая

обстановка изменится, и все дело провалится (мне он с глазу на глаз дважды сказал, что все пойдет в том же направлении, как во Франции или в Болгарии, и приведет к открытой диктатуре).

Фракция, однако, не была обескуражена этими мрачными предсказаниями Таннера, и все выступавшие, за исключением пары «могикан», требовали продолжать переговоры и не допускать их прекращения. Соответствующим стало и заключение нашей фракции, в выработке которого принимал участие и я и с которым затем в парламенте выступил (в качестве вице-председателя фракции) Рейникайнен.

Аналогичным было и заявление фракции шведской партии, а также и прогрессистов, у которых обоснование заявления было весьма воинственным, а в заключение выражалась поддержка правительству.

Но Аграрный союз выступил совсем в ином плане. Сразу же по окончании сообщения Линкомиеса Рюти пригласил к себе «президиум» фракции аграриев (Кукконена, Таркканена, У. Ханпула) и разъяснил им плохое военное положение страны и необходимость заключения мира. Рюти сказал, что следует быть готовым пожертвовать даже какой-нибудь провинцией ради свободы отчизны и ее спасения (обрати внимание на то, что когда все пошло кругом, то и Кристофер стал одним из «33-х»: вот так-то, сынок мой, мир вокруг нас меняется!). Однако даже сам президент не смог образумить Аграрный союз, и их безмозглая «тетушка» Кукконен изложил своим фальцетом абсолютно негативное заключение. Дескать, было бы бесчестно бросать «брата по оружию» (хотя и это нельзя здесь не отметить. Виттинг многократно клялся в комиссии по иностранным делам, что никаких «политических» соглашений с Германией не заключалось. Лично же я не одобряю того, что кто-то из военных мог заключать с иностранной державой военные соглашения, которые затем приводят страну и народ к катастрофе. А если все же такое соглашение с Германией и было заключено, но не привело к желаемому результату и принесло лишь разочарование, то надо суметь его расторгнуть). По Кукконену же, это было бы «национальным самоубийством», а искренность мирных предложений Советского Союза якобы сомнительна (!). (Как видишь, трусы тоже могут иногда проявлять за спиной у других подленькую храбрость.)

В этом же духе говорил от имени коалиционеров и «Павел» Вирккунен⁴. И снова в речи этого слуги господня прозвучал отголосок бунта в Мянтсяля⁵. Представители ИКЛ изругали правительство последними словами.

А затем состоялось голосование. Ста пятью голосами (социал-демократы + шведы + прогрессисты + Кекконен, Ханнула и Ю. Шильдт⁶) против восьмидесяти парламент одобрил простой переход к повестке дня, то есть предложил правительству продолжать переговоры (но, заметь, не обязал его заключить мир на любых условиях)... Вообще-то это голосование — плохое предзнаменование, так как теперь вопрос в том, хватит ли у правительства сил продвигать дело вперед при тайном противодействии этих восьмидесяти и их дружков. Иными словами, положение крайне трудное. Теперь, конечно, следовало бы немедленно послать людей в Москву. Ехать надо, конечно, Паасикиви. Я не поеду, даже если попросят, так как считаю, что ответственность должна остаться за теми, кто всю эту кашу заварил.

Вчера (1.3.1944) у нас состоялось очередное заседание комиссии по иностранным делам. Ниукканен сурово требовал ответа на вопрос, поставлена ли Германия в известность, как он выразился, о намерении «Финляндии капитулировать». Рамсай ответил, что, поскольку никаких «переговоров» с Советским Союзом не было, а были лишь получены нужные сведения, Германия об этом не информировалась, но, если переговоры начнутся, конечно же, ей будет сообщено (впрочем, по слухам, Блюхер посетил Маннергейма и обвинил Финляндию в «предательстве»; слухи эти распространяют представители ИКЛ). И конечно же, правительству был задан вопрос, где взять провизию, если Германия нас бросит. Это старый лозунг Аграрного союза, согласно которому «хороший хлеб» проходит под номером первым, а разные там «отечества», «независимости» и т. п. следуют под прочими номерами.

В ходе дискуссии Рамсай заявил, что, если есть желание добиться мира, надо сейчас действовать быстро. Похоже, что в этих вопросах он самый разумный человек в правительстве. Жаль лишь, что его авторитет не выдерживает сравнения со сложной игрой Линкомиеса.

На этот раз все. Я предвижу, что отечество снова сократится до пределов, определенных Московским миром, да к тому же недалеко мы и от утраты Петсамо. Но надеюсь,

что удастся спасти Ханко и Выборг. А если мы сохраним самостоятельность, то думаю, что в дипломатической игре мы окажемся в выигрыше и начнем, подобно птице Феникс, возрождаться из пепла. Если только фанатики и идиоты-милитаристы нам все не испортят.

ОДИН ДЕНЬ ПОЛИТИКИ

10.3.1944

Днем на заседании парламента я услышал, что социал-демократическая фракция должна собраться сразу по окончании заседания, чтобы заслушать сообщение Таннера о текущем моменте.

Длинное сообщение Таннера было и на этот раз выдержано в совершенно негативных тонах. Швеция не ведет себя по отношению к Финляндии нейтрально, от США и Англии Финляндия, видимо, не может получить ни поддержки, ни гарантий относительно прочности возможного мира с Советским Союзом. Финская печать в основном единодушно выступает против принятия условий мира; даже социал-демократические газеты ведут себя весьма сдержанно, выражают сожаление по поводу тяжелых условий и требуют тщательного их взвешивания, а газеты «Арбетарбладет» и «Свенска перессен» заметно снизили тон (реплика Виртанена: «Это цензура его снизила!»). В правительстве тоже возникают все усиливающиеся сомнения относительно приемлемости условий. Интернирование вооруженных сил Германии «физически невозможно» (распространенный ныне лозунг) и очень сложно в моральном отношении. По внутриполитическим соображениям трудно согласиться на границы Московского мира, так как последствия этого были бы непредсказуемы. Да и другие вопросы — передача отбывающих трудовую повинность, демобилизация, передача района Петсамо и т. п. — несут с собой немалые проблемы.

Таким образом, правительство не может принять предложенные условия. Ответ составлен в дипломатичной форме, однако в нем не дается согласия ни на что (хотя условия и не отвергаются). Следовало бы получить возможность для обмена мнениями с Советским Союзом, но, по мнению Таннера, и это трудно сделать. Достойно сожаления

ния, что Советский Союз опубликовал свои условия⁷, так как после этого их проведение в жизнь становится для Сталина вопросом престижа...

В заключение Таннер представил (главный трюк, который всегда действует на представителей «пролетариата»⁸) подготовленные Артуром Лехтиненем расчеты о положении с обеспечением Финляндии продовольствием в различных политических ситуациях. Расчеты подводят к выводу о том, что если война будет продолжаться, то и снабжение будет идти на прежний лад, но если будет заключен сепаратный мир, то весь импорт сократится наполовину, а из Германии дойдет в конце концов до десятой части его нынешнего объема, в связи с чем сепаратный мир с точки зрения сплочения народа не представляется заманчивее. Из Швеции, правда, можно было бы получить пемного хлеба, но зато мы не получим, например, искусственных удобрений, от чего страдает наше собственное земледелие. И окажемся мы в зависимости от милости Советского Союза (он не сказал того, что было сообщено правительством комиссии по иностранным делам: запасов зерна хватит до следующего урожая, и Швеция обязалась эффективно помогать нам сразу, как только Финляндия выйдет из войны)...

Речь Таннера оказала предполагаемое воздействие, так как все выступавшие до моего ухода на собрание Финляндской академии наук говорили в том же плане. Уверяли, что народ «здорово» отреагировал на условия и счел их немыслимыми (Туоминен). Даже делали вид, будто им известно, что и в ставке имеется отрицательное отношение (Хилтунен). Уходя, я встретил Пеккала, который, качая головой, сказал, что дела плохи, все идет к тому, что война будет продолжаться.

Но в тот же день мы, то есть председатели и вице-председатели парламентских фракций, а также председатель комиссии по иностранным делам были приглашены к премьер-министру на обед. Там состоялась весьма показательная беседа. Сначала Линкомиес говорил о начавшемся в политической жизни разброде, который, если его не остановить, приведет к гибели весь народ. Затем с внешне-политическим обзором выступил Рамсай. Он рассказал, что ответ Финляндии на предложенные Советским Союзом условия «пошел по назначению»⁹. Он краток, выдержан в вежливой форме, в нем нет одобрения ни одного из усло-

вий, но выражена готовность Финляндии изложить свои соображения по каждому из них. Рамсай считает, что правительство поступило в соответствии со своим долгом, когда оно получило эти условия, и что нет причин прерывать обмен мнениями с Советским Союзом. Ситуация для Финляндии, правда, будет весьма трудной, независимо от того, прервет ли она диалог или же будет его продолжать. Вопрос этот в любом случае следует изучить. Положение наше сейчас такое же, как и осенью 1939 г.¹⁰ По какому пути ни пойти — везде есть риск...

Из длинной дискуссии приведу лишь наиболее характерные моменты. Представители Аграрного союза, которые в парламенте выступили за то, чтобы предложенные условия были отвергнуты, видимо, испугались того, что страна в целом не встала на их позицию и что президент и правительство при поддержке парламентского большинства продолжают обмен мнениями с Советским Союзом. Они сделали вывод (и совершенно правильный, так как и Рамсай ведь говорил о готовности Финляндии изложить свои соображения), что Россия может теперь пригласить наших представителей в Москву, а если это произойдет, то «опасность разброда будет очень велика» (Кукконен) и «делу нашему конец» (Таркканен). По мнению Таркканена, следует на один-два месяца отложить все переговоры и за это время посмотреть, откуда можно было бы ожидать помощи (он имел в виду, наверное, Германию или западные державы). Таннер тоже выступил в пользу отсрочек и затягивания, считая, что понести потери всегда-де успеется и что конечный результат войны пока еще неизвестен. На эти увертки удачно, на мой взгляд, ответил Рамсай, сказав, что Финляндия не может решать, когда наступит нужное для переговоров о мире время, так как это определяют другие...

Вальден ясно дал понять, что в моральном плане Финляндия может отойти от Германии, так как она-то выполнила условия «братства по оружию» на все сто процентов, чего нельзя столь же определенно сказать о другой стороне, и что Финляндия оплатила полной ценой всю ту помощь, которую она получила. Даже Хаккила пришел теперь к выводу, что поскольку финны два года ждали немцев на Свирь, а тех так там и не оказалось, то при нужде оттуда можно и уйти. В резких тонах говорил он о единодушии: верили мы в немцев, но обманулись, верили и в союзников,

но и они не оправдали надежд, так что теперь снова можно быть едиными в духе Рунеберга¹¹...

Фуруельм отметил, что правительство не приняло предложенные условия, но и не отвергло их. Обмен мнениями следовало бы продолжить, не теряя времени, так как время работает на нас (как упрямо некоторые продолжают на это надеяться)... Особой критике было подвергнуто то обстоятельство, что в столь опасный момент отсутствует руководство: не известно, каковы наши военные возможности, не известно, какова позиция президента (хотя он и заявил представителям Аграрного союза, что стоит за сепаратный мир), зато в правительстве разброд, наличие которого признал Вальден, а еще ранее констатировал Таннер. Правительство в курсе всех дел и ожидает решения от парламента, который подлинного положения не знает. Правительство приучило народ верить в победу и счастливый исход, а теперь якобы во имя сохранения единодушия не осмеливается сказать ему правду и лишь заявляет, что в демократическом порядке руководствуется «общественным мнением». Ну, что ты скажешь об эдакой политике? И что за всем этим последует?..

Делая эту запись, услышал от Атоса Виртанена, что ответ Советского Союза на ноту Финляндии якобы пришел и что в нем Советский Союз сохранил в силе ранее выдвинутые условия.

Итак, перед нами все тот же трудный вопрос: продолжать ли переговоры на основе этих условий или прервать обмен мнениями, что определенно означало бы продолжение, а вернее, пожалуй, начало войны с очень мрачными для нас перспективами...

РОКОВЫЕ ЧАСЫ ФИНЛЯНДИИ

15.3.1944 (*«Мартовские Иды»*¹²)

Еще в начале недели пошли разговоры о том, что пришел ответ Советского Союза на ноту Финляндии, содержащий лишь констатацию того, что условия, предъявленные Россией Финляндии, не изменятся и что правительство намерено во вторник 14 марта довести это до сведения парламента на его закрытом заседании.

Так и произошло... Премьер-министр рассказал, что на поступившие 29 февраля условия русских Финляндия дала «в примирительной форме» ответ, который, через Богемана¹³ был передан в Стокгольме мадам Коллонтай. Премьер зачитал текст ответа. Он был короток, всего из нескольких фраз, и содержал ссылку на то, что условием нейтралитета Финляндии (на это совершенно правильно было указано) является то, чтобы «на ее территории не находились войска воюющей иностранной державы» (то есть если немцы должны быть выведены из Финляндии либо интернированы, то иной подход не может быть допущен и в отношении советских войск), и что этот вопрос очень сложен. Поэтому правительство Финляндии предлагает начать переговоры как по этому, так и по другим вопросам, касающимся заключения перемирия.

Итак, ответ Финляндии был весьма сговорчивым (и чья уж тут заслуга?). Однако, как сказал Линкомиес, Советский Союз в тот же день, когда он довел свои условия до сведения Финляндии, предал их гласности, из чего следовало сделать вывод, что СССР рассматривал свои условия как окончательные и неизменные. Так оно и получилось. Теперь Советский Союз сообщил правительству Финляндии, что он ожидает положительного ответа в течение недели (то есть до 18 марта), после чего, если такого ответа не поступит, Советский Союз будет считать, что Финляндия отвергает его условия...

Премьер-министр заявил, что ответ Советского Союза дан «в форме ультиматума» (на мой взгляд, его можно, пожалуй, расценить лишь как «поторапливание»). Далее премьер-министр счел нужным упомянуть, что на предыдущем этапе Швеция заявляла, будто Финляндия может утратить поддержку других стран, если не выйдет из войны, хотя бы и на тяжелых условиях. Равным образом и со стороны США сообщено, что, несмотря на симпатии, испытываемые в отношении нашей страны, выдвинутые Россией условия не повлекут изменений в соображениях, высказанных США 31 января относительно того, что, чем далее Финляндия продолжает воевать, тем более невыгодными будут становиться предлагаемые ей условия и что ответственность за последствия такого поведения будет нести лишь правительство Финляндии.

А затем премьер-министр пояснил, что включают в себя условия, выдвинутые Советским Союзом... По мнению

финляндского правительства, принять их невозможно... Правительству ясно, что такое решение принесет большие страдания, но принятие условий повлекло бы за собой еще большие трудности. Ведь это заставило бы нас заранее и безоговорочно согласиться с такими условиями, содержание которых неизвестно. Прежде чем пойти на это, следует продолжить неравную борьбу, в которой наш народ, веря в правоту своего дела и сохраняя щит свой незапятнанным, знает, кто сражается за правые идеи, за справедливость и за человечность.

Правительство единогласно решило направить отрицательный ответ. Оно сожалеет, что Советский Союз перекрыл путь переговоров, но альтернативы этому не будет до тех пор, пока обстановка не изменится...

Будущее определенно предвещает рост трудностей. Однако, будучи единомышленными, мы их преодолеем. Разобщающие действия недопустимы. В данный момент они антипатриотичны.

Правительство ожидает, что парламент одобрит простой переход к повестке дня. Если этого не произойдет, правительство подаст в отставку.

Заседание было прервано, и было принято решение продолжить его на следующий день — в среду 15 марта. На нем парламент единогласно одобрил простой переход к повестке дня, то есть продолжение войны. Но между этими двумя заседаниями имели место драматические ситуации, которые я ниже изложу, так как в них отразились внутренние причины этого рокового события, да и все печальное политическое положение страны.

Сразу же после заявления правительства члены комиссии правительства по иностранным делам, председатели и вице-председатели парламентских фракций и нижеподписавшийся собрались в находящейся в здании парламента комнате правительства для того, чтобы обсудить сложившуюся обстановку. Наиболее значительным на этом совещании было сообщение Рамсая о позиции главнокомандующего, который «вчера» (то есть 14 марта) заявил по телефону, что он не хочет влиять на принимаемое решение, но должно быть ясно, что отрицательное решение означает войну. В этой войне Финляндия не может рассчитывать на помощь извне. Не должны мы пребывать и в надежде на то, что у России не хватит сил продолжать борьбу. Каждый может представить себе, к какому результату приведет

существующее соотношение сил, если Россия пожелает и сможет использовать свою мощь против Финляндии. Альтернативный путь также является роковым...

Выслушав это разъяснение, я попросил слова и сказал, что после сообщения главнокомандующему и понимая его содержание я более не требую представления парламенту каких-то еще объяснений существующей военно-политической обстановки: совершенно ясно, куда приведет проба сил между Финляндией и Советским Союзом.

Однако премьер-министр попытался пояснить, что заявление главнокомандующего вовсе не столь уж и ясно, а кое-кто стал намекать на то, что ставка не полностью разделяет мнение маршала. Очевидно, что решение правительства было принято без учета мнения главнокомандующего. Столь же очевидно, что единогласие правительства продиктовано двумя соображениями: 1) верой в то, что немцев интернировать нельзя (для этого нет «физических возможностей»), и 2) внутриполитическими расчетами. О внутриполитических моментах на данном совещании больше всего-то и шла речь. Кукконен в своей обычной манере заявил, что принятие советских условий означает де безоговорочную капитуляцию, а против нее следует единодушно выступать, так как иначе мы совершим самоубийство и погибнет весь народ. В ту же дудку, надув щеки, дудел и Таркканен. Если-де кто-то считает, что иной путь лучше, к власти должно прийти другое правительство, но откуда его взять (читай: мы, буржуи, сумеем этому помешать). И где же взять новое сильное правительство, ахал и Хаккила. И нет, значит, иного пути, кроме этого единственного — выступления единым фронтом...

Затем мы разошлись, и в 19 часов собралась комиссия социал-демократической фракции для того, чтобы подготовить вопрос к собранию фракции. На заседании присутствовали также члены исполкома партии, рабочая комиссия ЦОПФ, как показалось, в довольно полном составе, и даже кто-то из журналистов. Таннер изложил суть дела и зачитал сообщение правительства. Пеккала прочел заранее написанное заявление, в котором (как обычно и в других случаях) он рассуждал следующим образом: здесь верили в победу Германии, когда этого не случилось — в мир на основе компромисса, а когда и этого не получилось — в какое-то чудотворное для нас провидение. Судьба же наша

зависит от того, какая из сторон победит в войне. Поражение Германии уже наметилось, и если сейчас будет отвергнут предложенный нам мир, то станет ясной и участь Финляндии. Ответственность за это он на себя не примет. Брюггари: ответ правительства бессодержателен. Нельзя позволить, чтобы единодушие ввело нас в заблуждение. Хватит уже жертв. Поддержал Пеккала. Кето в пространном выступлении пояснил, как идет война, как Украина со всеми ее источниками военных припасов уже почти совсем выскользнула из рук Германии, что неминуемо осложняет для последней ведение военных действий. Здесь же просто не имеют правильных сведений об этих делах. Он пришел к тому же конечному выводу, что и Пеккала, и предположил, что на таких же позициях стоит и вся мыслящая часть рабочего движения. Он (или кто-то другой) высказал сожаление по поводу того, что исполкому партии не была предоставлена возможность обсудить у себя этот вопрос. Лепистэ (самонадеянный молодой государственный муж, закончивший Рабочую Академию, но от ее наук излишне поумневший мелкий земледелец) назвал заявление Пеккала демагогией. Мелкие земледельцы Средней Эстерботнии¹⁴ говорят-де, что предпочитают погибнуть от пуль, выпущенных русскими, чем от руки соотечественников. Самая большая опасность — это внутренний раскол. Иного пути спасения, как единодушная драка, не существует. (Типичный образчик нынешней ситуации: ИКЛ грозит гражданской войной, и ее боятся больше, чем чего-либо иного. Перед ней, дескать, капитулировать можно, а вот перед «рюсся» — нет!).

А затем в наступившей тишине выступил великий государственный авгур Ээро А. Вуори. Он медленно диктовал фразы, каждая из которых была, похоже, взвешена на ювелирных весах. ЦОПФ не изучил обстановку и не принимал никаких решений. Он, Ээро А. Вуори, говорит, таким образом, лишь от собственного, естественно, весьма скромного имени. И начал-то говорить хорошо! Следует ожидать поражения Германии... Финляндская армия, видимо, сможет выстоять какое-то время, но не бесконечно. Следуя в кильватере Германии, мы окажемся в изоляции, лишимся сочувствия трудящихся западных демократических стран. Но для того, чтобы пройти по пути мира вопреки воле Германии, следовало бы иметь на своей стороне значительное большинство народа.

Таннер считал нужным подчеркнуть, что путь мирных переговоров по меньшей мере столь же опасен, как и отказ от условий мира, и выбор тут должен быть ясен. Линна, Сюрьянен и министр Аалтонен пугали жупелом гражданской войны и пытались доказать, что выбора нет. Выступил и Войонмаа, отметив, что вопрос встал в неподходящее время. Если бы Германия на данный момент была уже разбита либо хотя бы лишь изгнана из Прибалтики, пусть даже из одной Эстонии, то здесь определенно голоса звучали бы по-иному. Не было бы столь ужасного страха перед Россией, и с ней был бы заключен мир. Но Германия сейчас сильна, а вопрос об интернировании — серьезный камень преткновения. Однако обстановка на войне меняется быстро, и мы сможем вскоре перейти на иные позиции. Страстно лишь надеюсь на то, что предложенные нам условия за это время не слишком изменятся в худшую сторону. Кто-то сказал, что наше правительство не действует свободно, и это правда, равно как и то, что и общественное мнение формируется под давлением вынужденных обстоятельств — как внешнеполитических (немцы), так и внутриполитических (ИКЛ). Со своей стороны я определил свою позицию с длительным прицелом, исходя из обстоятельств большой политики. Если мы пойдем на переговоры, за нами будут стоять и нас поддерживать другие демократические страны — США, Англия, Швеция и т. п. Если же станем решать вопрос оружием, останемся совершенно одни на милость Советского Союза и будем раздавлены. Единодушие народа — хорошая и даже прекрасная вещь, но еще более важными являются свобода и независимость страны, а их мы можем обеспечить лишь с помощью западных государств. Поскольку я не могу с открытыми глазами пойти на государственное самоубийство, я поддерживаю заключение мира. Куловаара (бывший председатель Большой комиссии парламента, человек несколько непредсказуемый) с блеском выступил за заключение мира... При окончательном голосовании в подготовительной комиссии позиция правительства победила — 9 голосов против 8. Это для нынешних условий многозначительный результат, так как число сторонников мира оказалось больше ожидавшегося...

Решающее собрание фракции началось в 20 часов 45 минут. Таннер изложил позицию подготовительной комиссии. Она, похоже, повлияла на него сдерживающе, так

как теперь он избегал слишком резких выражений... Сюльви-Кюллики Кильпи назвала необходимое теперь единодушие равным фашистскому перевороту: поскольку утверждается, что начало мирных переговоров приведет к фашистскому перевороту, это означает, что если переговоры не начать, то фашисты своего добились. Но вот если продолжать войну, то вместе с ней придет коммунизм. Неприязнь к Германии нарастает. Министрам социал-демократам следовало бы выйти из правительства. Нужно, чтобы пришло правительство Паасикиви и начало мирные переговоры... Пеккала снова зачитал свой меморандум. Йокинен (весьма прямой и бесстрашный, но слегка болтливый человек) присоединился к Пеккала. В прошлом году мир можно было бы заключить на более выгодных условиях. Немцы пришли в нашу страну не с разрешения парламента, и парламент с ними не связан. Неужели же правительство на самом деле готово снова обречь на убой и на инвалидность десятки тысяч людей! Не говорит в пользу партии то, что ее члены остаются членами такого правительства. Во фракции сейчас господствует военный психоз. Брюггари также занял позиции Пеккала. В пользу заключения мира выступил Куловаара, особо отметив, сколь важно было бы сохранить возможно более целыми наши вооруженные силы для нужд, которые появятся позднее, когда на пути нашей страны могут встретиться трудности. Гайло полностью встал на позиции внутриполитической тактики. В войну вступили-де по внутриполитическим причинам (видимо, имел в виду реванш за Московский мир) и продолжаем теперь ее по тем же причинам, то есть мира мы не обречем. Разброд опасен во внутриполитическом плане (то есть и он был готов капитулировать перед военными фанатиками). Выступал Пелтонен, за ним патентованный русофоб Сюрьянен¹⁵. А затем выступил Ээро А. Вуори и объявил как сенсацию, что рабочая комиссия ЦОПФ провела заседание и значительным большинством рекомендовала переговоры с Советским Союзом. Самым удачным путем было бы единодушие народа на этот счет. В этом направлении авторитетным кругам и следовало бы действовать. (То есть рабочая комиссия ЦОПФ согласилась с мотивировкой, изложенной Ээро А. Вуори в подготовительной комиссии фракции, но не с его выводами.)

Я отметил, что сейчас наша участь в максимальной степени зависит от великих держав. Роль западных держав в

оказании нам поддержки преуменьшается — особенно этим занимается Хаккила. Они, правда, не могли многого сделать для нас, так как слишком слабы для этого. Но их значение и сила все растут, и позднее они определенно смогут немало сделать для Финляндии. Стоя рядом с ними, мы будем находиться в самой лучшей компании, какую только можно себе представить в этом диком мире. А вот могущество Германии все слабеет, и, оставаясь с ней, мы вскоре заметим, что окажемся совершенно одинокими на милость России. Именно это соображение определяет мою позицию...

Последним в тактическом плане выступил Таннер, который обрисовал наши военные перспективы если уж и не блестящими, то во всяком случае многообещающими. Откуда, дескать, возьмет Советский Союз те 40—50 дивизий, которые ему потребуются против нас. А когда он их и соберет, подойдет весна, а затем и лето, и тогда на финских болотах и озерах с тяжелым вооружением делать нечего. Таким образом, период боев, вероятно, отодвинется на осень либо на следующую зиму, так как и прежде-то Советский Союз нападал только зимой. А вообще о том, чем кончится большая война, еще ничего не известно; война идет далеко от границ Германии и т. д.

Результат голосования был заранее ясен. За правительство — 46 и против 27... Дело было решено, но оставались еще заключительные мероприятия, отложенные до среды 15 марта. О них тоже следует рассказать, не потому, что произошло там что-то новое и важное, а потому, что в этих внутренних парламентских дебатах проявляются существующие в народе настроения, проливающие свет на происходящие в нашей стране события, которые иначе выглядят непонятными.

Комиссия парламента по иностранным делам провела в среду утром свое очередное заседание... На нем присутствовал (очевидно, подстраховывая Рамсая или же просто на всякий случай) премьер-министр... Рамсай изложил позицию ставки точно в том же виде, как и на совещании в комнате правительства.

Эстерхольм выразил пожелание, чтобы ответ правительства Советскому Союзу был заслушан в комиссии. Это вызвало дискуссию, так как правые выступили против. Рамсай счел затруднительным вынести ответ на комиссию в условиях существующей спешки: в четверг он дол-

жен быть готов, а в пятницу его следует передать (предположительно в Стокгольме) представителям Советского Союза, и, поскольку было сделано предложение показать ответ председателю комиссии, а мне Рамсай успел шепнуть, что он не хочет показывать его всей комиссии, так как он определенно вызвал бы возражения со стороны представителей Аграрного союза, дело этим и кончилось. Ведь нельзя же было выносить решение, что правительство не должно составлять официальные бумаги, не показывая нам. Предположение же Рамсая было правильным, так как в комиссии Ниукканен уже резко выступил против идеи о возможном продолжении переговоров. По его мнению, условия можно было лишь отвергнуть хотя бы по той причине, что они требовали от Финляндии уступки ее территории. Рейникайнен же, напротив, настаивал, чтобы ответ Финляндии оставлял двери открытыми для продолжения переговоров, что, как сказал Рамсай, уже было учтено в проекте, подготовленном министерством иностранных дел. Пеккала представил краткий меморандум относительно неприемлемости позиции правительства... У. Ханнула, подвергшись суровой проработке в собственной фракции, выразил надежду, что ответ будет выдержан в таком тоне, чтобы было видно, что Финляндия не хотела бы продолжать войну. Вопрос-де внутриполитический, и принятие условий в данный момент привело бы к смене правительства, которую сейчас произвести нельзя.

Заседание оказалось очень полезным и в плане профессиональном, так как правительство получило хорошую встряску за то, что оно излишне отдаляется от парламента, и одновременно четкое указание на то, что оно должно составить ответ в осторожной и умеренной форме, дабы «не захлопнуть двери».

После этого нашей фракции еще нужно было подготовить заявление для выступления с ним на пленарном заседании парламента. Поручено это было Рейникайнену, но он попросил, в частности, меня помочь ему, и примерно за 15 минут было составлено короткое заявление, в котором, правда, говорилось, что тяжелая обстановка требует единства действий, но было выражено и пожелание продолжать переговоры. Говоря коротко, с таким заявлением можно было бы выступить и за продолжение мирных переговоров. На собрании фракции в 14 часов оно было одобрено без поправок...

На этом собрании значительным большинством голосов (кажется, 48 против 12) было решено обязать всех членов фракции соблюдать решение, принятое ее большинством... Некоторые члены фракции заявили, что в таком важном вопросе они намерены сохранить за собой свободу действий и поступить в соответствии с собственной совестью (Брюггари, Фагерхольм, Виртанен, Войонмаа, причем последний отметил, что рассматривает вопрос о войне как нечто большее, чем дело той или иной партии, и поэтому не намерен содействовать одобрению предложения правительства, хотя и не хочет тем самым сказать, что намерен выступать против него).

В 15 часов предстояло заседание парламента. Как же тут следовало поступить оппозиции? Прошли собрания, на которых кое-кто (в частности, Кето) жестко требовал внесения предложения о мотивированном переходе к повестке дня (то есть о том, чтобы рекомендовать правительству продолжать переговоры на основе советских условий). Но так как стало ясно, что большая часть настроенных в пользу мира членов социал-демократической фракции подчинится фракционной дисциплине и не присоединится к нам и что фракция шведской партии в полном составе за нами не пойдет, в связи с чем мы сможем собрать всего лишь примерно 15—20 голосов, то в конце концов было сочтено более мудрым лишь выступить на пленарном заседании с речами против предложения правительства и заявить, что нас — инакомыслящих — много... Так мы и сделали, и, как я считаю, весьма успешно.

На заседании в 15 часов Рейникайнен зачитал короткое заявление от имени нашей фракции, затем с длинной речью, брызжущей русофобством, выступил за отказ от условий Кукконен, затем Хорелли в несколько более достойной форме повторил то же самое, а затем Салмиала распростерся ниц перед «великой Германией» и гитлеризмом, с наслаждением жертвуя ради них нашим «героическим народом». Потом Фуруельм выразил сожаление, что вопрос поставлен перед парламентом на слишком уж поздней стадии, и заявил, что большинство фракции шведской партии не может одобрить позицию правительства, хотя фракция и не выдвигает иного предложения. И наконец, от имени прогрессистов слегка рехнувшийся Хейниэ принялся доказывать непобедимость нашей армии. Далее пошли выступления наших — Брюггари, Фагерхольм (хо-

рошая, четкая речь против правительства, в которой излишней была лишь последняя фраза о том, что «утопающий хватается даже за соломинку»), Куловаара, Пеккала, Кауко Андерссон, Йокинен, — и вот тут-то против них восстал представитель ИКЛ Сааринен с шумными упреками за недостаточное единодушие. А затем Хаккила констатировал, что парламент «единодушно» (поскольку иного предложения не было) переходит к повестке дня, стукнул молотком и закрыл заседание. И вот таким-то образом финский народ решил продолжать драку...

...Внутренне я убежден, что к этому вопросу вскоре придется в той или иной форме вернуться. Возможно, однако, до того, как это произойдет, финским «буржуям» следует, как говорят многие социал-демократы, «надавать по шее»...

«Академия»¹⁶, 4.4.1944

...22 марта у нас состоялось заседание комиссии по иностранным делам. Ответ Финляндии 17 марта ушел в Москву, и сообщение об этом было 21 марта опубликовано в финляндских газетах. Рамсай зачитал полный текст нашего ответа. В заключение его разъясняется, что Финляндия не может решать сложные вопросы, касающиеся ее национального существования, не получив более точных данных относительно толкования требований Советского Союза. В тот же день, когда в финляндских газетах появилось сообщение об ответе, Советский Союз также опубликовал сообщение, которое, как заявил теперь Рамсай, было деловым, точным, избегающим полемики и возлагало ответственность за последствия на правительство Финляндии.

Потешным эпизодом во всем этом деле оказалось то, что комиссия придралась к опубликованному в финляндских газетах сообщению. Фагерхольм расценил его опубликование почти как провокацию: следовало бы подождать, как прореагирует Москва. Рейникайнен счел, что правительство Финляндии оказало этой публикацией плохую услугу стране. Эстерхольм высказал мнение, что правительство окончательно захлопнуло теперь дверь перед переговорами и т. д.

И не знали мы, бедные ребята, того, что нам стало ясно лишь вчера, в понедельник 3 апреля 1944 г., что Советский Союз еще 20 марта, то есть за день до появления сообщения правительства Финляндии, передал ответ на выражен-

ную Финляндией просьбу относительно дополнительных разъяснений: Советский Союз ничего не имеет против того, чтобы сведения относительно толкования выдвинутых им требований были бы переданы одному или двум лицам, которые придут в Москву¹⁷. Таким образом, Советский Союз дал возможность продолжить зондаж мира. И на следующий день, то есть в тот же день, 21 марта, когда в финляндских газетах можно было прочитать сочтенное нами столь роковым сообщение, правительство Финляндии сообщило в Москву, что мы готовы направить туда пару уполномоченных, которые, не беря на себя обязательств, могли бы обсудить эти вопросы. Эмиссарами стали Юхо Кустин и Карл Энкель, которые утром 26 марта (то есть в воскресенье) отправились через Стокгольм и вечером были уже в Москве, откуда возвратились в Хельсинки в пятницу 31 марта.

Тем временем, пока все это происходило, мы, депутаты парламента, певинные, как рыбки в пруду, плыли в кулуарах, в кафе, на разных собраниях и совещаниях совсем за другими блеснами. 29 марта (то есть в тот самый день, когда, по полученным позднее сведениям, Паасикиви и Энкель потели в кабинете Молотова) мы провели заседание парламента по иностранным делам, на котором Рамсай разъяснил, что коммунистическое финляндское правительство не повлекло предполагаемых отрицательных последствий. Скорее, похоже на то, что позиции Финляндии укрепились... Но решающим для Финляндии фактором является Кремль. Московское радио ведет себя умеренно, а что касается большой политики, то тут, как сказал Рамсай, Англия и США ничего не могут поделать против России, перевес которой в войне становится все более отчетливым. Возросла и политическая сила Советского Союза, в связи с чем общественное мнение в англосаксонских странах заволновалось: там полагают, что Атлантическая хартия¹⁸ отошла в прошлое...

В таком плане все у нас на последнем заседании комиссии по иностранным делам и проходило... но в пятницу 31 марта в собравшемся на свое заседание парламенте начало ощущаться беспокойство. Стало известно, что правительство намерено выступить с информацией на закрытом заседании парламента в 6 часов вечера в понедельник 3 апреля. Шепотом передавалось, что Паасикиви побывал в Стокгольме (а в шведских газетах, говорят, сообщалось,

что он побывал в Москве), где выяснял вопрос о «смягчении» советских условий...

Утром в понедельник я заехал в министерство иностранных дел. Услышав, что у Рамсая посетитель «надолго», я пошел к Хюнинену, который рассказал, что Паасикиви вернулся из Москвы и привез оттуда где-то смягченные, а где-то более суровые условия. Он сказал, что даже Паасикиви, дескать, слегка «разочарован» и сожалеет о том, что в стране очень уж укрепилось общественное мнение, требующее продолжения драки (пропагандой этого стали похороны Свинхуда*), а также брошюра-листовка Академического Карельского общества «Борьба или мир», в которой утверждается, будто Финляндия сможет продолжать борьбу, даже если Германия проиграет войну и т. д.), тогда как деятельность в пользу мира слаба (и не удивительно, так как свободно говорить об этом, как позволяют себе сторонники войны, не дают). Хюнинен, кажется, считает, что новые условия Советского Союза будут отвергнуты...

Полная ясность по данному делу была получена на собрании фракции в 14 часов. Пришел Таннер и сообщил, что правительство сочло самым лучшим отказаться от планировавшегося на вечер этого дня выступления с информацией перед всем парламентом и сначала изложить вопрос во фракциях, а затем, после пасхальных праздников в среду, 12 апреля, состоится официальное закрытое заседание парламента...

Далее Таннер осветил документ, часть которого я сюда включаю. Русские передали 29 марта свои условия¹⁹ в письменном виде, и они были переведены на финский язык и розданы депутатам. В Москве состоялось две беседы, вторая из них длилась четыре с половиной часа...

Таннер обратил внимание на те изменения, которые были внесены в прежние условия. Ранее немцев следовало только «интернировать», а теперь хватило бы «изгнания». Предъявлено требование о разрыве дипломатических, военных и экономических отношений с Германией. Когда же финны заметили, что Финляндия намерена в качестве нейтральной страны вести дозволенную торговлю со всеми, на это был дан отрицательный ответ. Демобилизация, о которой ранее говорилось как о частичной или полной, теперь

* 8.3.1944 г.

стала полной (до численности мирного времени). Новость представляет из себя вопрос репараций. Не помогло утверждение наших представителей, что финны создали на оккупированных территориях дополнительные материальные ценности, а русские их сами уничтожили: русские сказали, что, по проведенным подсчетам, возмещение ущерба должно фактически составить 1200 миллионов долларов, и эту сумму они уже и так сократили наполовину²⁰. Петсамо требуют вместе со всем его районом...

Больше всего Таннер говорил по вопросу о репарациях, по которому, очевидно, по его инициативе были получены от Сувиранта такие же «доказательства», как ранее от Артура Лехтинен (он доказывал, насколько для сельского хозяйства и вообще экономики Финляндии выгоднее война, чем мир).

Таннер расценил советские условия как технически невыполнимые...

Правительство Финляндии запросило мнение участников переговоров, можно ли добиться облегчения условий. Уполномоченные сообщили, что убеждены в том, что по вопросам взаимоотношений Финляндии с Германией и восстановления границ Московского мира Советский Союз ни в коем случае на послабления не пойдет. Сроки демобилизации, пожалуй, можно будет изменить и выторговать сокращение репараций. По вопросу о Петсамо Советский Союз, видимо, также не уступит.

Главного вопроса — продолжать ли переговоры или же оставаться на позиции отказа от условий — Таннер касаться не захотел. Как не захотела этого и фракция, хотя по прочим вопросам дискуссия состоялась. В дополнение ко всему стало известно, что Советский Союз требует сохранить переговоры о мире в тайне.

Я тоже не стану здесь вдаваться в детали. Скажу лишь, что Фагерхольм и Пеккала побывали у Паасикиви и рассказали, что старик два часа беспощадно ругал политическую глупость финнов и проклинал тех, кто повинен в этом несчастье. Сам он по-прежнему считает, что на мир надо идти даже на этих условиях. В субботу он встречался с Маннергеймом, и тот придерживается точно такого же мнения, но этот маленький «эр» * никак не займет ясной позиции и (кажется, я уже писал об этом) воображает,

* Рютти.

будто бы западные державы не хотят, чтобы Финляндия заключала мир...

Судя по тому, что происходит сейчас в стране, я считаю аксиомой, что парламент снова примет то же самое «единодушное» решение, отвергающее условия, как и в прошлый раз. Иное дело, как это решение будет выполнено и в какой форме направлено Советскому Союзу. Почти уверен, что теперь дверь на самом деле «захлопнется» и будет «закрыта», во всяком случае до тех пор, пока крах Германии, или хотя бы переход Прибалтики в руки Советского Союза, либо какое-то иное событие такого рода ее не приоткроют с еще более печальным для нас скрипом.

Сам я по-прежнему стою на позициях Юхо Кусти, хотя я все же не такой пессимист, как он, и преждевременно не теряю всех надежд...

«Академия», 20.4.1944

Совесть требует снова взяться за перо для того, чтобы рассказать тебе если не ради чего-то иного, то хотя бы ради хронологии о том, что за последнюю пару недель произошло либо не произошло в сфере внешней политики нашей страны...

12 апреля в 12 часов в комнате заседаний Большой комиссии парламента для депутатов было проведено информационное мероприятие по вопросам военно-политического характера, на котором от ставки выступил полковник Паасонен. На этот раз его рассказ о войне был весьма осторожным. «Отход» Германии происходит в целом удачно; боев на истребление в собственном смысле этого слова не было; отступление от Питера проведено «умело» (в свое время о нем говорили как о паническом); фронт немцев в Прибалтике укрепился, и это важно для нас; диспропорция в силах тут снивелирована, хотя никакой победой Германии в сообщении и не пахло. Советский Союз стремится, не считаясь ни с чем, удерживать инициативу в своих руках, но скоро наступит «кульминационный момент», и тогда наступать русским станет еще труднее, поскольку они будут все более отдаляться от своих «баз», а действия партизан уже сейчас якобы утрачивают свое значение. Предстоящая перегруппировка русских потребует времени и т. п. Тривиальности до бесконечности, хотя и никаких

определенных прогнозов относительно поражения Советского Союза... Похоже на то, что силы Германии на Востоке останутся небольшими, она не сможет разбить там Советский Союз и будет находиться в обороне. Однако «гибкая» оборона более невозможна, но и уступать территории нельзя. И все же у Германии вместе с Венгрией и Румынией есть, пожалуй, в резерве 40—50 дивизий, что позволяет вести «активную оборону». Речь может пойти и о том, что Германия сумеет прорвать политическую блокаду, так как Сталин имеет все основания стремиться к окончанию войны, если нынешняя обстановка это позволит...

Наше собственное положение в военном отношении прекрасное: на фронте нам противостоят сейчас примерно 150 тысяч человек, тогда как прежде было 300 тысяч, и, хотя освобождение железнодорожной сети Питера и делает возможным наступление русских на Карельском перешейке, оно вряд ли может быть подготовлено до весны или до июля. В Восточной Карелии мы могли бы вести «эластичную войну». По сравнению с зимней войной у нас теперь в десять раз больше тяжелой артиллерии, в два раза больше легкой, в десять раз больше танков и автоматов и несравненно больше боеприпасов. Но стал сильнее и наш противник. Силы теперь сравнялись, и нам не следует недооценивать собственные силы. Время работает на нас.

Вот в таком плане выступил Паасонен. Конечно же, как солдат он не мог пренебрежительно отозваться о наших собственных силах. Но я считаю, что они все же вряд ли достаточны для победы над державой, занимающей сейчас в военном отношении первое место в мире (хотя весьма многие финны в этом абсолютно уверены)...

В тот же день, 12 апреля, когда выступал Паасонен, в 2 часа дня парламент собрался на закрытое заседание. Сообщение премьер-министра началось с обзора предыдущих этапов зондирования мира, последним из коих была поездка Паасикиви и Энкеля 26 марта в Москву, где они 27 и 29 марта вели переговоры с Молотовым, который 29 марта вручил им в письменном виде условия перемирия. (Они были зачитаны парламенту.)

Условия, продолжал Линкомиес, точны и определены. Для их разъяснения дискуссия не нужна. В их первом пункте содержится требование разрыва с немцами, что несовместимо с нейтралитетом Финляндии, а «изгнание»

немцев так или иначе будет означать насильственные действия. Содержащееся во втором пункте требование границ Московского мира «разрушило бы основу материальной и духовной культуры Финляндии». Во имя своей Карелии Финляндии следует быть готовой к большим жертвам. (Иначе говоря, ничего не сказано о том, что нам следует пойти в основном на границы Московского мира, как считает «партия мира», а совершенно фальшиво ведется речь о «больших жертвах», приносимых ради Карелии, то есть, видимо, о десятках тысяч убитых, после чего, пожалуй, будет сочтено необходимым пойти и на границы Московского мира.) Требование третьего пункта (о возвращении военнопленных и отбывающих трудовую повинность) не касается ингерманландцев и эстонцев, по своей воле перебравшихся в Финляндию (так что здесь отмечено смягчение условий). Четвертый пункт, касающийся демобилизации, не отвечает требованиям суверенитета Финляндии, так как оставить государство беззащитным на практике означало бы установить контроль иностранной державы над внутренними делами страны (так оно, несомненно, и есть). По пятому пункту вопрос о репарациях был доложен в соответствии с меморандумом Сувиранта таким образом, что репарации означали бы «внешний долг», но такой, по которому не нужно платить процентов и который был бы подобным расходам на войну (с той лишь разницей, что на войне эти деньги будут брошены на передний край боев, а в условиях мира — через этот самый передний край, но в обоих случаях с неизбежно следующей за этим бедностью). Шестой пункт — Петсамо — болезненно затрагивает экономику Финляндии. Седьмой — Ханко — всем известен.

Обдумав условия в целом, правительство единогласно (опять-таки) пришло к решению, что согласиться на них нельзя. Принимая это решение, оно исходило (будто бы) не из каких-то расчетов на возможные повороты в мировой войне, а из **делового взвешивания** условий. Их принятие определенно погубило бы самостоятельность страны. Опасения же на тот счет, что позже условия будут еще хуже, не должны вести нас к принятию этих условий (какая хромающая аргументация). Сейчас ясно, что лучших условий получить нельзя, но следует верить в то, что кое-какие возможности для изменения существующего положения имеются (то есть все-таки спекуляция на мировой войне).

Таким образом, следует ясно заявить, что эти условия не могут быть приняты за основу мирных переговоров. Правительство ожидает простого перехода к повестке дня и т. д.

Сразу же после заседания началась обычная «процедура» во фракциях. В нашей подготовительной комиссии Пеккала предложил, чтобы в парламенте было проведено голосование по специально направленному в пользу мира мотивированному переходу к повестке дня. Однако остальные члены подготовительной комиссии заняли ту же позицию, которая была выражена в резолюции, принятой в результате компромисса на собрании Совета партии 11 апреля, то есть накануне. (А вот теперь я заметил, что забыл рассказать о ходе этого собрания, которое было в некотором отношении довольно примечательным, и, если смогу, попробую сделать по этому поводу приложение к письму.) В этой резолюции говорилось, что выдвинутые Советским Союзом условия как таковые не могут быть положены в основу переговоров, но выражена надежда на продолжение переговоров, а также рекомендация, чтобы в соответствующем выступлении в парламенте была бы еще раз подчеркнута воля нашей страны к миру, и с этой аргументацией заявлено о поддержке простого перехода к повестке дня. Такого же мнения был и я (то есть против Пеккала), таким было и решение фракции, где Пеккала собрал всего 11 голосов, что вовсе не означало ослабления сил тех, кто выступал за мир, а лишь уступку интересам единодушия...

На следующий день, в четверг 13 апреля, у нас состоялось заседание комиссии по иностранным делам, на котором Рамсай сообщил, что ответ будет составлен в деловой и вежливой форме, и опять упомянул о своем намерении показать его перед отправлением председателю комиссии... В пятницу 14 апреля во время заседания парламента Рамсай в соответствии с договоренностью пригласил меня посмотреть краткий ответ правительства Финляндии Советскому Союзу, который в тот же день был принят на неофициальном заседании Государственного совета. Ответ состоял из трех кратких абзацев:

- Вопрос рассмотрен правительством Финляндии.
- Выдвинутые Советским Союзом условия, которые невозможно соблюсти и по техническим причинам, ликвидировали бы свободу и независимость Финляндии. Выполнение их для Финляндии не по силам.

— Правительство Финляндии, которое серьезно стремится установить с Советским Союзом добрые отношения, сожалеет, что предложенные теперь условия не дают возможности для осуществления этого стремления.

Я заметил, что в соответствии с заявлением, принятым Советом социал-демократической партии, и позицией, занятой ее фракцией, следовало бы сказать, что выдвинутые условия нельзя принять в их нынешней форме и т. д., что оставило бы дверь приоткрытой для продолжения обмена мнениями. Рамсай пояснил, что формулировка «в нынешней форме» уже содержит в себе уступку, но пообещал (без обязательства) рассмотреть этот вопрос...

Во вторник — в день заседания парламента — Таннер лишь мимоходом упомянул, что ответ все еще не передан по назначению, так как «мадам» в Стокгольме* заболела воспалением легких. Наконец в среду 19 апреля (вчера) на заседании комиссии по иностранным делам Рамсай сообщил, что во вторник 18 апреля вечером ответ был передан. Рамсай зачитал формулировку ответа, ту же самую, что и показанный мне текст, без предложенного мною дополнения. Ну что же, будем надеяться на лучшее, хотя в данный момент это маловероятно...

Прежде чем я покончу с этой темой, не могу не упомянуть, что по крайней мере в нашей социал-демократической фракции, которая из-за своей численности является весьма важным фактором и во внешней политике, возобладал некий дух соглашательства, исходящий из того, что «партия войны» как бы обескуражена и не нападает на «партию мира», как прежде, а отсюда и «партия мира» пребывает в том же настроении. Полагают, что «военная партия» начинает понимать ход событий и готовится сблизиться с «партией мира». Но дело еще не зашло так далеко, как следовало бы. И если учитывать всех правых и центр, ИКЛ, «братьев по оружию» и всех прочих, то очевидно, что без драки на условия Москвы пойти не удастся. Таннер сказал мне, что большие перемены «должны произойти в самих условиях, прежде чем они будут приняты». ИКЛ, газеты коалиционной партии и руководители Аграрного союза считают преступлением уже то, что с Советским Союзом велись переговоры...

* Коллонтай.

Приложение

Заседание Совета социал-демократической партии 11.4.1944 г. (в связи с новыми советскими условиями мира).

Как обычно, Таннер доложил об обстановке и новом предложении. Он зачитал новые условия и прокомментировал их. С репарационным вопросом, считает он, справиться абсолютно невозможно. Есть существенная разница в том, обращаются ли деньги в стране или же они уходят за границу (по мне, так не очень-то велика разница, ржавеют пушки дома или за рубежом, коль скоро эти пушки изготовлены из отечественного железа). Ожидать послаблений — дело безнадежное. Народ не созрел для того, чтобы одобрить эти условия. В 1940 г. мы проиграли войну, а сейчас нет (а не проиграли ли мы ее с самого начала?). Однако Таннер признал, что если бы только другие условия были приемлемыми, то в отношении Германии следовало бы рискнуть (а не было ли разговоров о добровольном уходе Германии?). Хуже всего во всем этом деле то, что, если бы даже удалось добиться мира извне, могла бы начаться внутренняя война.

Каждый думает по-своему. Война еще продолжается и может даже продлиться долго, и в ходе ее многое может случиться.... Сейчас Советский Союз силен, а западные державы слабы, но скоро они окрепнут, а Советский Союз будет слабеть. Следует подождать, чем кончится война (если бы только для этого было время!). Можно попытаться добиться смягчения условий, хотя это и ненадежный путь. И дело не улучшится, если отсюда Советскому Союзу будут навязывать мир. Капитулянтские настроения, которые здесь кое в каких кругах («33»!) имеются, многое уже испортили.

Дискуссия проходила по проторенной дорожке. Наиболее примечательным явилось заявление Эйно Кильпи, которое на этот раз было четко и решительно направлено в пользу мира...

...Если высказать общее впечатление от нынешней внешнеполитической ситуации в нашей стране, то, на мой

взгляд, она лучше, чем еще недавно я мог бы себе представить. Дело в том, что двери мирных переговоров между Финляндией и Советским Союзом (если только «переговорами» можно назвать опубликование сообщений об обмене документами и соревнование между обеими странами в пропаганде мира), совершенно очевидно, не захлопнуты ни той, ни другой стороной...

У нас 26 апреля состоялось заседание комиссии по иностранным делам. Рамсай выразил сожаление по поводу того, что Советский Союз снова поспешил опубликовать ответ Финляндии, вследствие чего его опубликовала и Финляндия. (Я, правда, думаю, что Финляндия опубликовала бы свой текст в любом случае...) Рамсай изложил затем комментарии Вышинского, в которых, в частности, было сказано, что правительство Советского Союза не питает особого доверия к нынешнему правительству Финляндии, что отказ Советского Союза от требования репараций был бы равнозначен награде тому, кто грабил чужие территории, что главный вопрос заключается не в том, чтобы выдворить немцев из Финляндии, а в том, как восстановить ее независимость, так как финляндское правительство не обладает полной властью даже в Южной Финляндии и не хочет изгонять немцев из страны и так далее. Рамсай заметил, что Финляндия всегда была за переговоры, но Советский Союз был согласен давать лишь разъяснения (на что можно было бы, правда, заметить, что Финляндия и не дала Паасикиви и Энкелю никаких иных полномочий, кроме как принять информацию, и что весьма странным выглядят такие «переговоры», на которых одна из сторон — Финляндия — не произносит ни слова относительно собственных условий или предложений и лишь требует от другой стороны — Советского Союза — все новых и новых приемлемых предложений, обеспечивающих независимость нашей страны)... А вообще же Рамсай оставался на старой позиции, согласно которой Финляндия может рассматривать лишь те предложения, которые ей сделаны официально.

Пеккала спросил, насколько может соответствовать действительности распространяемый газетой «Дагенс нюхетер» слух о том, что президента Рюти якобы посетила некая делегация и сообщила, что если Финляндия заключит мир с Россией, то следствием будет государственный переворот. Рамсай ответил, что ему ничего об этом неиз-

вестно, а поскольку и президент об этом не говорил, то это «утка». (Я-то слышал, что в свое время фон Блюхер был у Рюти с угрозами, и примечательно, что Рамсай мотивировал свое опровержение тем, что об этом ничего не сказал президент, то есть можно предположить, что есть нечто соответствующее действительности...)

Сегодня, 3 мая в среду, у нас только что опять состоялось заседание комиссии по иностранным делам... Рамсай считает, что Советский Союз пытается решить финляндский вопрос по-новому: 1) добиваясь разрыва отношений между Финляндией и США, возможности для чего, кажется, имеются, и 2) нападая на финляндское правительство, с которым якобы мира не получится, так как оно неспособно пойти на мир, в связи с чем «народ» должен взять это дело в свои руки. Всего этого Рамсай не сказал, однако не только у меня, но и у многих других в головах определенно появилась мысль о том, что Советский Союз не намерен разговаривать с нынешним правительством...

«Академия», 24.5.1944

...Сообщу по свежим следам о сегодняшнем заседании нашей комиссии по иностранным делам. Заранее должен сказать, что в политическом отношении положение здесь, как и на большинстве других фронтов, вялое. Причиной же той тишины, которая здесь царит, как мне кажется, является также и тактика правительства (прежде всего Линкомнеса), которая включает в себя применение с помощью цензуры намордников повсюду, где только раздаются голоса в пользу мира, или вообще происходит что-то такое, что идет не по нотам «большого брата по оружию»...

Министр Рамсай рассказал сначала об обращении союзников от 12 мая к «нациям» (а не «странам»), находящимся на стороне Германии, в котором содержится предупреждение. Обращение не передано правительству Финляндии и не подписано, следовательно, это всего лишь радиопропаганда, очевидно предпринятая по инициативе Советского Союза... Рамсай отметил, что обращение напоминает первомайское выступление Сталина...

А еще в комиссии был разговор о «политиканстве, проявившемся на съезде ЦОПФ» (о выступлении Ээро А. Вуори). Министр выразил неодобрение по поводу подобного

рода заявлений, но не потому, что собирался критиковать их содержание, а лишь потому, что такие выступления уже сами по себе могут пойти во вред стране. По вопросам внешней политики не должен-де выступать никто, кроме парламента и правительства... Министру аккомпанировали представители Аграрного союза, прежде всего Ниукканен и Кукконен, по мнению которых, выступлению ЦОПФ следовало бы воспрепятствовать. В этом проявилась типичная для нынешней Финляндии политическая ситуация. На предложенные Советским Союзом условия мира единогласно дан отрицательный ответ. Следовательно (делается эдакий ошибочный вывод), в стране налицо единодушие в отношении всей внешней политики, и о мире нельзя говорить, так как это снизило бы значение отказа. С помощью цензуры и пропаганды обеспечивается сохранение во всем мире представления о единодушии и твердости Финляндии. Нельзя даже шепотом обмолвиться ни о возможности границ Московского мира, ни о возвращении Советскому Союзу Восточной Карелии. И воображают, что эдак смогут смягчить Россию, не учитывая при этом, что Советский Союз может и ужесточить свою позицию (хотя упомянутое в начале письма обращение союзников к сателлитам Германии, к числу коих теперь совершенно четко причислена и Финляндия, могло бы дать повод для иных представлений). Но каким образом можно было бы пробудиться от этого сна?

Из прочих вопросов, затрагивавшихся в комиссии, следует упомянуть горькие сетования Икола по поводу того, что подданные Финляндии (из числа населяющих Эстерботнию шведов) начали эмигрировать через Ботнический залив в Швецию. Министр сообщил, что имеется уже около 80 беглецов, половину из которых составили солдаты (в том числе и считающие родным финский язык).

Знамена времени.

Хельсинки, 13.6.1944

...Ты, видимо, ждешь из Финляндии новостей о ходе военных действий²¹. Газеты ничего не пишут, но об этом говорят в кулуарах, а кое-что можно увидеть и самому... На Карельском перешейке противник особенно продвигаться не сумел. Териоки²² и некоторые другие пригра-

ничные пункты потеряны, в других местах пока все благополучно. Хотя железнодорожное сообщение и сокращено, людей усиленно собирают и направляют на юго-восток...

Сегодня у нас снова было заседание комиссии по иностранным делам. Рамсай говорил о наступлении на Карельском перешейке, которое вызвано высадкой в Нормандии²³. Неизвестно, ставит ли Советский Союз перед собой военные цели (безопасность Ленинграда, господство на Балтийском море и т. п.) или же политические (достижение границ Московского мира). Теоретическая дискуссия об этом беспредметна, так как речь идет и о том, и о другом. Фактом остается то, что началась битва за Карелию. Рамсая же ничто не беспокоит...

Да, настроение здесь совершенно спокойное. Гремит гром, можно ожидать и молний. Все знают, чем может это дело закончиться, но не могут поверить, что сей героический народ проиграет игру. Ну а если так случится, тогда все пропало. Нужно, подобно Рамсаю, верить лишь «фактам». Жаль только, что с наиболее печальными фактами мы не сумели справиться своевременно.

«Академия», вторник 20.6.1944

Вот и вступление к весьма важной главе новейшей политической Истории Финляндии, той главе, которая началась с наступления русских на Карельском перешейке и относительно завершения которой пока что нет никаких определенных данных, хотя не существует сомнений в ее результатах.

Мой визит к Рюти в понедельник 19.6.1944

Когда наступление на Карельском перешейке началось и с самого начала получило трагический оборот (финны были застигнуты врасплох, 10-я дивизия отступила вежливо говоря, в беспорядке, теряя тяжелое вооружение и т. п. У русских оказалось огромное превосходство в воздухе, русские танки стали продвигаться с большой скоростью, а их артиллерия — громить все и вся), оппозиция, которая продолжала деятельность, начатую «33-мя», поняла, что, если все так и пойдет, Выборг будет потерян

немедленно и, несмотря на вероятное ужесточение условий, переговоры о мире становятся необходимыми. Поскольку же от стоящего у власти правительства в этих условиях ожидать полезных действий не приходится, его следует свергнуть и на его место поставить новое правительство, которое не было бы столь же неприятно для нашего противника, как нынешнее, и могло бы добиться такого мира, какой еще остается возможным. Но поскольку имелось опасение, что и нынешний президент придерживается одного мнения с правительством (хотя некоторым лицам он уже говорил о необходимости заключить мир), то определенный круг лиц обязал меня посетить в качестве председателя комиссии по иностранным делам Ристо Рюти и осведомиться о его взглядах (не давая советов). В понедельник, т. е. вчера, в пять часов вечера я получил аудиенцию в Тамминиеми²⁴.

Я изложил свои соображения относительно позиции Маннергейма, Вальдена и Рамсая, но сказал, что не знаю позиции президента, которую, однако, было бы важно знать. Пояснил причины, по которым смена правительства была бы нужна, и так далее. И тут, к моему удивлению, Ристо Рюти раскрыл свои карты и без обиняков заявил, что тоже придерживается мнения относительно необходимости смены правительства, а также сообщил, что она произойдет, вероятно, уже вечером этого же дня (то есть вчера) и что главной задачей нового правительства будет заключение мира. Когда же я намекнул, что безусловной предпосылкой успеха мирных переговоров должна быть смена курса, абсолютный отказ от немцев и выход из войны, Ристо Рюти сказал, что это само собой разумеется и что так и было задумано...

Президент рассказал, что на прошлой неделе (в пятницу) он побывал в ставке и предложил маршалу, чтобы тот согласился стать премьер-министром, после чего Рюти ушел бы в отставку с поста президента, и в соответствии с конституцией премьер-министр стал бы исполнять его обязанности, а затем парламент в кратчайший срок избрал бы маршала президентом. Однако маршал категорически отверг это предложение. (Итак, теперь президент Рюти сам тащит маршала в президенты, как это делала оппозиция в 1943 г., получив за это провидение позор и ненависть на свои головы.) После этого Рюти обратился к Вальдену, предлагая его в премьер-министры, но Вальден не согла-

сился, как его ни уламывали. Интересно, что еще до того, как речь зашла о кандидатах, я высказал Рюти свое мнение о том, что для того, чтобы удержать армию в повиновении, вожжи должны быть в сильной руке и что такой рукой могли бы быть президент + маршал + Вальден (в качестве премьер-министра) + кто-то из генералов (в качестве министра обороны). Когда же не удался и план, касавшийся Вальдена, то Рюти, продумав три ночи, остановился на Рамсае...

Рюти полагал, что других перемен в правительстве производить не нужно, и поэтому о них разговора не было. В ходе беседы еще до того, как была названа кандидатура Рамсая, я высказал положительное мнение о нем комиссии по иностранным делам... Теперь же, услышав, что Рамсай может стать главой правительства, я выразил надежду, что он отойдет от пронемецкой ориентации и сменит курс, а это, как заверил Рюти, уже будто бы произошло...

Но когда я сегодня утром прибыл в Хельсинки, то на перроне вокзала меня встретил не кто иной, как Унто²⁵, весь в золотых галунах, и сообщил, что я должен позвонить президенту. Что я и сделал. Президент сообщил мне, что создание нового правительства немного откладывается (как ты понимаешь, по требованию Миккели²⁶)...

Что думает оппозиция

По возвращении из Тамминиеми вчера поздно вечером я оказался в компании нескольких оппозиционеров. Там разные лица излагали свои впечатления. Фуруельм побывал у Рюти еще в воскресенье — до моей поездки в понедельник (он и прежде часто бывал у него в качестве председателя парламентской фракции шведской партии) — и зачитал свои заметки по визиту, от которого у него по всем существенным вопросам сложилось такое же представление, как и у меня. Другие присутствовавшие были, напротив, недоверчивы и полагали, что Рамсай все-таки втайне германофил и что вся эта затея с «ремонтом» правительства опять направлена лишь на то, чтобы провести «рюс-ся» таким образом, что в случае, если предложенные нам условия окажутся слишком тяжелыми либо неприемлемыми, их было бы можно снова отвергнуть и возвратиться под крылышко Германии. Смена курса и выход из войны

оказались бы, таким образом, делом весьма условным, конъюнктурным, не отражающим подлинного взгляда на вещи. Фуруельм и я все же полагали, что слова президента следует принимать всерьез и с верой в него. Но услышали, что против Рамсая выступает немалая оппозиция и по другим причинам...

Сильное замешательство царит среди социал-демократов. При планировании состава нового правительства мнения партийных органов вообще не спросили. В исполкоме партии вопрос все же был рассмотрен, и большинство высказалось за выдвижение на пост премьер-министра Рамсая, а трое — за кандидатуру Кекконена. Пеккала посетила делегация представителей оппозиции, но он отказался идти со своими предложениями к президенту, который ни разу не пожелал пригласить его для беседы. (В среде оппозиции все же широко распространено мнение, что время Паасикиви еще придет. Сейчас он не нравится, но, как только Рамсай потерпит неудачу, придется обратиться к Паасикиви — снова слишком поздно, потеряв из-за проволочек и время в ущерб интересам страны)...

«Академия», 21.6.1944

Собрание фракции

Сегодня днем у нас было собрание фракции, посвященное вопросу о правительстве. Таннер рассказал, что ставка стала затягивать смену правительства по соображениям военного порядка, поскольку момент для подобных маневров якобы неподходящий²⁷. Неужели же маршал думал, что финляндская армия могла бы добиться лучших позиций, чем те, на которых она сейчас находится. Напрасная надежда, так как после этого потерял Выборг. Таннер сказал, что от поездки в ставку у него сложилось представление, что военными средствами положения уже не спасти (этим он уже многое сказал)...

Таннер предложил, чтобы фракция одобрила смену правительства и предоставила членам партии право участвовать в новом кабинете, если их туда будут приглашать. Принимая во внимание нынешнее чрезвычайное положение, конечно, нельзя сделать ничего иного, кроме как одобрить это предложение. Прекрасное впечатление, по край-

ней мере на меня, произвело выступление Кяярйяненна. Он считает скверным, когда член правительства, к тому же председатель фракции, занимается пропагандой и что фактически в новом правительстве следовало бы произвести значительно большие изменения, чем производимые ныне... Важнее же всего смена курса и общего настроения; надо полностью отбросить ненависть к России и установить с ней прочные дружественные отношения. Он сказал также, что, поскольку Советский Союз был недоволен некоторыми членами прежнего правительства, он может посмотреть косо и на новое, так что не безразлично, кто войдет в состав правительства. Это был ответ Таннеру, заявившему, что Советскому Союзу безразлично, возглавит ли правительство Финляндии Рамсай или кто-то другой, так как у него своя программа действий. Сюльви-Кюлликки Кильпи заранее заподозрила новое правительство в том, что оно будет сидеть на двух стульях, в особенности если в нем останутся такие министры, как Саловаара...

Я выступил в начале собрания с краткой речью и пояснил, что катастрофа уже произошла и чрезвычайные меры приняты, в связи с чем нельзя прибегать к особо тонкой селекции. Все равно, кто сидит в правительстве, так как единственная задача — немедленно и искренне добиться мира, главное сейчас — сменить курс, и именно этого я ожидаю от новых людей в кабинете. А когда этот порог переступим, состав правительства будет подобран более тщательно.

Вот теперь-то начинают трещать наши отношения с Германией. Ее слабость проявилась в непоследовательном отношении к проблеме Финляндии...

«Академия», понедельник 26.6.1944

Моим печальным долгом является поспешить с написанием этого письма. Здесь произошло нечто невероятное. Все перевернулось, и мы на грани гибели: Финляндия готовится вступить, (а очевидно, уже и вступила) в военный союз с Германией, сделав публичное заявление, в котором она, Финляндия, обязется сражаться вместе с Германией до конца, не заключать мира и даже не зондировать его возможностей без консультации с Германией, то есть без ее разрешения²⁸.

Для начала в интересах хронологии два пояснения. В прошлый четверг — 26 июня, — очевидно по инициативе «просветительного общества»²⁹, было созвано совещание депутатов парламента, выступающих за мир. Присутствовало свыше сорока депутатов — социал-демократы, представители шведской партии, несколько представителей Аграрного союза (Хельяс, Шильдт). Совещание открыл Кекконен, зачитавший подготовленный им доклад. В нем была подвергнута критике политика «сидения на двух стульях» и было выдвинуто требование создать новое правительство, единственной целью которого был бы вывод Финляндии из войны. Он предложил направить делегацию к президенту для того, чтобы продвинуть это дело. В состав делегации вошли: Кекконен, Фуруельм, Ерн (вице-председатель фракции шведской партии), Войонмаа, Рейникайнен (который согласился в нее войти, но в конце концов не смог и представил вместо себя Фагерхольма).

Эта делегация попала к Рюти лишь на следующий день, в пятницу, в 13 часов. Не слишком-то мы поумнели, так как президент сказал, что новое правительство будет сформировано, но вопрос этот отложен по просьбе маршала, который не возражает против смены кабинета, но считает момент неподходящим... Затем Рюти в свою очередь заговорил о возможности того, что Советский Союз потребует безоговорочной капитуляции. И между прочим выяснилось, что такое требование уже поступило. Этот вопрос широко обсудили, и я сказал, что не стоит вести дискуссию до того, как такое требование будет на самом деле предъявлено, но даже и после этого на него не следует отвечать иначе, как изложением собственных условий, в которые входит сохранение независимости и свободы страны... На этом дискуссия стихла, и мы пришли к выводу, что, хотя время создания нового правительства и не определено, смена курса все же предстоит.

Но когда успокоенный, я сегодня утром приехал в город и прибыл в парламент, где в 14 часов состоялось пленарное заседание, то услышал странные вещи. Сюда еще в четверг прилетел сам Риббентроп с требованием, чтобы Финляндия вступила в официальный военный союз с Германией. Риббентроп все еще здесь и намерен оставаться до тех пор, пока парламент не примет решения. В правительстве социал-демократы потребовали, чтобы вопрос был передан в парламент, этого же мнения придерживается и

Рюти, но члены правительства от буржуазных партий считают, что правительство должно заключить договор, невзирая на парламент. Вопрос в правительстве, однако, окончательно еще не решен, и парламентским фракциям предоставлена возможность обсудить его.

Сегодня днем после заседания парламента состоялось совещание нашей фракции. Докладывал Таннер. Правительство намерено на заседании сегодня в 20 часов представить парламенту сообщение. В город прибыл инкогнито высокопоставленный германский представитель, который хочет точно знать, будет ли Финляндия воевать или же заключит мир. С нашей стороны был дан ответ, что мы не хотели бы давать Германии обязательств. Однако это Германию не удовлетворило, и оттуда поступило новое предложение о письме, которое Финляндия направила бы Германии и в нем все-таки обязалась бы сражаться вместе с Германией, не заключать мира без консультаций с ней и даже не пытаться выяснить возможности заключения мира. Это обязательство надо дать публично и к тому же провозгласить, что между товарищами по оружию существует полное взаимопонимание. Если же Финляндия не согласится, то военные и экономические отношения с Германией будут прерваны. Сильным подкреплением этого требования явилась телеграмма, поступившая от самого фюрера, в которой жестко сказано, что, если Финляндия не согласится, отношения будут сразу же разорваны.

А затем Таннер высказал свою точку зрения. Для начала он изложил доводы против союза с Германией. Помощь, которая может быть получена от Германии, сравнительно мала и даже в самом лучшем случае ничего не решает в отношениях между Финляндией и Советским Союзом. Германии следовало бы помогать нам и без такого рода обязательств, так как она имеет выгоду от Финляндии — например, никель. Присоединение Финляндии к Германии произвело бы плохое впечатление за границей, а с США произошел бы разрыв, хотя, может быть, состояние войны и не было бы объявлено. Во внутривполитическом плане это привело бы к разброду.

Однако в более проникновенном, на мой взгляд, тоне Таннер изложил те обстоятельства, которые говорят в пользу союза с Германией. Как считает военное руководство, сражаться в одиночку мы не можем (имя маршала упомянуто не было, и в этом отношении ничего определен-

ного сказать нельзя. Если мы не пойдем с Германией, то останемся без оружия и без хлеба, а если нет оружия и хлеба, то и сражаться невозможно. Положение Советского Союза может еще весьма и весьма измениться, если сопротивление здесь усилится (Таннер, кажется, всерьез верит в то, что стоит нам хорошенько поколотить «рюсся», как они снимут излишние требования). Без помощи Германии наше поражение предопределено (кажется, он думает, что если Германия придет к нам на помощь, то оно не будет предопределено). Но хуже всего обстоит дело с нашими взаимоотношениями с Советским Союзом. Из Москвы сообщили, что там хотят иметь подписанное Рюти и министром иностранных дел заявление о готовности Финляндии капитулировать и просить мира; если Москва получит такую бумагу, она примет уполномоченных для переговоров о мире.

Говорил Таннер и о том, что требуемое Германией обязательство не так уж и опасно, так как оно может стать «ключком бумаги», если изменится обстановка. В Государственном совете существуют разногласия по поводу обязательства перед Германией, «Буржуи» готовы согласиться, социал-демократы — нет. Большинство правительства не хочет выносить этот вопрос в парламент, если ожидается, что он там будет отвергнут. Если же так случится, то следствием будет большая неразбериха, может быть новое лапуасское движение, возможность переворота. От так называемой «мирной оппозиции» помощи ждать нечего: она не способна править (эту ноту Таннер тянет постоянно: ИКЛ, по его мнению, подходит для участия в правительстве, а вот большинство, состоящее из представителей социал-демократической, шведской и прогрессивной партий, — нет). Члены правительства от социал-демократической партии не хотели бы давать обязательства Германии, но, возможно, могли бы смириться с этим, если смирится социал-демократическая фракция в парламенте.

За докладом Таннера последовала широкая дискуссия. Она оказалась примечательной потому, что вся фракция единодушно выступила против союза с Германией. Было заявлено, что такого рода союз лишь отсрочил бы решение нашей судьбы (Рейникайнен) и что конечный итог и в том, и в другом случае был бы один. Поскольку мы всегда говорили, что ведем особую войну, следовало бы теперь прекратить кровопролитие (Кивисало); отказ от этого союза

уменьшил бы страдания и спас бы честь партии (Хилтунен и др.). С учетом длительной перспективы лучше отвергнуть союз с Германией, так как лишь на такой основе мы сможем продолжать вести национальную самооборону и борьбу против распространения большевизма (Ээро А. Вуори) и т. д. Райло и кое-кто еще сочли, что о выходе социал-демократов из правительства говорить в этой связи не следовало бы, а Матти Туркиа хотя и четко выступил против союза с Германией, но с еще большей силой — против мира, поскольку мир-де с Советским Союзом означал бы конец социал-демократической партии и профсоюзного движения, гибель финского народа («Хорошо!» — крикнул Таннер) и т. д. ... (Впрочем, уже ясно видно, что правительство сможет безнаказанно заключить союз с Германией, да и вообще все, что угодно, вплоть до запрещения мирной оппозиции, а то и выдачи ее на расправу немцам, а социал-демократы будут лишь смотреть за тем, чтобы не случилось еще хуже... Как видишь, я пессимист, хотя и хорошо знаю, что партия мира фактически ничего поделать не может и должна лишь ждать событий, которые все и прояснят.)

Заседание парламента началось в 20 часов и продолжалось всего пять минут, т. к. никакого сообщения правительства представлено не было. И по этой причине, и по радостным физиономиям друзей Германии было видно, что произошло: члены правительства от буржуазных партий провели свою линию...

Кесьяранта, 2.7.1944

Во вторник 27.6.1944 г. состоялось собрание социал-демократической фракции. (Раньше фракция единогласно решила, что она не одобрит предложенный договор, и аналогичное решение приняли фракция шведской партии, за исключением двух ее членов, а также прогрессисты и четыре члена Аграрного союза, так что против договора было большинство парламента.) Теперь на собрании фракции Таннер дал дополнительные пояснения. Когда выяснилось, что парламент в большинстве против договора, Государственный совет решил не просить его согласия по этому вопросу; Эрик Кастрен и Кайра³⁰ разъяснили, что по закону о государственном устройстве такое согласие не тре-

буется. И тогда 10 голосами против 6 (социал-демократы + Калле Кауппи)³¹ Государственный совет одобрил письмо, а президент его подписал³². Письмо (подчищенное против первоначального варианта, но по существу того же самого содержания) выглядело следующим образом (Таннер зачитал его на финском языке, но я успел записать лишь отрывочно): «Ссылаясь на состоявшиеся между нами переговоры, Германия выполнит пожелания правительства Финляндии, касающиеся предоставления военной помощи, направив в Финляндию войска и военные материалы, и обязуется предоставлять такую помощь и в дальнейшем для того, чтобы совместно с нашими вооруженными силами разбить противника. Финляндия же принимает решение сражаться вместе с Германией против Советского Союза до тех пор, пока с его стороны не исчезнет угроза Финляндии. Принимая во внимание ту военную помощь, которую Германия оказывает Финляндии, я, как президент Финляндии, обещаю, что не заключу мира с Советским Союзом, иначе как во взаимопонимании с Германией, и не позволю, чтобы правительство или какое-либо лицо начало переговоры о мире, иначе как во взаимопонимании с правительством Германии».

Была также достигнута договоренность о том, чтобы в публикуемом коммюнике не упоминалось о совместно ведущейся войне.

Члены правительства от социал-демократической партии записали в протокол, что они считают направление такого письма неправильным, а если бы было намерение обсудить этот вопрос, то его следовало бы вынести на рассмотрение парламента.

Таннер (по своему обычаю) высказал и собственное мнение, согласно которому он не имел намерения (ну ни малейшего) повлиять на фракцию. Он не пожелал осуждать тех, кто согласился. Рюти не мог отвергнуть помощь, которая была столь близка, и не захотел взять на себя ответственность за это. (Между прочим, здесь рассказывают, что сам Ристо и попросил помощи у Гитлера.) Правда, правительство действовало вопреки большинству парламента*. Но если подумать, что случилось бы в случае

* На выборах 1939 г. социал-демократы получили 85 мандатов, Аграрный союз — 56, коалиционная партия — 25, шведская — 18, прогрессисты — 6, ИКЛ — 8.

ухода меньшинства в отставку? Это привело бы к развалу правительства... Говорят, что на смену пришло бы правительство, представляющее большинство парламента, но оно было бы слабым и неустойчивым... (К сожалению, именно такова сейчас финляндская демократия, целиком подчиненная военщине). В нынешней опасной обстановке разделять ответственность следовало бы всем (то есть все должны быть в ответе и за самую безмозглую политику!). А значит, вопрос надо основательно обдумать и обсудить его с партийными органами...

О дискуссии, которая последовала за этим гнетущим сообщением и предварительной агитацией со стороны Таннера, много рассказывать не буду. Калле Йокинен сказал, что настроение рабочих сейчас таково, что они подобных действий не поддержат. Это шутовство, когда не думают о чести партии. Вон наших людей из правительства, и конец сотрудничеству с Германией!.. Рюти не взялся бы за дело, если бы не получил обещаний, что социал-демократы останутся вместе со всеми. Он же отмежевался от всего этого. Честь партии — более важная вещь, чем газеты, о цензуре которых следует еще поговорить. Вуори заклеймил поступок правительства как политический переворот. Рабочая комиссия ЦОПФ единогласно считает, что из правительства следует выйти. Президент еще в прошлый четверг сообщил делегации, в состав которой входил Вуори, что он не полагается на помощь Германии. Задача рабочих — взять дела страны в свои руки тогда, когда другие сыграли свою роль до конца. Если наши люди останутся в правительстве, среди рабочих начнется разброд. Следовательно, вон из правительства!

Войонмаа подчеркнул, что предложенная помощь может принести больше вреда, чем пользы... Рабочий класс легче держать единомышленным и сплоченным с помощью четких принципов и чистых документов, чем вокруг таинственных спекуляций большой политикой. Ведь не побоялись же, что за выходом социал-демократов из правительства последуют хаос и анархия, так как президент, несмотря на эту угрозу, все же подписал то губительное письмо... То есть, если и уйти из правительства, никакой катастрофы не случится... Мой главный довод — внешнеполитический: мы должны показать, что в стране есть значительная часть народа, которая не только на словах, но и на деле выступает за демократические принципы будущего страны.

Таннер и Хаккила стали заверять, что никакого режима фюрера в стране не появится, на что не выбирающий выражений Йокинен ответил сравнением: Фюрер плюс Геббельс — это то же, что Таннер плюс Хаккила...

Господин министр, Алекси Аалтонен, доложил, что решающей в данном вопросе была позиция ставки. Маннергейм, правда, колебался, но все же счел, что предлагаемую помощь следует принять. Есть намерение посредством соглашения выиграть время. (Как и многие другие соглашатели, он подчеркнул, что договор был всего лишь политическим трюком данного момента, листком бумаги, который можно в любой момент разорвать, и, когда война будет проиграна, поднять руки вверх. На это многие заметили, что в других-то странах не считают договор ничего не значащим клочком бумаги, а, напротив, четкой декларацией о военном союзе, и на этой основе США и Англия определяют свою позицию.) Кето, Хилтунен, Рейникайнен и другие выступили за выход из правительства. Таннер же снова предложил свою «реальную политику»: если мы не выдержим боя, то поднимем руки вверх, а если же выстоим, то это может облегчить условия мира. Договор — это несчастье, но еще большим несчастьем было бы не воспользоваться предлагаемой помощью.

Наша фракция решила выяснить позиции других фракций и создала для переговоров комиссию: Рейникайнен, Войонмаа, Хилтунен, Куусисто (двое последних — особо доверенные лица Таннера, хотя Хилтунен уже перешел на нашу сторону).

В среду 28.6 состоялось заседание комиссии по иностранным делам, которое оказалось довольно кратким. Рамсай сказал, что военные события на Карельском перешейке тревожным образом отразились на нашем военном положении.

Правда, теперь успешные арьергардные бои и приход на помощь немцев пробудили дух «зимней войны», но все же положение остается серьезным. Нужна помощь, и только Германия способна ее предоставить. Оттуда была направлена по ее инициативе, без политического соглашения бригада самоходных артиллерийских установок. Наше военное командование сочло помощь безусловно нужной. Мы оказались перед необходимостью выбрать один из трех возможных вариантов: 1) безоговорочная капитуляция, но ее парламент в апреле отверг, 2) драка в одиночку — что

из этого получается, стало ясно, 3) помощь Германии. Да, она влекла за собой политические соглашения, так как Германия безвозмездно помогать нам не будет. Правительство избрало этот путь. Риббентроп прибыл сюда для того, чтобы убедиться в твердости позиции Финляндии. Вопрос был решен в рамках закона о форме правления. Последствия правительству ясны. Мы утратим симпатии западных держав. Но это — дело абстрактное, а сейчас нужны конкретные дела.

Кроме того, Рамсай сумел быть и довольно жестким. Когда в комиссии захотели узнать содержание соглашения, он коротко и решительно заявил, что составленный документ — это никакое не соглашение, а сообщение (письмо), которое подписал президент, и что он, Рамсай, не может никому его изложить и зачитать... Конечно же, коалиционная партия и Аграрный союз одобрили мудрые меры правительства. Лишь Хакцель осмелился заявить, что вопрос следовало бы провести через парламент.

В тот же день, 28.6, созданная социал-демократами комиссия провела переговоры одним махом с коалиционерами и аграриями (присутствовал также Фуруельм). «Буржуи» в один голос выразили пожелание, почти что мольбу, чтобы социал-демократы остались в правительстве: иначе страна и армия расколются, а это будет большим несчастьем. И не так уж плохи эти немцы. Патриотизм социал-демократов, который проявился и в доверительном обращении к другим фракциям, был расценен как стопроцентный. Очень уж они были обеспокоены и боялись за нас.

А еще в тот же день состоялось заседание подготовительной комиссии нашей фракции. Только там успели выслушать сообщение Вуори о том, что рабочая комиссия ЦОПФ окончательно высказалась за выход из правительства, и информацию Таннера, согласно которой Линкомиео заявил, что выход из правительства социал-демократов не повлек бы за собой приход туда ИКЛ, как Таннера вызвали к президенту, а мы на время разошлись.

Когда же через час Таннер возвратился от президента, он заговорил уже по-иному. Он представил предельно понятную картину занятой Рюти позиции. Президент задал вопрос: следовало ли предложенную помощь отвергнуть перед лицом требования о безоговорочной капитуляции? Чем мы заплатили за помощь? Абсолютно ничем. Соглашение распространяется ведь только на территорию Фин-

ляндии и, значит, является делом, касающимся лишь Финляндии. Правда, требование было неприятным, и в парламенте оно было бы отвергнуто. Но что за этим последовало бы? Ясно, что лишь полное замешательство. Рюти боится последствий выхода социал-демократов из правительства. Это нельзя было бы объяснить, а если бы нашли объяснение, то оно оказалось бы плохим; вы отдали страну в руки «рюсся»! Помощь мы получаем большую: и людьми, и оружием, и в том числе 10 миллионов бомб, которые уже спешно отгружаются в порты Балтийского моря.

Это сообщение и тот дух, которым была проникнута информация Таннера, разлагающе подействовали на взгляды социал-демократов. Куусисто, Толонен, Саловаара, Лехтокоски, Сюрьянен, Хаккила тут же перестроились (если, правда, не сделали этого еще раньше). Саловаара заявил, что социал-демократы останутся в правительстве, а рабочим это как-нибудь будет объяснено. Однако были и возражения против нахождения в правительстве. Войонмаа напомнил, что страной могли управлять и без социал-демократов, можно было бы это сделать и теперь, тем более что вопрос хорошо подготовлен и остальным фракциям изложены наши мотивы... Похоже, уже стали верить, что в этой мировой войне Германия потерпит поражение, а вот Финляндия — этот пуп Земли — победит...

В заключение подготовительная комиссия 8 голосами против 5 решила остаться на прежней позиции, то есть за выход из правительства. Однако единство фракции было уже сломлено, и ветер подул в ином направлении...

В четверг 29.6 состоялось решающее собрание фракции. Таннер доложил аргументы президента: альтернатива — безоговорочная капитуляция; премьер-министр озабочен положением на фронте, говорит, что если социал-демократы уйдут, то, пожалуй, надо будет уйти и ему, но где тогда взять новое правительство; Линкомиес надеется, что социал-демократы, если уж они не могут остаться в правительстве, хотя бы отложат выход из него... Таннер упомянул, что одновременно с подготовительной комиссией проголосовал и исполком партии и 6 голосами против 1 (Саловаара) пришел к выводу, что из правительства следует выйти...

Дискуссия по этому вопросу оказалась отнюдь не воодушевляющей... А при заключительном голосовании 36 голосов было подано за то, чтобы остаться в правитель-

стве и 26 — за выход из него... Более 20 на голосовании отсутствовало, среди них и такие, которые по крайней мере прежде стояли на наших позициях, например Хилтунен, Пеккала, Йокинен и пр...

Всем ясно, что Ристо Рюти сыграл свою роль до конца. В качестве президента он выступил гарантом того, что сепаратный мир заключаться не будет, и, если это все же придется сделать без согласия Германии, остаться на своем посту он не сможет.

Политика Таннера в этом деле внешне была странной, но я полагаю, что вижу ее насквозь. Ему пришлось (как это, может быть, слишком прямо сказал Фагерхольм) заранее дать президенту согласие на то, что он, Таннер, лично понимает задуманный президентом акт, но не гарантирует (этого он и не мог гарантировать), как поведет себя фракция. Но этого-то президент и не просил, так как был уверен, что если Таннер бросит свое слово на чашу весов, то склонит их на сторону президента. Что и произошло... И поскольку Таннер, таким образом, еще раз сослужил Рюти большую службу, ему, естественно, была охотно дана компенсация, заключавшаяся в том, что социал-демократы получили возможность без помех со стороны цензуры опубликовать свое заявление и с «поглаженными головками» вернуться, как говорится, «домой к мамочке»...

Однако у этого дела есть и другая сторона... Ведь наша фракция единодушно осудила соглашение, да и в своем новом заявлении осталась на позициях мира. То есть нас ждет не совсем спокойная жизнь в политическом плане...

Хельсинки, 19.7.1944

Сегодня было заседание комиссии по иностранным делам. Рамсай в весьма «объективном» плане говорил о положении на фронте, которое не столь уж невыгодно для немцев. Да и финляндский фронт держится уже четыре недели. Оборона наша прочная, и он не видит кошмарного исхода...

Затем Рамсай зачитал письмо президента Гитлеру, подчеркнув его строго секретный характер. Это — четкое обязательство со стороны Финляндии о том, что Финляндия не заключит мира без согласия правительства Германии.

Но в дополнение к этому теперь появилась новая сенса-

ция — ответ Гитлера Рюти, датированный 4 июля и полученный 8 июля. В нем сначала повторяется то, что написал Рюти, а затем подтверждается, что Германия предоставляет и будет предоставлять Финляндии военную и экономическую помощь в возможных для Германии масштабах. Кроме того, дается заверение, что Германия не заключит с Советским Союзом договора, не сообщив об этом Финляндии и без согласия Финляндии по всем тем вопросам, которые Финляндии касаются...

Затем состоялась дискуссия. По договоренности между представителями нашей фракции выступил Рейникайнен и заклеил заключенный пакт с Германией как ненужный (так как и без него Германии пришлось бы помочь нам) и как антидемократический акт (так как при его заключении подверглись дискриминации парламент и его комиссия по иностранным делам, в связи с чем правы США, упрекающие в своей ноте правительство Финляндии в недемократическом поступке, и т. д.). К мнению Рейникайнена присоединились Эстерхольм и Фрич, а также социал-демократы С.-К. Кильпи, Лонкайнен, Пеккала и Войонмаа. В острой дискуссии было высказано и еще кое-что. Поскольку Рамсай доказывал, что всякие там теории не нужны, так как самое важное дело — это защита Финляндии... я заметил, что всего лишь несколько недель назад и президент, и все прочие считали самым важным заключение мира и что я по-прежнему считаю заключение мира более важным и правильным делом, чем безнадежную борьбу.

А затем, после заседания парламента, у нас еще состоялось собрание фракции. Пояснения давал Таннер. Он представил сравнительно оптимистическую картину нашего положения, хотя, естественно, никто не может заранее знать конечного результата... В заключение Таннер с грустью констатировал, что с наших собраний происходит утечка информации за границу. А дома распространены 4—5 номеров финского оппозиционного издания (имеются в виду «Суорат санат»³³), одним из редакторов которого является член нашей фракции. Это возмутило Сюльви-Кюлликки, и она сказала, что, поскольку оппозиция не имеет из-за цензуры возможностей высказать свое мнение в прессе, ей приходится (и она имеет на это право) делать это иными средствами, лишь бы при этом не нарушались законы. Шум, однако, прервал Сюльви-Кюлликки, и Таннер стукнул молотком по столу в знак окончания собрания. Я все

же успел громко сказать Сюльви-Кюллики, что она права (а то вокруг стали кричать, что она помогает врагу)...

Рамсай все же полагает, что через 2—6 недель обстановка прояснится. Он не стал ничего предсказывать, но по всему видно, что надежды питаются тем, что с Германией и Финляндией — этими новыми «объединенными нациями» — ничего плохого не случится.

Хельсинки, 3.8.1944

Мы в нашей дорогой Финляндии снова попали в политическую «чертову мельницу». Когда это письмо дойдет (если только оно дойдет) до тебя, дела прояснятся: у нас тогда уже будет новый президент³⁴, новое правительство и, кто знает, может быть, и вопрос о мире в какой-то степени сдвинется с места. Если только не произойдет чего-то еще, например неожиданных военных событий. Но одна вещь, на мой взгляд, ясна: вся эта кутерьма означает смену политического курса в направлении мира... Он тоже еще может оказаться альтернативным: новый президент, если сочтет нужным, в два счета заключит мир, но может также дать этому делу еще дозреть, оставляя зондаж мира за правительством... Все это возможно. Маннергейм может оказать огромную услугу стране, но может и принести множество неприятностей демократическому ходу дел. Одна вещь для меня ясна: если мы быстро заключим мир, то спасем демократию, наш исторически сложившийся общественный строй и свободу нашей страны, но если мы этого не сделаем, а по-прежнему будем слишком медлительны и консервативны, то добьемся русской оккупации и эпохи «шестерки». Молю творца, чтобы осуществился первый вариант...

Так вот, когда утром 1 августа я пришел на заседание президентского совета парламента, Хаккила, перечисляя внесенные правительством предложения, упомянул среди них касавшееся «замещения поста президента без проведения выборов» и попросил разрешения его зачитать. Когда оно было зачитано, то все от изумления онемели, так как никто о нем ничего не слышал, да и председатель парламента сказал, что узнал о нем лишь накануне вечером. Первым попросил слова вице-председатель Хорелли (коалиционер), который заявил, что поскольку в данном слу-

чае парламент был отстранен от решения важного вопроса, то следовало бы все же обсудить это дело в парламентских кругах и не ставить их перед свершившимся фактом... Я сказал, что в нормальных условиях подобное событие следовало бы рассматривать как государственный переворот, поскольку оно ставит нас в положение, когда приходится выбирать лишь между подчинением и анархией, однако в настоящее время, когда речь идет о спасении страны, можно согласиться и с подобным фактом, так как, на мой взгляд, это, безусловно, открывает дверь для вывода страны из войны. Теперь по крайней мере в стране за дела и события будет отвечать один человек, тогда как до сих пор карусель крутил президент за спиной главнокомандующего, а главнокомандующий за спиной президента и правительства. Мне же нетрудно одобрить это предложение правительства, поскольку, когда последний раз избирался Рюти, я стоял за то решение, к которому теперь, кажется, пришли и другие. Угнетает то, что срок полномочий президента не устанавливается, и это означает, что он будет оставаться у власти до 1950 г. Но были даны заверения, что Маннергейм не хочет оставаться у руля дольше, чем это необходимо...

Я не упомянул одного весьма важного для этого дела обстоятельства, которое многие считают исходной точкой всего президентского кризиса. Оно заключается в том, что немецкая помощь оказалась очень уж незначительной. Еще две недели назад немцы, кажется, вывели из Финляндии все свои самолеты, обещая вернуть их при необходимости обратно, а теперь полным ходом отводится и та единственная пехотная дивизия, которую прислали на Карельский перешеек (как говорят, это была 122-я дивизия — одна из тех, которые в панике бежали из-под Питера к Нарве). Здесь заявляют, что заключенное соглашение разорвано, так как немцы его не выполнили. Но я думаю, что оно разорвано не по этой причине, поскольку немцы, по крайней мере в соглашении не определяли точно размеров предоставляемой помощи, а потому, что Рюти заключил его персонально (в соглашении записано: «Я в качестве президента Финляндии обязуюсь» и т. д., но ничего не говорится о Финляндии или о правительстве Финляндии).

Сейчас у нас уже 4 августа. Из вчерашних (то есть 3 августа) событий стоит упомянуть лишь вечерние итоги. В представительстве демократических фракций главным

кандидатом на пост премьера на тот случай, если таковой будет выбран из буржуазных партий, назван Рюдман³⁵. Аграрный союз, как говорят, остановился на кандидатуре Кивимяки, а коалиционная партия (по слухам) — на Хаккила. У нас во фракции состоялось большое собрание, на котором после длительных разговоров сначала было принято решение 26 голосами против 20 выдвинуть кандидатом в премьер-министры представителя нашей партии, и им стал, конечно же, Таннер. На второе место вышел Вуори, а на третье (если социал-демократ не пройдет) — Рюдман (при голосовании Таннер собрал 26 голосов, а Вуори — 21). Есть опасность, что Таннер пройдет. Сам он сказал на прошлом собрании фракции, что речь о нем не может идти, так как его друзья позаботились-де о том, чтобы представить его и дома, и за рубежом в дурном свете (как будто бы сам он в этом никак не повинен). Но против его кандидатуры горячо выступила оппозиция. Пеккала удачно заметил, что коль скоро политика Рюти, опорой коей был Таннер, рухнула, то и Таннеру следовало бы понять это и уйти. Наиболее примечательно, что сам Таннер, кажется, будет изо всех сил держаться за свою собственную кандидатуру, очевидно (так считают многие) ради спасения своего престижа и положения либо просто из жажды власти. На первый план он выдвигает не политику Рюти, которая, как он считает, была единственно правильной, а пакт с Германией, который, однако, не заставил его выйти из правительства и даже сколько-нибудь энергично ему сопротивляться...

Иными словами, Таннер, по его собственному мнению и мнению его приспешников, всегда был прав... (Когда Кярняйнен сказал, что Советский Союз еще имеет неразбитую армию, кто-то насмешливо крикнул, что Таннер побьет и ее!)

В тот же вечер (3 августа) Таннер и Хаккила посетили Маннергейма. Сегодня, 4 августа, Таннер рассказал мне об этом визите. Маннергейм был разочарован, когда ему было сообщено, что формирование правительства — дело нелегкое и что никто не хочет быть премьер-министром. Маннергейм пытался уговорить Вальдена, но напрасно. Затем он попытался уговорить Хаккила, но и тот категорически отказался (хватило ума!). Ведь кандидатуру Хаккила выдвинули ИКЛ и коалиционная партия, и желание Маннергейма видеть его премьер-министром не сви-

детельствует об очень уж большом понимании парламентаризма и существующей обстановки. Говорят, что Таннера Маннергейм не хотел бы видеть премьер-министром, но что-то никто не слышал, чтобы сам Таннер от этого отказывался...

Хельсинки, 11.8.1944

В конечном счете в правление компании по сплаву леса* попали Антти и Калле**, и, поскольку мне тоже надо «сплавлять бревна», я сегодня посетил последнего, чтобы договориться о сотрудничестве, каковое благожелательно и было обещано. Пока неясно, удастся ли привести плот в конечный пункт. Ветры, правда, кажется, попутные, и воды довольно спокойные. Но и Антти, и Калле — слабоватые господа... Юхо Кусти, говорят, остается недоверчивым пессимистом, ну да это ему вообще свойственно...

Отец

* Подразумевается назначенное 8 августа правительство Хакцеля.

** Хакцель и Энкель.

детельствует об очень уж большом понимании парламентаризма и существующей обстановки. Говорят, что Таннера Маннергейм не хотел бы видеть премьер-министром, но что-то никто не слышал, чтобы сам Таннер от этого отказывался...

Хельсинки, 11.8.1944

В конечном счете в правление компании по сплаву леса * попали Антти и Калле **, и, поскольку мне тоже надо «сплавлять бревна», я сегодня посетил последнего, чтобы договориться о сотрудничестве, каковое благожелательно и было обещано. Пока неясно, удастся ли привести плот в конечный пункт. Ветры, правда, кажется, попутные, и воды довольно спокойные. Но и Антти, и Калле — слабоватые господа... Юхо Кусти, говорят, остается недоверчивым пессимистом, ну да это ему вообще свойственно...

Отец

* Подразумевается назначенное 8 августа правительство Хакцеля.

** Хакцель и Энкель.

МИР

«Академия», 23.8.1944

Дорогой Тапио!

Из-за нерегулярной работы дипломатической почты мои эпистолы стали доходить до тебя порядком прокисшими. Но писать их все же следует, хотя бы ради того, чтобы осветить преемственность событий, а в будущем они станут важным подспорьем для оценки происходящих процессов, безрассудства и глупости людей. Поэтому и сейчас я расскажу несколько подробнее о нынешней обстановке, хотя в ближайшие дни ситуация может коренным образом измениться.

Отличительная черта данного момента — политические недомолвки и всевозможные слухи о мире. Одни верят, что мир будет заключен буквально в ближайшие дни, другие же устали его ждать. Говорят, что фракция шведской партии даже обсуждала, не следует ли отозвать фон Борна из правительства, которое не проявляет никакой активности в этом направлении. Я же верю, что таинственная тишина означает нечто такое, о чем заранее говорить нельзя, — зондирование возможностей мира. Это было бы весьма в духе Маннергейма. Хотя, с другой стороны, его неустойчивость и подверженность влиянию извне («зимняя война!») могут поколебать веру в твердость его характера и в его готовность отвечать за смелые действия. Как бы там ни было, именно сегодня эти раздумья получили некое подтверждение: несмотря на визит Кейтеля^{1*}, страна наша все же довольно быстро идет к миру. Об этом свидетельствуют заседание комиссии по иностранным делам и доклад полковника Паасонена.

В комиссии по иностранным делам впервые выступал новый министр иностранных дел Энкель. Присутствовали также Хакцель и Хюнинен, которого так и не сделали заместителем министра иностранных дел. На весьма по-

* Имеется в виду визит фельдмаршала Кейтеля к Маннергейму 17.8.1944 г.

«средственном финском языке Энкель зачитал довольно длинный доклад о текущем моменте... По мнению многих (и моему собственному), он был выдержан в пессимистическом духе. Не говорит ли это в пользу переговоров о мире! И представитель коалиционной партии Икола сразу же обвинил правительство в стремлении представить дела в мрачном свете. Представители Аграрного союза помалкивали. Видно, что они не в восторге от нынешнего правительства и догадываются о его тайных намерениях заключить мир. Дискуссия была не слишком глубокой. Вопросы о мире не затронул никто.

А позднее днем сегодня в присутствии большой безмолвной аудитории состоялся доклад Паасонена. Он попросил не выносить услышанное за пределы собравшегося круга людей и не делать никаких замечаний, а затем зачитал доклад о военно-политической обстановке. Мне показалось, что текст доклада подвергался весьма основательной правке. Чувствовалось, что за спиной Паасонена этим театральным представлением руководит более высокий человек². Короче говоря, доклад свидетельствовал о том, что дела Германии на всех направлениях катятся в тартарары, а силы Советского Союза, несмотря на все потери, неисчерпаемы. Мы не были оставлены в неведении относительно конечного результата войны, хотя, естественно, было сказано, что через месяц-два обстановка может быть совсем иной (например, еще хуже — этого не было сказано, но можно было понять). И я, и многие другие так и остались при том мнении, что подобным образом парламент пытаются подготовить к неизбежному...

*Парламент, 24.8.1944
(продолжение)*

Сегодня утром состоялось собрание фракции. Министр Алекси Аалтонен рассказал о том, что делается в комиссии правительства по иностранным делам. Относительно визита Кейтеля он сказал, что президент ни единым словом не обмолвился о нем членам правительства, заявив лишь, что рассматривает беседы с Кейтелем как «персональные». И все же удалось узнать, что Кейтель многословно расписывал военные возможности Германии, а маршал проинформировал его о положении Финляндии. Подготовка к

заключению мира продвигается медленно, так как маршал — весьма основательный человек (как и Энкель). Фракция единодушно констатировала, что она по-прежнему выступает за быстрое заключение мира и предложила своим представителям в правительстве действовать в этом же направлении...

Масла в огонь подлили события в Румынии³. Они, очевидно, будут иметь стимулирующее воздействие и на финляндские дела. Говорят, что вчера вечером маршал неожиданно прибыл в столицу и что парламент, который должен был бы собраться в среду, соберется уже во вторник. Думаю, что на будущей неделе что-нибудь станет известно и относительно Финляндии...

Тампере, Эммаус, 30.8.1944

Сегодня у нас было обычное заседание комиссии по иностранным делам. Энкель обратился с просьбой, чтобы «в связи с тем, что он охрип», начальнику канцелярии Хюнинену было позволено зачитать его доклад, и тем самым избавил себя от упражнения в чтении по-фински, что было бы равным образом мучительно как для него самого, так и для других...

После доклада слово взял премьер-министр Хакцель, и, потребовав безоговорочного сохранения всего дела в тайне (каковое требование я переадресовываю и тебе, поскольку убеждение, что представитель Финляндии в Швейцарии должен иметь верные сведения, позволяет мне рассказать тебе об этом), сообщил следующее (членам комиссии было запрещено делать записи).

Кейтель посетил Маннергейма и отметил, что положение Германии на Западе плохое, но на Востоке — никоим образом не безнадежное. Маннергейм подробно пояснил, что соглашение, заключенное президентом Рюти с Риббентропом, не отвечает требованиям конституции Финляндии, так как вопрос не был представлен парламенту, и таким образом оно не связывает нового президента. Маннергейм просил Кейтеля довести это до сведения Гитлера.

Немцы (и в Хельсинки, и в Берлине) не пожелали этому поверить. Они утверждают, что соглашение связывает Финляндию с Германией «на жизнь и на смерть», поскольку это соглашение государств, а не личностей... Говорят

даже, что беседы Маннергейма с Кейтелем — это всего лишь разговоры между солдатами.

Поскольку создалось впечатление, что Гитлер не получил правильного представления относительно позиции Финляндии, изложенной Маннергеймом, Кивимяки было поручено довести точные сведения о ней до такого высокого уровня в Германии, какой только будет возможным. Кивимяки попытался выполнить это поручение, но поставленной цели не достиг, в связи с чем получил указание сделать новую попытку. Ответ от него ожидается «сегодня или завтра». Вот к чему мы успели прийти за время пребывания у власти нового президента. Темпы не предвещают ничего хорошего, но продолжаем надеяться.

Эта история Кейтеля с Маннергеймом еще не все. Нас поразили сообщения о том, что, хотя в законе о форме правления⁴ четко сказано, что президент принимает решения в Государственном совете и что они должны быть заверены соответствующим министром⁵, решение Рюти, которое было принято в Государственном совете при том, что меньшинство совета выступило против него и требовало представления вопроса парламенту, не было никем подписано и, таким образом, оказалось (как сказал Хакцель) «частной бумагой», связывающей лишь самого президента на время его пребывания на этом посту, или «незаконной бумагой» (как заметил я). Говорят, что Рюти специально устроил все таким образом, чтобы страна отделалась бы от соглашения после его ухода с поста президента (то есть что немцев надо было провести)...

Таковы вкратце события... Дискуссии по-настоящему не было. Лишь Линкомиес успел констатировать, что министры, которые присутствовали на том заседании, где президент принял решение, ответственны за него и свою ответственность признают.

Все это войдет в историю и в свое время будет рассматриваться. Лишь теперь стало ясно, что курс в Финляндии на самом деле изменился.

4.9.1944

Из выслушанного нами сегодня правительственного сообщения стало ясно, что после того, как парламент позавчера определил свою позицию, в быстром темпе последо-

вали меры, цель которых — вывести Финляндию из войны. Добрым предзнаменованием, видимо, можно считать то, что сегодня утром объявлено о прекращении военных действий. Правительство также назначило членов делегации, которая должна ехать в Москву, и их отъезд может теперь состояться в любое время. В отношении состава этой делегации в парламентских кругах выражались пожелания, чтобы он хотя бы частично носил отпечаток парламентаризма. Хотя делегации, видимо, будут даны сравнительно широкие полномочия, есть основание выразить надежду, что парламент и далее будет оставаться в курсе дела.

«Академия», 14.9.1944

Две недели прошло с тех пор, как я последний раз писал тебе письмо в Тампере. События, которые произошли за это время, известны тебе не хуже, чем мне: здесь втихомолку велись с русскими переговоры о перемирии, и оно фактически действует. Затем принялись формировать делегацию для поездки в Москву, и сейчас она уже там. Попытаюсь все же из-за кулис представить тебе в хронологической последовательности картину всех этих событий.

В субботу 2 сентября в 6 часов вечера парламент был созван на закрытое заседание. Хакцель выступил с большой речью, которая была затем (в слегка сокращенном виде) передана по радио и опубликована в газетах и которую нет нужды подробно излагать. В ней, в частности, было сказано, что решающая победа союзников теперь уже не за горами, что «взаимоотношения Финляндии и Германии изменились», «Германия теперь стремится не к победе, а к миру на основе компромисса», «скоро Германия, видимо, оставит нас одних» и т. д. «Соглашение, заключенное Рюти с Германией, было его частным делом и не связывает нынешнего президента республики, о чем доведено до сведения Германии», «Швеция обещала поставлять зерно вплоть до урожая 1945 г.» «Поскольку установлено, что Советский Союз теперь не требует от нас безоговорочной капитуляции, а его ответ на предложение Финляндии начать переговоры о мире одобрен союзниками, правительство единогласно решило начать без промедления подготовку к заключению мира и обращается к Германии с

просьбой вывести свои войска с тем, чтобы территория Финляндии более не использовалась Германией для военных целей. Маршал придерживается того же мнения, что и правительство».

Парламент сделал небольшой перерыв, а затем собрался на новое заседание. Ответ нашей фракции на просьбу правительства о доверии подготовили по ее поручению Таннер, Рейникайнен и я на основе проекта, заранее составленного Таннером, из которого были выброшены восхваления Германии и т. п. Документ зачитал в парламенте Рейникайнен. Ты, пожалуй, не знаешь, что в парламенте была сильная прогерманская оппозиция (часть представителей коалиционной партии во главе с Пааво Вирккуненом, ИКЛ и значительная часть представителей Аграрного союза). Голосование дало 108 голосов за доверие и 45 против (многие депутаты не успели вовремя прибыть в столицу).

Для того чтобы как-то укрепить свои позиции и получить единодушную поддержку парламента, правительство организовало в понедельник 4 сентября новое закрытое заседание парламента. Чтобы иметь повод для выступления, премьер-министр информировал о нашей внешнеполитической совещательной комиссии, созданной еще при Рамсае, и ее «важной» для будущего мира работе, откорректировал затем сведения об условиях перемирия в том плане, что Финляндия должна будет до 15 сентября интернировать находящихся в Финляндии немцев для передачи их союзникам (то есть Советскому Союзу), сообщил состав выезжающей в Москву делегации (в котором произошла перемена, так как вместо полковника Паасонена поехал генерал Хейнрикс), представил сведения об эвакуации той части населения финляндской Карелии, которая остается за границей Московского мира, сообщил о мерах против финляндских нацистов и их газет и в заключение воздал хвалу доверию (!), которое оказали правительству крупные общественные организации (Союз братьев по оружию, Союз офицеров резерва и Академическое Карельское общество). А затем попросил вотума доверия. И снова фракция уполномочила Таннера, Рейникайнена и меня составить ответ, и снова Таннер успел подготовить проект. Он с болезненным упорством блюдет свое положение. И снова пришлось выбрасывать из его текста запугивание тем, что сделает могучая Германия, и славословие в адрес

этих новых крупных организаций (которые стремятся отстранить старые политические партии).

В парламенте наше заявление оказалось единственным выступлением. Представил его Таннер. Так как других выступлений было, Хаккила констатировал, что парламент единогласно принял простой переход к повестке дня. И делегация смогла после этого (вечером 6 сентября) отправиться в Москву, будучи наделенной доверием «единодушного» парламента!

И вот теперь, когда за целую неделю из Москвы ничего не поступило, представители правой оппозиции издеваются по поводу того, что излишняя спешка, похоже, принесла плохие результаты. Серьезное беспокойство существует и относительно дальнего Севера, откуда немцы обещали уйти и вывезли много снаряжения. Но их главные силы не успевают отойти в срок и поэтому занимают оборонительные позиции, чтобы отступать с боями. В связи с этим на Севере начата обширная эвакуация, о чем подробнее ты можешь прочитать в шведских газетах, в которых вообще много пишут о Финляндии. Правая оппозиция ожидает на Севере большой неразберихи, и что-то там действительно произойдет, так как Германия и Советский Союз по-прежнему воюют, причем военные действия смещаются то на восток, то на запад, и это происходит и на той части Финляндии, которая была передана в распоряжение немцев и которая не входит в территорию, подпадающую под перемирие. Вывод: русские могут оккупировать Северную Финляндию, и здесь боятся, что Советский Союз заберет всю эту часть страны вплоть до Оулуйоки⁶. Это сейчас в Финляндии — вопрос дня.

Заседание комиссии по иностранным делам Среда 13.9.1944

Министр иностранных дел Энкель докладывает обстановку. Делает широкий обзор откликов иностранных газет на новую мирную политику Финляндии. Шведские, швейцарские, испанские, португальские газеты публикуют заявления, исключительно благожелательные в отношении Финляндии. Когда было упомянуто заявление «Нойе цюрихер цайтунг» о том, что спешка вовсе не была бы выгодной для Финляндии, Таннер (который при этом присут-

ствовал, как, впрочем весь состав комиссии, а также председатель и вице-председатели парламента) не удержался от выкрика: «Вот именно!».

Затем были выслушаны новости из Москвы. В понедельник 4 сентября премьер-министр Хакцель сообщил в парламенте о «мирном походе» в Москву. 7 сентября делегация прибыла туда. 8 сентября Хакцель был у Молотова, но время начала переговоров определено не было...

Относительно обстановки в Северной Финляндии были сообщены следующие сведения: главнокомандующий счел необходимым эвакуировать население Северной Финляндии, опасаясь, что она может стать театром военных действий. Запросили Швецию, сможет ли она принять сто тысяч эвакуированных, на что шведы дали положительный ответ.

*Парламент Финляндии,
13.9.1944*

Теперь я могу просветить тебя несколько подробнее, чем вчера. В приложении — новости из комиссии по иностранным делам. Этот реферат я написал сразу после заседания для твоей коллекции писем... После того как министр ушел с заседания комиссии... состоялась интересная дискуссия. Ниукканен рассказал, что главнокомандующий договорился о том, что финляндские войска по условиям перемирия должны быть не позже 20 сентября отведены на границу, установленную Московским миром. Сейчас финны как раз взрывают свои укрепления на побережье Ладожского озера и вывозят оттуда тяжелые орудия. По мнению Ниукканена, здесь речь идет о самовольной, вопреки конституции, передаче противнику территории Финляндии. На это ему ответили, что направление военных операций определяет главнокомандующий. Вопрос о передаче территории противнику решается лишь в связи с заключением мира, а не в связи с военными операциями. Аналогичная дискуссия возникла и по поводу обстановки в Северной Финляндии. Поскольку было высказано опасение, что русские вслед за немцами вторгнутся туда, было указано, что и это — военный вопрос. Когда немцы получили возможность вступать в Северную Финляндию и оттуда напали на Советский Союз, Северная Финляндия факти-

чески стала районом военных действий. И нельзя исходить из того, что русские, сражаясь против немцев и преследуя их, вдруг остановились бы, подойдя к границе Финляндии, тем более что на данный момент они формально находятся еще в состоянии войны с Финляндией, а заключенное перемирие вообще не касается Северной Финляндии. Иными словами, русские могут поступать так, как захотят, до тех пор, пока на сей счет не будет достигнуто иной договоренности, либо в связи с перемирием, либо в связи с заключением мира. А теперь к тому же Финляндия обязана интернировать саксманов, находящихся в северной части страны, и если она это сделать не сможет, то тем самым позволит этим заняться русским. То есть в Северной Финляндии определенно предстоят большие осложнения.

Политическая обстановка здесь весьма напряженная, и в парламенте многие ворчат. Физиономии у сторонников Таннера довольные, так как они считают, что дела ведутся не лучше, чем в период их господства...

ДНЕВНИК

Пятница 3.11.1944

В парламенте состоялось третье чтение законопроекта о роспуске шюцкора. Хейниэ не удержался от благодарственной речи в адрес шюцкора, что побудило Калле Йокинена встать и заявить, что рабочий класс Финляндии радуется роспуску этой вооруженной организации. Вот чего добился своей провокацией Хейниэ! Но мог ли представить себе Калле Йокинен, какое политическое значение имело его выступление, да и стал бы он изливать свои чувства, если бы предвидел последствия!

С середины заседания ушел Хаккила, и его место занял Таркканен. Когда со своего места ушел и Таннер, мне пришло в голову, что их призвало какое-то общее дело. Не видя Фагерхольма, я спросил, был ли он на заседании, и мне сказали, что он ушел с Таннером. Ага, подумал я, значит, речь идет о деле Вуори и Фагерхольма. Когда я уходил с заседания, депутат от Аграрного союза Кирра подошел и спросил, уходят ли Вуори и Фагерхольм в отставку...

Если бы Вуори и Фагерхольм проявили себя как люди с твердым характером, то довели бы дело до конца — до

развала нынешнего правительства и создания нового кабинета во главе с Паасикиви. Лучше всего не останавливаться на полпути, так как все равно придется что-то делать позднее, когда ситуация может оказаться более сложной, чем сейчас. Дело в том, что если не добиться ясности сейчас, то не останется ничего иного, как проводить новые выборы президента и менять курс так, чтобы «буржуи» это поняли.

Конец дня был еще более примечательным, чем его первая половина. В 16 часов собралась подготовительная комиссия фракции... Вуори изложил вопрос, касающийся его и Фагерхольма. Он рассказал, что на повестку дня был поставлен вопрос о пополнении состава министров. Целью было ввести таким путем в правительство Паасикиви, который отнесся к этому отрицательно, но поначалу, безусловно, не отказывался. Затем все это дело превратилось в некое маневрирование, и в конце концов Паасикиви отказался. Небезразлично, каким будет состав правительства. Поскольку в его действиях нет целеустремленности и оно не может добиться доверительных отношений с Советским Союзом, Вуори и Фагерхольму трудно в нем оставаться. Поэтому 1 ноября в ходе «вечерней школы»⁷ правительства они в устной форме заявили о своем выходе из него.

Таннер изложил свою известную формулу, согласно которой фракция не имеет никаких претензий к той деятельности, которую Фагерхольм и Вуори до сих пор проводили в правительстве. И этого, дескать, достаточно. Пеккала выступил за отставку всего правительства и создание нового. Я упрекнул Вуори и Фагерхольма за колебания. Они должны либо оставаться в правительстве, либо выйти из него, но не годится, чтобы они неделями ходили во фракцию жаловаться на правительство и тем самым осложняли его и без того трудное положение. Поскольку я считаю, что правительство, сформированное в духе риббентроповских традиций⁸, счастья стране не принесет, и все недовольны тем, как правит Кастрен⁹, следовало бы провести обширную операцию, и чем быстрее, тем лучше. Фагерхольм и Вуори могли бы своими делами оказать более полезное влияние, нежели разговорами. Так как в ходе дискуссии сторонники статус-кво ссылались на то, что прежде, чем совершать «ремонт» правительства, следует знать его новых членов и что более важно, чтобы правительство пользовалось доверием не Жданова¹⁰, а парламен-

та и народа, мне представилась возможность заявить, что до сих пор выбор членов правительства был делом мистическим, но теперь-то о них становится известно несколько больше, как, например, о Паасикиви. Что же касается доверия парламента и народа, то им пользовались все правительства, состоявшие из честных граждан Финляндии, до тех пор пока их авторитет не подрывали их же собственные дела. Так будет и теперь. Много было и других разговоров, но позиции оказались непримиримыми. Хилтунен заявил о своей уверенности в том, что цель Советского Союза — военное и экономическое уничтожение Финляндии, и эта цель не изменится, даже если будет сменено правительство (было высказано и такое мнение!). Проголосовали и констатировали, что сначала победили те, кто хотел частичного «ремонта» правительства (и был против полного «ремонта»), а затем единогласно против Таннера, который в одиночку остался при том мнении, что никакого «ремонта» не нужно.

Стало известно, что накануне в 4 часа ночи на мосту Лауттасаари прозвучали четыре выстрела и был убит русский капитан¹¹, в связи с чем Жданов предъявил ультиматум, в соответствии с которым, если не будет наведен порядок и наказаны военные преступники, Советский Союз позаботится об этом¹².

Вторник 7.11.1944

Если предыдущие дни были тихими, то этот день был полон политического кипения.

В 15 часов состоялось заседание парламента, а после него собрание фракции по вопросу о Вуори и Фагерхольме.

Таннер изложил дело в своем нынешнем кисло-горьком стиле... Он признал, что вопрос о правительстве зашел так далеко, что половинчатые меры, пожалуй, более не помогут. Правительство-де и само испортило все дело, преждевременно затеяв пополнение своего состава. Говорят, что оппозиция (а она становится признанным фактором государственной жизни!) хотела бы заполнить правительство людьми из общества «Финляндия—Советский Союз»¹³. Премьер-министром стал бы Паасикиви либо Кекконен, министром иностранных дел Свенто, министром финансов Хелло (выкрики: «Ого!» «Не станет!»), а затем Кильпи, Пеккала, Кето. Все это — «удивительные» кандидаты, за

которыми нет никакой партии. А социал-демократическая партия была бы, следовательно, представлена совсем слабо. Стоит спросить, будет ли такое правительство пользоваться доверием народа и парламента...

Вуори длинно говорил о деятельности правительства и своем положении в нем и пришел к своему старому выводу, согласно которому нынешнее правительство не способно выполнять стоящие перед ним задачи и наладить доверительное сотрудничество с Контрольной Комиссией. Он снова сказал, что условий для того, чтобы он и Фагерхольм продолжали оставаться в правительстве, нет...

(Это было ясное решение уйти в отставку. Фагерхольм еще раньше рассказал мне, что Маннергейм в субботу вызвал Вуори и его на совещание и угрожал отставкой, если уйдут в отставку они. А вообще-то, сказал Фагерхольм, он не верит, что Маннергейм, если даже и не уйдет в отставку, просидит долго, таким изможденным он выглядел.)

Пеккала сообщил, что Кастрен пригласил его к себе и предложил ему второе дополнительное место в правительстве. Пеккала ответил, что нужен более значительный «ремонт», но обещал дать окончательный ответ лишь после того, как доложит этот вопрос фракции. Он заявил также, что не намерен пополнить собою правительство, даже если бы фракция этого захотела. Ввернул тут же, что не хотел бы доводить дело до оккупации...

Манснер сделал коварное заявление, сказав, что оппозиция хочет осуществить смену правительства до съезда партии и выборов с тем, чтобы поставить народ перед свершившимся фактом и заставить смириться с чем угодно (!). «Ремонт» правительства следует отложить на период после выборов и «поспешать медленно». (Как будто коммунисты станут ждать, какие маневры предпримут социал-демократы...)

Вуори жестко заявил, что теперь социал-демократической партии самой придется отвечать за сложившееся положение. Она находится в изоляции, что не встречает никакого понимания за рубежом...

Таннер: аргументы уходящих в отставку слабы. Ведь в отношении условий мира лояльны все. (На словах, но где дела!)

Виртанен: правительство нужно обновить, но не заходя слишком далеко влево, до коммунистов. (Хаккила поблагодарил Виртанена: вот до чего дело дошло.)

Таннер резюмировал дискуссию и предложил создать делегацию в прежнем составе: Таннер, Рейникайнен, Войонмаа.

Так и решили. Следующее собрание завтра в 18 часов.

Среда 8.11.1944

Сегодня состоялись два важных собрания. В 11 часов заседание комиссии по иностранным делам, на котором Мартола сделал доклад о текущем моменте, главным образом о том, как развиваются отношения между Финляндией и Советским Союзом. В вопросе о репарациях Советский Союз потребовал установления цен по уровню 1938 г., что в немыслимой степени увеличило бы количество подлежащих поставке товаров. Продукция лесной промышленности могла бы составить лишь одну пятую всех поставок, а остальное — продукция металлообрабатывающей промышленности. Так как 30 процентов сырья и полуфабрикатов нам нужно будет ввозить из-за границы, придется платить за них высокие цены, а за свои изделия получать по низким ценам. Все это приводит к нонсенсу. Состав армии мирного времени будет 37 тысяч человек. Более или менее определились и границы Порккала¹⁴.

По вопросу об отношениях Финляндии с другими иностранными государствами было сказано, что, очевидно, под воздействием Советского Союза и Англии они пока не хотят устанавливать с Финляндией дипломатических отношений...

Вечером, в 15 часов, в здании парламента состоялось намеченное вчера заседание представителей фракций. Хорелли и Таркканен был явно за то, чтобы заполнить в правительстве освободившиеся места, но чтобы в остальном оно осталось тем же. Я лишил их надежд на то, что от вопроса можно отделаться, закрыв образовавшуюся брешь. Социал-демократы не хотят быть в правительстве в компании с «риббентроповцами».

Кукконен внес ясность в вопрос, упомянув имя Паасикиви. На этом сошлись многие: Линкомиес, Ниукканен, я, кажется, Рейникайнен, а также представители шведской партии. Удачно выступил Сэдерельм: после того как Паасикиви отказался, а Вуори и Фагерхольм 7.11.1944 вышли в отставку, у нас уже налицо правительственный кризис.

Тем самым нынешнее правительство скомпрометировано в глазах русских... Ниукканен также высказался за Паасикиви, так как через него взаимоотношения с Советским Союзом смогли бы получить новый импульс. Нынешнее же положение, когда отношения сводятся к обмену нотами, противостоит естественно. В практических делах Паасикиви немного путается, но вообще-то подходит...

Четверг 9.11.1944

На 17 часов под председательством Рейникайнена была созвана фракция. Таннер и на сей раз не появился. Рейникайнен доложил о заседании делегации, упомянул о том, что Кукконен предложил Паасикиви, и положительно высказался о последнем. Хаккила подчеркнул проявленное делегацией согласие...

Когда я вернулся через три четверти часа во фракцию, разговор там шел уже не о Паасикиви, а о том, кому следовало бы стать «заместителем премьер-министра» — Вуори или Пеккала. Последний, кажется, получил подавляющую поддержку. «Большинство» фракции было на этот раз тише воды, ниже травы и лишь шептало о том, что ему следовало бы получить свою долю тех мест, которые будут предоставлены в будущем правительстве социал-демократам, и что в правительстве фракция должна иметь такое число министров, которое отвечает ее составу.

Пятница 10.11.1944

В 12 часов в комнате президиума парламента собралась делегация представителей фракций, чтобы заслушать их сообщения. Рейникайнен заявил, что, как констатировали социал-демократы, после ухода из правительства Вуори и Фагерхольма оттуда уйдут и остальные их представители. То есть фракция считает важным, чтобы было сформировано новое правительство во главе с Паасикиви.

Кукконен сказал, что Аграрный союз не имеет претензий к нынешнему правительству, но все же уступает при условии, что новое правительство (премьер и министры) будет пользоваться доверием парламента.

Хорелли: по мнению коалиционной партии, создание нового правительства не в интересах страны. Но поскольку дело неизбежно идет к этому, Паасикиви — наиболее подходящий кандидат...

Эстерхольм сообщил, что фракция шведской партии может поддержать кандидатуру Паасикиви при условии, что будет назначен заместитель премьера.

Хейниэ заявил, что считает Паасикиви старым и слабым и поэтому занимает по отношению к нему в целом отрицательную позицию.

Хаккила констатировал, что кандидатура Паасикиви поддержана, и предложил обсудить, какие шаги теперь следовало бы предпринять.

Было решено послать делегацию (Хаккила, Хорелли, Кукконен), чтобы выяснить позицию Паасикиви, а сразу же после начинающегося в 14 часов заседания парламента собраться и заслушать сообщение делегации.

Через час-полтора все снова собрались, и делегация сообщила, что Паасикиви бодр, в хорошем настроении и, слегка поломавшись, дал согласие. Ему было сообщено относительно предложений социал-демократов и шведов, касающихся заместителя премьер-министра, и прочие вещи...

Итак, как я понимаю, может быть, еще в субботу вечером, либо в воскресенье, или же в крайнем случае в начале следующей неделе у нас будет новое правительство. Хотелось бы, чтобы почетный председатель Общества «Финляндия—Советский Союз», который столь смело пошел на сотрудничество с Маури Рюэмя, Хело и им подобными, проявил бы теперь решительность и смелость при формировании такого правительства, которому подчинились бы и коммунисты. Хотелось бы еще, чтобы Паасикиви реализовал свои похвалы в адрес Свенто и сделал бы его министром иностранных дел, а Хело — министром финансов. Полагаю, что Пеккала он возьмет к себе, равно как это можно предположить в отношении Вуори и Фагерхольма. Но весьма побаиваюсь, что примерно на этом все и остановится. Когда Паасикиви будет говорить с Маннергеймом, тот, конечно, попытается оставить в новом правительстве как можно больше людей из прежнего и своих фаворитов. Энкеля он должен оставить, как и Мартола, но вот с «риббентроповцем» Вальденом дело уже труднее. На это несомненно влияет и то, что путем сохранения «риббентро-

повцев» в правительстве делается попытка уберечь их (да, пожалуй, и других высокопоставленных лиц) от возможной угрозы привлечения их к ответственности как военных преступников. Правда, в разговорах со мной Паасикиви не раз отправлял их всех на виселицу. Но все-таки я уверен, что, когда «дойдет до дела», он очень во многом пойдет на уступки, чем (печально это предсказывать) подготовит путь для еще одного правительства, в котором уже не увидишь ни буржуазных, ни социал-демократических оттенков...

Вторник 14.11.1944

Во вторник парламент собрался в 15 часов, и политическая жизнь возобновилась. После пятницы о формировании правительства не было слышно ни звука, и я ничего не узнал на этот счет кроме того, что в субботу председатели фракций поодиночке побывали по вызову у Маннергейма, который в шутку, хотя и не без издевки, сказал, что, как он вычитал в газетах, в парламенте, кажется, принялись менять правительство и, желая облегчить президенту его заботы, выдвинули кандидата на пост премьер-министра. Он выслушал мнения фракций, но своей позиции не изложил.

Сразу после заседания собралась делегация представителей фракций. Хаккила предоставил председателям фракций рассказать об их визитах к президенту. Сам Хаккила встречался с Паасикиви, который сказал, что было бы лучше, если бы смена правительства произошла после выборов. Но коль скоро правительство формируется теперь, он составил несколько (до десятка) списков и считает, что в них следует включить представителей «шестерки» и даже коммунистов. Хаккила в осторожной форме представил составленный Паасикиви список, явно считая опасной его попытку взять в правительство так много представителей крайних.

Таннер не скрывал своего отрицательного отношения: следует-де создать такое правительство, которое пользовалось бы доверием парламента, а не Контрольной Комиссии... И вся компания встала на его позицию, даже Линкомнес. Я в единственном числе отстаивал Паасикиви и выразил сожаление по поводу того, что к его попытке от-

неслись столь высокомерно. Примерно в том же направлении выступил и Рейникайнен, сказав, что не следует бросать Паасикиви сейчас, когда Таннер решил загубить начатое тем дело. Но представители буржуазных партий уже восстали против Паасикиви.

Это проявилось и на собрании фракции, которое состоялось вечером, в 17 часов. Таннер резюмировал, каким образом под нажимом двух членов фракции был создан нынешний кризис. Поступили тревожные сведения относительно того направления, в котором идет формирование правительства... Правительство Паасикиви планируется сделать неким служебным кабинетом, который просуществовал бы до выборов. Но в таком нет нужды. Наметки Паасикиви значительно отличаются от намерений фракции. Из нынешнего правительства осталось бы семь человек, а затем пришли бы два представителя «шестерки», два коммуниста и много представителей от социал-демократической оппозиции, а большинству пришлось бы довольствоваться одним местом (ропот во фракции)...

На Паасикиви оказывают-де давление, не дают свободы действий. Фракции следует оставаться на позициях парламентаризма (вот так-то заговорил новый герой парламентаризма!), и, прежде чем дать согласие на вхождение своих членов в правительство, она оставляет за собой право ознакомиться с окончательным списком (если быть точным, то позиция Таннера ведет к бессмыслице, так как составление «окончательного» списка само по себе предполагает и наличие согласия фракции).

На этом, конечно, дело без всякого обсуждения и остановилось... Будет несчастьем для страны, если Паасикиви откажется.

Среда 15.11.1944

Состоялось собрание фракции. Докладывал Таннер. Он побывал у президента, которому Паасикиви пояснил, что составлял список, имея в виду вероятные результаты выборов. Он включил в список 10 представителей буржуазных партий и 8 «не буржуев». Из прежнего состава правительства в нем осталось бы восемь, остальные были бы новыми. Рабочих представляли бы трое крайне левых (двое от «шестерки» плюс один коммунист) и пятеро про-

чих (Вуори, Фагерхольм, Пеккала, Свенто, Хилтунен). Паасикиви не были известны позиции этих пяти, но он взял Пеккала, так как о многом советовался с ним, а Свенто он считает экспертом в области внешней политики. Считает он важным и участие Хело, но тот в одиночку не пошел, а захотел, чтобы вместе с ним был второй представитель «шестерки». Коммуниста надо взять, имея в виду предстоящие выборы, так как они определенно будут представлены в парламенте...

Дискуссия была интересной. Лепистэ, Линна, Салмела-Ярвинен, Миина Силланпяя и т. п. более или менее открыто выступили за то, чтобы ни коммунистов, ни представителей «шестерки» в правительство не допускать, а то они преуспеют на выборах. Однако большинство выступавших были за «шестерку», а кое-кто и за коммунистов.

Рейникайнен предложил дать Паасикиви сформировать правительство, а затем, когда список будет готов, решить, как с ним быть (то есть позиция Таннера, хотя и в положительном плане). Я предложил, чтобы Паасикиви получил возможность составить свой список и, если он будет для нас подходящим, сразу же его одобрить (представители «шестерки» и коммунисты должны присутствовать, так как нашими кандидатами являются социал-демократы, и, хотя они, может быть, в некоторых вопросах не представляют большинство, в нынешних условиях они могут оказать стране большую услугу, чем представители большинства). Но фракция 36 голосами против 16 решила занять выжидательную позицию и зарезервировала для возможного принятия решения завтрашний вечер.

А завтра, пожалуй, нам придется услышать, что Паасикиви отказался, и Таннер, следовательно, победил!!!

Четверг 16.11.1944

Список правительства Паасикиви готов. В 18 часов он был представлен подготовительной комиссией социал-демократической фракции. Список был следующим: премьер — Паасикиви, вице-премьер — Пеккала, юстиция — Кекконен, внутренние дела — Хиллиля, сельское хозяйство — Вестеринен, торговля — Гартц, пути сообщения — Вуори, финансы — Хело и Тэригрен, социальные дела — Такки и Хилтунен, просвещение — Кауппи, снабжение — Ютила и

Аура, оборона — Вальден, иностранные дела — Энкель и Свенто. Возможно, 1 коммунист. Итак, 10 «буржуев» плюс 8 остальных, из них — 6 членов социал-демократической партии плюс Хело плюс один коммунист. Из социал-демократов Пеккала, Вуори и Свенто принадлежат к оппозиции (плюс Хело и коммунист). Было решено предложить Фагерхольма, например, вместо Аура (если на это пойдет Паасикиви). Фракция единогласно сошлась на том же. Так разрядилось напряжение, которое нами владело. Несомненно, то большое значение, которое приобрела оппозиция, выгодно скажется в ее пользу и на съезде партии.

Пятница 17.11.1944

В парламенте стал известен окончательный состав нового правительства Паасикиви, который значительно отличается от предыдущего списка...¹⁵ В социал-демократической фракции были несколько растеряны в связи с таким результатом, так как высказывалось пожелание ввести в правительство, если только позволят вакансии, Фагерхольма, а получилось как раз наоборот...

Четверг 30.11.1944

Как-то незаметно проскочила вторая половина ноября. Причиной перерыва в ведении дневника оказались происшедшие за это время крупные события в рабочем движении, в том числе... съезд социал-демократической партии, начавшийся в субботу 25 ноября...

Господствовал там таннерский дух, хотя оппозиция оказалась крепче, чем я мог бы себе представить, и не только в количественном, но и в качественном отношении; например, Калле Йокинен из Перниэ был решительным и бесстрашным лидером оппозиции, раз за разом поднимался на трибуну и прекрасно действовал в качестве одного из председателей съезда. Другим столь же бесстрашным фронтовиком был Пекконен из Нокиа (из моего избирательного округа!). В начале съезда таннерцы были пренебрежительно высокомерны. Они изъявили согласие принять «шестерку» обратно в партию лишь в том случае, если те проявят раскаяние и готовность исправиться, по-

скольку для их исключения были-де «основательные причины». Полностью была одобрена военная политика таннерцев. В конце съезда мне довелось войти в зал как раз тогда, когда Таннер выступал с докладом о внутренней и внешней политике. Хуже всего в нем было то, что он призывал к кровной вражде с коммунистами, которые распространяют в нашем обществе «яд» и на верность которых своей стране положиться нельзя. Да и вообще речь была выдержана в обычном тоне: следует стремиться к прежнему положению, надо отвергнуть всякое пресмыкательство, никаких обязательств, кроме условий перемирия у нас нет. Главная наша задача на выборах — разбить коммунистов.

Эта речь заставила Эйно Кильпи да и других членов оппозиции выступить с возражениями. С краткой речью выступил и я, заявив, что постигшее страну большое национальное бедствие должно быть проанализировано, так как в противном случае оно может повториться. Но сейчас не время и не место копаться в этом. Сейчас мы идем другим курсом, и должен воцариться дух мира и справедливости (о чем Таннер все-таки упомянул). Поскольку коммунисты теперь — узаконенная партия¹⁶, к ним надо относиться как к добропорядочным гражданам и судить о них по их делам.

Вечером 28 ноября нас ожидал большой сюрприз: при выборах исполкома партии был достигнут компромисс. Как теперь выяснилось, пожелание о нем тайком выразили члены партии из провинции, как «таннерцы» (которые усомнились в политике военного времени), так и представители оппозиции, то есть значительное большинство партии. Таннер отказался, и в исполком партии пришло таннерское большинство, но в основном слабохарактерный народ (как, например, новый председатель партии Хилтунен, о котором Сасу¹⁷ написал, что он, сидя на возу, отыскивает, куда бы и как свалиться помягче). В связи с чем представители оппозиции — Пеккала и пониженный до кандидата в члены исполкома бывший вице-председатель партии Я. В. Кето, Фагерхольм, натура несколько неопределенная, а также способный, хотя и неустойчивый Вуори, — когда того пожелают, смогут взять руководство исполкомом в свои руки, особенно в наиболее важных внешнеполитических вопросах, в которых они разбираются. Оппозиция, говорят, довольно легко пошла на предложенные условия, как, впрочем, и представители большин-

ства. И те и другие, очевидно, сочли более важным получить возможность оказывать влияние на выборах.

Как мне представляется, выборы явились блестящей победой оппозиции, если учитывать ее малочисленность и прочие возможности. Однако часть оппозиции осталась недовольной и обдумывает новые комбинации с «Демократическим союзом»¹⁸ Хело и Сундстрэма и входящими в него коммунистами. Другие же (к ним отношусь и я) предпочитают оставаться в качестве лояльной оппозиции в партии и, полагаясь на развитие обстановки и правоту своего дела, все больше завоевывать симпатии ее широких слоев.

А вообще-то все здесь бурлит. Социал-демократическая партия как бы застыла в прошлом и утратила свою фактическую дееспособность. Тем сильнее грохочут другие потоки, увлекая трудящиеся массы за собой. Здесь действуют: 1) коммунистическая партия; 2) Демократический союз, который основала большая часть «шестерки» (Вяйпэ Мелтти, Рюдберг, Хело, Сундстрэм, Маури Рюэмя) и к которому коммунистическая партия примкнула как союзник (имея в виду выборы); 3) социал-демократическая партия и 3а) социал-демократическая оппозиция и еще 4) Общество «Финляндия—Советский Союз». Печатных органов развелось, как грибов после дождя: выходят «Коммунисти»¹⁹ (журнал — я его еще не видел), «Вапаа сапа» — еженедельник Демократического союза, «Вапаа похьола» — еженедельник социал-демократической оппозиции (главный редактор Энсио Хилтонен). Есть еще и прогрессивный еженедельник «Вапаа канса», я совсем забыл упомянуть «СНС» — орган общества «Финляндия—Советский Союз»...

Практически каждый вечер, а иногда и дважды в день «Мессухалли» используется для политических надобностей... Если это не политический праздник или доклад, то танцы под огромный оркестр. И чего только не напишут в будущем историки об этом времени? Да и куда все эти потоки вынесут нас?

Говорят, выборы будут отложены. По-моему, они не будут иметь такого значения, как это сейчас представляется, так как большее значение сейчас имеют действия, и нет сомнения, что если тенденция к «сохранению прежнего положения» и восторжествует на выборах, то это не станет препятствием для того мощного потока, который тем сильнее, чем большее сопротивление ему оказывается. А следо-

вало бы лишь мудро направлять его в наилучшее для нас русло — такова моя доктрина...

И в заключение следует еще зафиксировать важное обстоятельство. В среду 29 ноября состоялось заседание комиссии парламента по иностранным делам. Присутствовали премьер-министр, министры иностранных дел и обычная аудитория (социал-демократы в основном отсутствовали, завершая свой съезд).

Паасикиви представил вопрос о репарациях в совершенно новом виде. Специалисты точно просчитали ежегодное производство нашей страны, внутреннее потребление, возможный экспорт и то, что после всего этого остается, из чего репарации и придется платить. Расчеты показывают, что 1945 и 1946 годы будут трудными, а затем станет легче. Относительно цен пришли к заключению, что большего не добиться: от цен 1938 г. русские не отступят, но они согласны, чтобы из этих 300 миллионов долларов 175 пришлось на поставки металлообрабатывающей промышленности (суда и т. п.) и 125 — на продукцию лесной промышленности. Согласованы также скидки в размере 15 процентов по первым и 10 процентов по вторым. Жданов, у которого Юхо Кусти провел два часа, беседуя с глазу на глаз, заметил, по-своему правильно, что если Финляндия могла тратить на военные действия по 1200 миллионов марок в месяц, то она, конечно же, сможет выплачивать в месяц 200 миллионов марок в счет репараций! Он также заметил, что если цены после войны упадут (а по сведениям Паасикиви, так и случилось после прошлой мировой войны, когда цена на лесоматериалы упала с 3600 до 1200 марок), то это пойдет на пользу Финляндии, так как Россия придерживается однажды обусловленных цен и не может следовать за западноевропейскими капиталистическими биржами, так как ее плановая экономика исходит из стабильных цен. Паасикиви, правда, сказал, что война с Японией может продлиться еще несколько лет и помешать стабилизации торговли и в Европе, но, во всяком случае, наше положение не такое плохое, как это предполагалось.

Хувилакату, 19.12.1944

Мои представления относительно политического положения страны таковы, что с момента прихода к власти

Паасикиви отношения с Советским Союзом значительно улучшились и пока что находятся в сравнительно хорошем состоянии. Вчера с Советским Союзом было подписано соглашение о порядке выплаты ему репараций. Оно в основном оказалось таким, как Паасикиви и Энкель представили его комиссии парламента по иностранным делам. (Я намерен приложить к этому письму ту часть своего дневника, которая относится к декабрю; она очень неполная, так как я ленился делать записи в дневник и так как дела здесь пребывали «в зимней спячке»). Убежден, что соглашение было бы хуже, если бы не Паасикиви. Это соглашение причинило так много хлопот, что Паасикиви забыл провести закон о чрезвычайных полномочиях правительства в области экономики с его запрещающей забастовки статьей, что было находкой для Таннера, так как дало ему возможность упрекнуть правительство в небрежном отношении к делу (сам Таннер всем сердцем за запрещение забастовок, но, заметив, что фракция резко настроена против этого, он обернул промах в заслугу себе и своим сторонникам).

Кажется, я уже писал тебе, что совесть подсказывает мне, пока не поздно, уйти из парламента и не выступать кандидатом на выборах. Ведь я депутат уже 25 лет. С начала осени я чувствую себя неважно, и глухота все усиливается, в связи с чем я боюсь, что уже по одной этой причине стану неудобен и сам себе, и тем, кто меня окружает. Но прежде всего возвращается интерес к литературному труду и желание посвятить остатки дней ему.

ДНЕВНИК

Среда 13.12.1944

...В известном смысле кульминационным моментом минувших двух недель был День независимости 6 декабря, когда на празднике в «Мессухалли» (где привлекло внимание отсутствие Маннергейма, хотя в первой половине дня он посетил братские могилы) Юхо Кусти Паасикиви выступил с речью, четко выдержанной в духе нового курса²⁰, получив за нее похвалы в большей части газет (если не во всех). Он ясно сказал, что наша цель — добиться прочных дружественных отношений с Советским Союзом...

Сегодня, в среду 13 декабря, состоялось заседание комиссии по иностранным делам. Энкель выступил с докладом о текущем моменте, в котором представил уточненные сведения по вопросу о репарациях... Затем он привел цифровые данные о возвращении имущества в соответствии со статьей 14 Соглашения о перемирии и о финских военнопленных.

К установленному сроку в Финляндии демобилизованы 457 589 человек. Наша армия, в которой в мирное время, по Соглашению, может быть 37 тысяч человек, укомплектована не полностью...

Коли так, дела наши с Советским Союзом в более или менее хорошем состоянии.

Пеккала рассказал мне, что Паасикиви, Свенго и он, Пеккала, были на обеде у Жданова (кажется, 11 декабря). Жданов был в отличном настроении, говорил о хороших «по сравнению с прошлым» отношениях между нами и выражал добрые надежды на будущее (в частности, шутя говорил о возможных спортивных соревнованиях между Финляндией и Советским Союзом, как только русские смогут достаточно потренироваться и т. д.).

В заключение обзора первой половины месяца можно упомянуть, что еженедельники нового направления продолжают выходить, хотя буржуазная пресса шумит по поводу резких выступлений нового направления. Так, видимо, и пойдет до выборов...

Похоже, что Паасикиви хорошо владеет положением.

13—19 декабря 1944 г.

Эти дни были в политическом отношении пустыми и невыразительными. Парламент устал и думает лишь о роспуске. И все же в здешних буржуазных, а частично и в социал-демократических кругах господствует странное состояние беззаботности, вера в букву договоров. Считается, коль скоро Советский Союз обещал не вмешиваться в наши внутренние дела, он обязан нас не трогать, а мы, следовательно, можем и делать, и говорить все, что пожелаем. А поэтому постепенно начинают издеваться над коммунистами, ругать их и в газетах, и в парламенте. Эта тенденция отчетливо усиливается, и борьба против коммунистов, за власть предстает острая. А в отношении Советского

Союза надо-де все делать в соответствии с соглашением и ни капли более того. Лидер этого направления — Таннер, нынешний идеал буржуазии, поскольку, будучи социалистом и человеком сильным, он самая лучшая гарантия того, что «рюсся» будет взнуздан.

Другая группа — это пессимисты, чиновники, бывшие офицеры и множество прочих, считающих, что Советский Союз нас проглотит и наступит коммунизм, и не делающих абсолютно ничего для того, чтобы помочь делу.

И есть еще направление Паасикиви, которое сейчас представлено в правительстве. Раньше я не поверил бы, что у него так все хорошо получится. Очевидно, ему удалось заручиться хорошим отношением русских, что, полагают, основывается на поддержке (по крайней мере пока) со стороны «шестерки» и коммунистов.

Однако на горизонте можно уже заметить и мрачные тучи... На обострение противоречий указывает и заявление, сделанное на сегодняшнем заседании парламента фракцией Аграрного союза, о том, что если из-за статьи о запрете забастовок будет отклонен закон о чрезвычайных полномочиях, то Аграрный союз пересмотрит свое отношение к этому закону вообще. Какими же слепыми они бывают! Угрожают крупной дракой, если не будет установлен запрет на забастовки. Воображают, что бастующих рабочих можно приструнить правительственной властью и силами полиции! Нет, куда мудрее Паасикиви, который стремится к отказу от таких средств в нынешние времена: если уж нельзя полагаться на патриотизм рабочих, то еще менее можно полагаться на силу. Но Аграрный союз, ослепленный страстью к наживе, этого не понимает.

...Я думаю, что первый период после заключения перемирия уже завершился, совместное движение рука об руку кончилось и пошли толчки, от которых вскоре могут перейти «и на кулачки»...

Кесяранта—Хельсинки, 3.8.1945

Я намерен быть основательным и представить тебе политическую обстановку в Финляндии в некоторых отношениях детально. Начну со старой социал-демократической партии. Как ты помнишь, прошлой осенью состоялся съезд партии, на котором в исполком было избрано большинство

таннерцев, а меньшинство составили представители оппозиции. Алекси Аалтонен не был избран, и генсекретарем партии стал «сабельный социалист»²¹, офицер и магистр наук²² Варьонен, нам, старым членам партии, человек неизвестный, кандидат «братьев по оружию» и т. п. Оргсекретарем стал В. Лескинен, человек, проникнутый духом христианства и «братства по оружию». Эти господа не имеют особого влияния и явно отпадут на предстоящем съезде партии, который должен состояться в начале будущего года. В исполкоме партии положение сложное. Таннерская закваска еще остается, но председатель Хилтунен относится уже к разряду «шатающихся» (что естественно, когда приходится служить тени Таннера и одновременно в правительстве привлекать к ответственности виновников войны), а Скуг тоже стоит на новых позициях, хотя и не хотел бы объявлять виновником войны вообще никого, во всяком случае социал-демократа. А далее в исполкоме Атос Виртанен и с ним Арамис, то бишь К. А. Фагерхольм, первый — чистокровный оппозиционер, а второй — сторонник шведских социал-демократов на собраниях и конгрессах и приверженец правительства в кресле председателя парламента. Словом, исполком не способен служить таннерцам и во всей своей деятельности зависит от правящего направления. Чтобы сохранить за собой какое-то влияние, исполком и обслуживающая его партийная печать «гудят» о «социализации», которая в данный момент не имеет никакого практического значения, когда для государства самое главное — вопросы внешней политики и репараций Советскому Союзу.

Парламентская фракция на самостоятельные действия не способна. Это особенно отчетливо проявилось в связи с запросом по делу виновников войны, инициатором которого фактически были «шведы» (Нильс Мейнандер, Эстерхольм, Фрич) и коммунисты и к которому, не спрашиваясь у фракции, присоединились я, Каллинен и Атос Виртанен, прекрасно понимая, что и фракции придется с кислой физиономией присоединиться. Я побывал у Юхо Кусти, который сразу же отнесся к этому положительно. Мы решили, что мир должен узнать о нашей стране не только в связи с тайными складами оружия²³, тем более что о положении Финляндии, по крайней мере косвенно, будет идти речь в Потсдаме²⁴. Фракции хочешь не хочешь пришлось присоединиться, да еще и поблагодарить, когда

Каллинен (второй председатель фракции и известный злоуст) пообещал выступить с заявлением от имени фракции на заседании парламента. В речи было высказано требование наказать виновников войны, но выражена надежда на мягкость и гуманность самого наказания. С другой стороны, действия таннерцев направлены на подрыв экономической политики правительства: они обвиняют правительство в проведении «политики ухудшения мира»²⁵, совершенно не желая замечать, что пойти на уступки возмущенным рабочим в вопросе о зарплате заставила политическая необходимость. Мне известно, что дирижирует этой антиправительственной оппозицией сам Таннер.

Такого рода пассивное сопротивление или невидимый саботаж в стране, вероятно, распространен довольно широко. Кое-кто верит в то, что западные державы и Советский Союз вскоре вцепятся друг в друга и вот тогда-то Финляндия снова получит свой «шанс». «Все в мире меняется, а на этом дело не кончится», — говорит Таннер. Проводится конъюнктурная политика, от всех принципов отмахиваются, хотя именно принципиальная, прочная дружба с Советским Союзом и является для нас единственно правильной политикой, соответствующей политике Объединенных Наций.

Юхо Кусти зачитал мне прошлый раз письмо, которое прислал ему Т. М. Кивимяки из своего летнего приюта в Тюрвянтэ (где в свое время, очевидно на даче Эйно Суолахти, отдыхал после инспектирования крематориев Гиммлер, которого Таннер тогда хвалил мне как умного и приятного человека). В этом письме Т. М. К. жалуется на то, что укореняется дух критики в адрес нынешнего правительства, планируются новые войны, и полагает, что этот дух не изменить, если наиболее видные представители прежнего режима — ректор Неванлинна, Хенрик Рамсай, Линкомиес и другие — не заявят публично о том, что прежний курс был ошибочным, а новый — единственно правильный. Сам Т. М. К. изменил свои взгляды и запросил Юхо Кусти, не следует ли ему выйти в отставку со своей профессорской должности, на что был дан ответ, что это вовсе не нужно. Да и Неванлинна пусть продолжает преподавать свою математику, лишь бы только догадался уйти с должности ректора. Но ведь не уйдет, да и Рамсай не раскроет рта: будь с Финляндией что угодно — эти господа по-хорошему со своих мест не уйдут.

Возвращаясь к анализу расстановки политических сил, следует сказать, что, помимо социал-демократической «партийной оппозиции», существует вышедшая из партии «социал-демократическая оппозиция» (Мауно Пеккала, Я. В. Кето, Свенто и т. п.), у которой, очевидно, есть одни руководители, но нет масс. Прекрасно сознавая, что в партиях они сами по себе ничего не значат, а значат лишь в правительстве, они вступили в ДСНФ, куда вошла и «шестерка». Несколько местных социал-демократических организаций также вступили в ДСНФ, оставаясь одновременно и в социал-демократической партии, и партия не приняла против них никаких мер. Ну разве это не путаница!..

Сейчас самая деятельная сила в парламенте и в правительстве, условия для которой благоприятны и у которой больше всего энергии и желания действовать, — это ДСНФ, паровым котлом которого являются коммунисты... Эта компания поддерживает политику Паасикиви и до сих пор действовала в парламенте вполне парламентарно и, можно добавить, на западный манер. Они не выпускают более радикальные элементы, такие, как Маури Рюэмя, на первый план и стараются всеми средствами сохранить в парламенте блок «трех сильных»²⁶, в чем и преуспели. Коммунисты также согласны с правительством в тех вопросах, когда речь идет о соблюдении прав и интересов Финляндии и защите их перед Контрольной Комиссией...

5.8.1945

...Полагаю, что из сказанного выше стало ясно, какова в данный момент обстановка в Финляндии. Положение правительства Паасикиви прочное, и, очевидно, мы получим хорошие условия для окончательного мира, насколько это можно желать. Однако... мне снова приходится с грустью констатировать, что, хотя мы и добьемся приемлемого мира, а может быть, как раз и поэтому группа неисправимых фанатиков — националистов и духовных приверженцев фашизма — получит повод для начала действий в старом духе — в духе Лапуа, Мянтсяля и Гитлера. Дело в том, что здесь по мере исчезновения прямого страха принялись на основе скандинавских свобод и стабильных (хотя и принятых в совершенно иных условиях) законов укреплять во имя еще большей свободы позиции быв-

ших виновников войны, для которых, конечно же, делом их жизни является доказать, что они все-таки были правы. А вследствие этого появляется и раздражение против такого подхода и дело доходит до крайностей. Поэтому можно полагать, что партийные драки вспыхнут с новой силой. Все, конечно, клянутся, что они за мир и дружбу с Советским Союзом. Но разница-то в том, что если одни (консерваторы) рассматривают это лишь как конъюнктуру данного момента, то другие считают, что это должно стать твердой программой на будущее, и поэтому группировки, стремящиеся к войне, должны быть вовремя разгромлены. А поскольку будущие лидеры этого конъюнктурного направления как раз и есть нынешние виновники войны, то их следует заставить уйти с заметных постов... Так думают многие мирные и лояльные граждане. Мы действительно находимся на крутом повороте, и успех нельзя ставить в зависимость от упрямых личностей и прогнивших законов. Отсюда и нынешняя беспокойная обстановка в Финляндии.

Сюда же, конечно, относится и необходимость свергнуть офицерскую клику. Дело это будет неприятным, поскольку та стеклянная витрина, за которой сидят некоторые весьма высокопоставленные военнослужащие, начнет дрожать, а в конце концов разобьется вдребезги...

Хельсинки, 19.11.1945

Итак, первый акт спектакля о виновниках войны состоялся, и 10 декабря последует продолжение. Самой большой сенсацией до сих пор была роль, которую в этих событиях играл Маннергейм. Полностью выяснилось то, что, впрочем, должно уже было стать известным давно, а именно что господа офицеры ездили в Зальцбург²⁷ обделывать общие дела с разрешения маршала. Поразительно и то выясненное теперь обстоятельство, что главнокомандующий 15 июня 1941 г., то есть еще до официального начала войны, отдал приказ о подчинении финского армейского корпуса находившемуся в Рованиemi немецкому главному командованию и об использовании его в военных действиях. И уж совершенно потрясающим оказалось заявление маршала о том, что он поддерживал и продолжает поддерживать заключение соглашения с Риббентропом (!). Да, можно сказать, что авторитет Маннергейма рухнул...

Вчера (в четверг 22 ноября) премьер-министр пригласил к 18 часам в Смольну на обед, а затем на совещание большую группу избранных парламентариев, в которую вошли председатели и вице-председатели фракций и я (то есть прежний состав), но кроме того, целый ряд других влиятельных особ. Присутствовали также министры (почти все) и канцлер юстиции²⁸. После обеда Паасикиви долго говорил об обстановке в стране. Констатировал, что отношения между правительством и парламентом заметно ухудшились и что широкое общественное мнение в основном против правительства. Тем не менее безусловной предпосылкой продолжения его успешной работы является наличие доверительных отношений между правительством, парламентом и общественностью.

В области внешней политики важнейший вопрос — взаимоотношения с Советским Союзом. И формально эти отношения хорошие. Советский Союз доволен тем, как Финляндия выполняет положения Соглашения о перемирии. Но одного формального их соблюдения недостаточно...

В осуществлении своей политики по отношению к нам Советский Союз считает важным, чтобы в соседних с ним государствах были такие правительства, которым Советский Союз мог бы доверять. Что касается Финляндии, Советский Союз стремится к такому положению, чтобы Финляндия никогда не оказалась бы на стороне его врагов. В этом вопросе Советский Союз испытывает по отношению к Финляндии определенное подозрение. Когда Холсти²⁹ был в 1937 г. в Москве, ему об этом было заявлено открыто. В 1939 г. Сталин сказал Паасикиви, что Советский Союз Финляндии не боится, но он опасается, что какая-нибудь великая держава сможет использовать Финляндию как плацдарм для нападения на Советский Союз. Это подозрение в связи с событиями последних лет, видимо, укрепилось. Было ясно указано (Молотовым) на то, что, если Советский Союз не сочтет возможным положиться на Финляндию, он использует собственные возможности для того, чтобы обеспечить свою безопасность с этой стороны. Паасикиви заметил, что даже добрые друзья Финляндии в Государственной думе России, кадеты, жестко стояли на той точке зрения, что Россия не может позволить, чтобы находящаяся поблизости от ее столицы Финляндия была бы

использована как поле для действий ее врагов. Отношения между Финляндией и Советским Союзом были на протяжении всей истории связаны с войнами, политика Советского Союза в отношении Финляндии в период последних войн была оборонительной.

Со времени заключения перемирия прошло уже более года. Многие полагают, что все в порядке и что живем мы уже в нормальных условиях. В действительности нам далеко до этого. Здесь по-прежнему находится Контрольная Комиссия. Она соблюдает положения Соглашения о перемирии, и мы тоже верим, что соблюдали их в полной мере. Если появляются разногласия, то всегда побеждает то толкование, которое дает Советский Союз (естественно!). Советский Союз уверен, что он относится к Финляндии благожелательно. Иностранные государства удивляются тому, что с Финляндией фактически обращаются лучше, чем с любым другим государством — сателлитом Германии. Жданов (а он весьма влиятельный человек в политической жизни Советского Союза) считает, что правительство Финляндии проводит дружественную по отношению к Советскому Союзу политику, и говорит, что если эту политику удастся закрепить, то сохранится и самостоятельная Финляндия. Однако условием всего этого, заявил Паасикиви, является поддержка правительства со стороны парламента и общественности.

Есть два трудных вопроса, которые в данный момент мешают развитию хороших отношений, — история с тайными складами оружия и дело виновников войны. Относительно первого Паасикиви пообещал рассказать подробнее позднее, на отдельной встрече. Однако упомянул о том, что выяснено: по специальному плану в каждом из 34 военных округов нашей страны должны были создаваться запасы военного снаряжения для одного батальона и для каждого такого батальона должно было готовиться особое ударное подразделение. По делу же виновников войны распространены весьма ошибочные представления. Финляндская пресса рассуждает о том, что закон о виновниках войны имеет-де обратное действие и расходится поэтому со «скандинавским правосознанием», забывая, что не закон о виновниках войны имеет обратную силу, а она была придана Соглашению о перемирии, и придана по вполне естественной причине, поскольку обратную силу получил и Нюрнбергский процесс, так как в законодатель-

стве ни одной из западных стран не существовало положений на случай подобных последствий войны, и это была новая сфера.

Советский Союз придает большое значение процессу финляндских виновников войны³⁰. Он будет рассматривать этот процесс как показатель того, какой образ мыслей преобладает в Финляндии... Жданов даже сказал, что Советский Союз сожалеет, что этот вопрос оставлен на усмотрение Финляндии, и высказал критику по поводу порядка в зале заседания суда, который больше напоминает какой-то клуб, чем суд. Паасикиви присоединился к этому упреку...

За обширным сообщением премьер-министра последовала дискуссия. В ходе дискуссии был задан вопрос, насколько достоверны слухи о военном союзе с СССР, Ю. К. П. ответил, что об этом разговоров не было и быть не может до заключения окончательного мира. (И все же это планируется в главном штабе.)

13.12.1945

Кажется, я еще не успел написать о том, что недавно председатели парламентских фракций «трех больших» и министры от этих фракций были приглашены на «проработку» к Жданову, который говорил около часа, а затем пару часов шла беседа. Жданов сильно нажимал на важность решения вопроса о виновниках войны в соответствии со статьей 13 Соглашения о перемирии. Выступая в День независимости в «Мессухалли», Юхо Кусти высказался в том же плане, и речь его, надо сказать, была убедительной...

Вчера вечером (в среду) по инициативе ДСНФ собирались председатели и делегации (в каковую от социал-демократической фракции вхожу и я) «трех больших» для того, чтобы обсудить сложившееся положение. Хертта Куусинен³¹ сказала, что обстановка на судебном процессе весьма печальная, так как взгляды там резко противоположные, и что она опасается нового кризиса... Следует напомнить о том, что сказал Жданов: если Финляндия не сумеет решить вопрос о виновниках войны в соответствии с 13 статьей, у Советского Союза найдутся «реальные средства» для его решения...

Вот так-то! — сказал Я. В. Кето. На собрании ничего значительного предпринято, конечно, не было, так как в Финляндии у саботажников есть патентованное средство вести дело — отмалчиваться. Выступило лишь несколько человек: Куусинен, которая жаловалась и представляла все в черном свете, Карьялайнен (Аграрный союз) выразил сожаление по поводу того, что финляндская публика все еще не понимает, что основой процесса является не процессуальная сторона дела, касающаяся лишь техники, а 13 статья Соглашения, затем нижеподписавшийся выразил надежду и даже счел самым главным, чтобы процесс был быстро, еще до рождества, завершен, так как затяжка будет лишь обострять существующие противоречия, повлечет за собой еще более жесткий для обвиняемых приговор и повредит интересам страны, в частности тем, что будет оттягивать наступление окончательного мира и т. д. ... В результате собрания выяснилось, что противоречия действительно большие, коль скоро они оказались непреодолимыми даже среди «трех больших».

Из этого можешь сделать вывод, какова здесь политическая обстановка вообще.

Обобщаю. В нашей стране формируются два мощных противостоящих друг другу фронта: один из них ориентируется на Западную Европу и уже авансом ведет «борьбу за права»³² против Советского Союза, а другой, наученный опытом двух войн, стремится к прочной дружбе с Советским Союзом и хочет стать в качестве члена ООН оплотом мира, и не только во имя собственного счастья, но и против всех тех, кто попытается отсюда напасть на Советский Союз...

Отец

Глава 1

¹ Перемирием в финляндской литературе принято называть период времени между окончанием так называемой «зимней» войны против СССР (март 1940 г.) и вступлением Финляндии в войну против Советского Союза в качестве соучастника гитлеровской агрессии (июнь 1941 г.).

² Паасикиви Юхо Кусти (1870—1956), посланник Финляндии в СССР с апреля 1940 г. по май 1941 г., премьер-министр в 1944—1946 гг., президент в 1946—1956 гг.

³ Имеется в виду правящая верхушка Финляндии.

⁴ Каяндер Аймо Каарло (1879—1943), премьер-министр Финляндии в 1937—1939 гг., возглавлял правительство, вовлекшее Финляндию в войну против СССР в ноябре 1939 г.

⁵ Рамсай Хенрик (1909—1951), в 1943—1944 гг. министр иностранных дел. В 1946 г. осужден как один из главных виновников вовлечения Финляндии в союз с гитлеровской Германией.

⁶ Кивимяки Тойво (1886—1968), посланник Финляндии в Германии в 1940—1944 гг. В 1946 г. осужден как один из главных виновников вовлечения Финляндии в союз с гитлеровской Германией.

⁷ Рюти Ристо (1889—1956), премьер-министр Финляндии в 1939—1940 гг., президент в 1940—1944 гг. В 1946 г. осужден как один из главных виновников вовлечения Финляндии в войну.

⁸ Рангель Юкка (1894—1982), премьер-министр Финляндии в 1940—1943 гг. В 1946 г. осужден как один из главных виновников вовлечения Финляндии в войну.

⁹ Виттинг Рольф (1879—1944), министр иностранных дел Финляндии в 1940—1943 гг., один из главных сторонников союза Финляндии с гитлеровской Германией в войне против СССР.

¹⁰ К этому времени правящая верхушка Финляндии уже была в курсе военных приготовлений Гитлера.

¹¹ Маннергейм Карл (1867—1951), военный и государственный деятель, маршал, главнокомандующий армией Финляндии в 1939—1940 и 1941—1944 гг. В 1944—1946 гг. — президент.

¹² Пакаслаhti Ааро (1903—1969), заведующий политическим департаментом (1938—1941 гг.), затем (1941—1943 гг.) начальник канцелярии МИД Финляндии (фактически постоянный заместитель министра).

¹³ Имеется в виду мирный договор, подписанный после войны 1939—1940 гг.

¹⁴ Таннер Вайно (1881—1966), многолетний лидер финляндской социал-демократии. Председатель парламентской фракции партии в 1940—1945 г. В 1946 г. был осужден как один из главных винов-

ников союза Финляндии с гитлеровской Германией в войне против СССР.

¹⁵ Вуолийоки Хелла (1886—1954), известная финская писательница, занимала в 1923—1938 гг. руководящие посты в ряде коммерческих акционерных обществ.

¹⁶ По конституции Финляндии, меньшинство, составляющее не менее третьей части депутатов парламента (всего их 200), может отклонить окончательное принятие закона и оно автоматически переносится на период после следующих выборов в парламент нового созыва.

¹⁷ Котилайнен Вайна (1887—1959), министр торговли и промышленности Финляндии в 1939—1941 гг.

¹⁸ Буржуазная политическая партия, с 1965 г. — партия центра.

¹⁹ Имеются в виду переселенцы с территорий, отошедших к СССР по мирному Договору 1940 г.

²⁰ Паасикиви.

²¹ Свенто Рейнхольд (1881—1973), известный журналист социал-демократической партии Финляндии, после войны находился на дипломатической службе, автор книги «Советский Союз в центре мировой политики», М., 1961.

²² Государственное акционерное общество, представляющее монополию по производству и сбыту спиртных напитков.

²³ Имеются в виду Э. Хюнинен, Пеккала Мауно (1890—1952) и Яако Кето (1884—1947), видные деятели социал-демократической партии Финляндии. М. Пеккала в 1939—1942 гг. был министром финансов, в 1944—1945 гг. министром без портфеля, в 1945—1946 гг. министром обороны, в 1946—1948 гг. премьер-министром. Я. Кето с 1931 по 1947 гг. — заместителем мэра Хельсинки. В 1946 г. перешел в Демократический союз народа Финляндии и был избран его председателем.

²⁴ Советник посольства СССР в Финляндии.

²⁵ Так называли шестерых деятелей социал-демократической партии: Карла Виика, Юрье Рясанена, Микко Ампуя, Кая Сундстрема, Вайне Мелтти и Кайсу-Мирьям Рюдберг, выступавших за добрососедские отношения с Советским Союзом. В сентябре 1940 г. они были исключены из партии, в конце 1941 г. арестованы и в начале 1942 г. приговорены к длительному тюремному заключению и объявлены изменниками родины.

²⁶ Хело Йохан (1889—1966), политический и государственный деятель, социал-демократ, примыкавший к «шестерке». В 1944 г. — министр финансов, в 1945 г. — министр просвещения.

²⁷ Рюэмя Маури (1911—1958), видный деятель левого крыла социал-демократической партии, после войны вступил в компартию, был членом ее руководства.

²⁸ Рууту Юрьё (1887—1956), финский правовед и общественный деятель, теоретик «либерального социализма».

²⁹ Шильдт Кристофер (род. в 1915), деятель Шведской народной партии Финляндии, в 1941—1945 гг. служил в Государственном информационном бюро.

³⁰ То есть в сторону Германии.

³¹ Кильпи Сюльви-Кюлликки (род. в 1899), деятельница социал-демократической партии, председатель Социал-демократического союза рабочих женщин в 1941—1946 гг. После войны перешла в Демократический союз народа Финляндии.

- ³² См. примечание 13 к гл. 2.
- ³³ Имеется в виду война против СССР 1939—1940 гг.
- ³⁴ Подразумеваются СССР и Германия.
- ³⁵ Имеется в виду война между Англией и Германией.
- ³⁶ Салмиала Бруно, Карес Каарло, депутаты парламента от партии ИКЛ («Патриотическое народное движение»).
- ³⁷ Гюнтер Кристьян, министр иностранных дел Швеции.
- ³⁸ Представитель парламентской фракции буржуазной Прогрессивной партии.
- ³⁹ Виртанен Атос (1906—1979), главный редактор газеты социал-демократической партии на шведском языке «Арбетарбладет», находившийся в оппозиции к правому руководству партии.
- ⁴⁰ Социал-демократическая газета на шведском языке.
- ⁴¹ Имеется в виду организованная финляндскими националистическими кругами в сотрудничестве с генеральным штабом Германии вербовка молодых финнов в егерские части германской армии во время первой мировой войны. Позднее «егеря» сыграли большую роль в создании отрядов белой гвардии для борьбы против рабочей революции в Финляндии в 1918 г.
- ⁴² Автор имеет в виду участие финских добровольцев в начальной стадии сопротивления Норвегии германской оккупации.
- ⁴³ Фон Блюхер Виперт, посланник Германии в Финляндии в описываемый период.
- ⁴⁴ Под этим названием в Финляндии принято объединять районы, отошедшие к СССР по мирным договорам 1940 и 1947 годов.
- ⁴⁵ Хельяс Леннарт (1896—1972), пастор, деятель Аграрного союза.
- ⁴⁶ Ханнула Ууно (1891—1963) и Ниукканен Юхо (1888—1954), видные деятели Аграрного союза, выступившие в 1940 г. против заключения мирного договора с СССР. Ниукканен был министром обороны в 1937—1940 гг.
- ⁴⁷ Переселенцы из районов, отошедших по Мирному договору 1940 г к СССР.
- ⁴⁸ Вальден Рудольф (1878—1946), генерал, министр обороны Финляндии в 1940—1944 гг., личный друг Маннергейма и его доверенное лицо в правительстве.
- ⁴⁹ Академическое Карельское общество — шовинистическая организация, состоявшая в основном из представителей реакционной интеллигенции и выступавшая за создание «Великой Финляндии» путем отторжения советских территорий.
- ⁵⁰ Мирный договор, завершивший советско-финляндскую войну 1939—1940 гг.
- ⁵¹ Фон Борн Эрнст (1885—1956), видный деятель Шведской народной партии, министр внутренних дел Финляндии в 1939—1941 гг., министр юстиции в 1944 г.
- ⁵² Лидер фашистской партии в Норвегии. В 1942—1945 гг. премьер-министр правительства, сотрудничавшего с гитлеровскими оккупантами. Его имя стало нарицательным для предателей своего народа.
- ⁵³ Рейникайнен Оскар (1885—1969), деятель социал-демократической партии, председатель экономической комиссии парламента в 1939—1944 гг.
- ⁵⁴ Речь идет о В. Таннере, министре иностранных дел во время советско-финляндской войны 1939—1940 гг.

⁵⁵ Имеется в виду положение, сложившееся в Дании после оккупации ее гитлеровцами, когда лидер датских социал-демократов Штаунинг возглавил правительство, сотрудничавшее с оккупантами.

⁵⁶ Имеется в виду возникшая после советско-финляндской войны 1939—1940 гг. идея заключения военного союза между Финляндией и Швецией.

⁵⁷ Пресловутая «ось Берлин—Рим» — военно-политический союз нацистской Германии и фашистской Италии.

⁵⁸ Аалтонен Алекси (1892—1956), генеральный секретарь социал-демократической партии Финляндии в 1936—1944 гг.

⁵⁹ Риекки Эско (1891—1973), известный финский реакционер, в 1923—1938 гг. начальник сыскной (политической) полиции.

⁶⁰ Хаккила Вайнэ (1882—1958), правый социал-демократ, в 1936—1944 гг. — председатель финляндского парламента.

⁶¹ Фуруэльм Рагиар, Фрич Оле, деятели Шведской народной партии, депутаты парламента в описываемый период.

⁶² П. Д. Орлов, посланник СССР в Финляндии перед войной и затем в 1945—1946 гг.

⁶³ С территории Северной Норвегии.

⁶⁴ Официальное наименование правительства Финляндии.

⁶⁵ Линкомиес Эдвин (1894—1964), лидер правой Национальной коалиционной партии, второй вице-председатель парламента в 1939—1943 гг., впоследствии (1943—1944 гг.) премьер-министр Финляндии. В 1946 г. осужден как один из главных виновников вовлечения Финляндии в войну против СССР на стороне гитлеровской Германии.

⁶⁶ Речь идет о деятельности Общества мира и дружбы с СССР, созданного в Финляндии в мае 1940 г., одним из руководителей которого был М. Рюэмя. Официальная финляндская пропаганда стремилась представить деятельность общества как покушение на государственный строй и национальную независимость Финляндии. Оно подвергалось постоянным репрессиям и в конце 1940 г. было официально запрещено.

⁶⁷ Имеется в виду заявление народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова посланнику Финляндии в Москве Ю. К. Паасикиви в декабре 1940 г.

⁶⁸ Широко используемое реакционной историографией измышление о переговорах В. М. Молотова в Берлине, усиленно распространявшееся в то время в Финляндии для оправдания союза с гитлеровской Германией.

⁶⁹ Место летнего отдыха В. Войонмаа.

⁷⁰ Вуори Ээро (1900—1966), известный деятель социал-демократической партии, председатель Центрального объединения профсоюзов Финляндии (ЦОПФ) в 1938—1944 гг.

⁷¹ Имение В. Таннера неподалеку от Хельсинки.

⁷² Ныне Приморск и район Запорожского Ленинградской области.

⁷³ Принятая в парламенте Финляндии формула выражения доверия правительству. Мотивированный переход к повестке дня является вотумом недоверия.

⁷⁴ Местечко к северу от Хельсинки.

⁷⁵ Правая финская газета, орган коалиционной партии.

⁷⁶ Приказ главнокомандующего вооруженными силами Финляндии от 29 июня 1941 г.

⁷⁷ Принятое в Финляндии прозвище немцев.

⁷⁸ Имеется в виду Версальский мирный договор, завершивший первую мировую войну.

⁷⁹ Речь идет о фракциях буржуазных партий, в отличие от которых социал-демократы всегда именуют себя рабочей партией.

⁸⁰ Заключенный между гитлеровской Германией, фашистской Италией и милитаристской Японией так называемый «Антикоминтерновский пакт», оформивший блок этих государств в целях завоевания мирового господства.

⁸¹ Премьер-министр Швеции.

⁸² Под нажимом гитлеровской Германии Швеция в нарушение своего нейтралитета в течение некоторого времени разрешала транзит германских военнослужащих через свою территорию в Северную Норвегию.

⁸³ В этом приказе содержался призыв к захвату Советской Карелии.

⁸⁴ Организованное финляндскими оккупационными властями 20 июля 1941 г. собрание антисоветских элементов, в основном из числа проживавших в Финляндии белоэмигрантов, которое приняло «декларацию» о присоединении Советской Карелии к Финляндии.

⁸⁵ Сюрьянен Аугуст (1883—1956), деятель социал-демократической партии, депутат парламента в 1933—1945 гг.

⁸⁶ Так в Финляндии иногда называли Советскую Карелию.

⁸⁷ Так презрительно в Финляндии называли русских, примерно соответствует таким словам, как «кацап», «москаль» и т. п.

⁸⁸ Каяла Олави (1905—1967), социал-демократ, депутат парламента в 1939—1942 гг.

⁸⁹ Хилтунен Онни (1895—1971), социал-демократ, депутат парламента, в 1944 г. — министр финансов.

⁹⁰ До окончания войны в 1944 г. слово «Ленинград» в Финляндии практически не употреблялось.

⁹¹ Руководящий орган парламента Финляндии, состоящий из его председателя, вице-председателей и председателей важнейших комиссий.

⁹² Антикоммунистическое, а затем откровенно фашистское движение в Финляндии в 1929—1932 гг.

⁹³ Так в то время называлась в Финляндии политическая (ныне охранный) полиция.

⁹⁴ Крупнейшая буржуазная газета Швеции.

⁹⁵ Финская газета, выходящая в г. Турку.

⁹⁶ Так называлось в Финляндии во время войны ведомство пропаганды и гражданской цензуры.

⁹⁷ Реенпяя Иорма (1902—1980), один из крупнейших частных книгоиздателей Финляндии.

⁹⁸ Речь идет об одной из попыток британской дипломатии добиться выхода Финляндии из войны.

⁹⁹ Министр иностранных дел Англии.

¹⁰⁰ Так называется здание в Хельсинки, используемое правительством Финляндии для представительских нужд.

¹⁰¹ Имеется в виду договор, заключенный в 1920 г. в г. Тарту (бывшем г. Юрьеве) между РСФСР и Финляндией, по которому между обеими странами устанавливались нормальные отношения.

Договор предусматривал автономию карельского народа в составе России, что и было реализовано путем создания в РСФСР Карельской АССР.

¹⁰² Имеются в виду члены партии ИКЛ (см. примечание 36).

¹⁰³ Стольберг Карл (1865—1952), первый президент Финляндии, под руководством которого были разработаны ее поныне действующие основные конституционные законы.

¹⁰⁴ Саловаара Вяйно (1888—1964), министр транспорта и общественных работ в 1937—1944 гг.

¹⁰⁵ Прокопе Ялмар (1889—1954), посланник Финляндии в США в 1938—1944 гг.

¹⁰⁶ Помощник государственного секретаря США.

¹⁰⁷ Представитель Национальной коалиционной партии.

¹⁰⁸ Икола Оскари (1887—1951), реакционный деятель, депутат парламента в 1939—1945 гг.

¹⁰⁹ Кильпи Эйно (род. в 1889), главный редактор центрального органа социал-демократической партии Финляндии газеты «Суомен социалистидемокраатти» в 1932—1947 гг.

¹¹⁰ Распространенное на Западе толкование советско-германского пакта 1939 г., который на самом деле сорвал планы создания империалистической антисоветской коалиции и поворота фашистской агрессии против Советского Союза уже на начальном этапе второй мировой войны.

¹¹¹ Аландские острова располагают в составе Финляндского государства определенной автономией, имеют свой парламент, свой национальный флаг и т. д.

¹¹² Фон Риббентроп Иоахим, министр иностранных дел Германии в 1938—1945 гг.

¹¹³ Гитлеровский дипломат, неоднократно представлял Германию на переговорах с Финляндией.

¹¹⁴ В. Войонмаа имеет в виду свой преклонный возраст.

¹¹⁵ Ауэр Вяйнэ (1895—1981), известный финский географ.

¹¹⁶ Один из руководящих деятелей европейского движения абсолютистов (трезвенников).

¹¹⁷ Классик финской литературы Юхани Ахо пытался таким образом объяснить возникновение рабочей революции и гражданской войны 1918 года в Финляндии.

¹¹⁸ Шведская газета, выходящая в г. Гётеборге.

¹¹⁹ В. Войонмаа имеет в виду Оранненбаумский плацдарм.

¹²⁰ Финский дипломат.

¹²¹ Командир танковой дивизии финляндской армии в 1941—1944 гг.

Глава 2

¹ Газета «Суомен социалистидемокраатти» — центральный орган социал-демократической партии Финляндии.

² Один из наиболее влиятельных общественно-политических журналов Финляндии.

³ Пеннанен Пекка (1872—1958) — председатель Совета Национальной коалиционной партии в 1936—1943 гг.

⁴ Город на берегу Онежского озера.

⁵ Имеется в виду население финской национальности Ижорской земли (часть Ленинградской области), называвшейся также Ингрией или Ингерманландией.

⁶ Сын В. Войонмаа, инженер, технический директор рабочего кооператива «Эланто» в 1931—1946 гг. (см. сн. 15).

⁷ Финское название Печенги (Мурманская область).

⁸ Грипенберг Георг (1890—1975) посланник Финляндии в Англии (1933—1942 гг.), затем в Ватикане (1942 г.) и в Швеции (1943—1956 гг.).

⁹ Министр в военном кабинете Черчилля.

¹⁰ Принятое в части финской историографии апологетическое понятие, с помощью которого делалась попытка доказать, будто Финляндия в течение шести веков была не завоеванной Швецией провинцией, а равноправной частью Шведского государства (Швеция—Финляндия).

¹¹ Крупный выставочный зал в Хельсинки — обычно место проведения массовых собраний.

¹² Дитль Эдуард — генерал, командующий германским горноегерским корпусом «Норвегия», наступавшим на мурманском направлении в составе германской армии «Норвегия».

¹³ Союз братьев по оружию Финляндии — организация, созданная в 1940 г. и объединявшая участников войны против СССР 1939—1940 гг. Позднее занималась насаждением милитаристских, антисоветских настроений в Финляндии, укреплением ее связей с нацистской Германией. Распущена в январе 1945 г. в соответствии с Соглашением о перемирии после выхода Финляндии из войны.

¹⁴ Так оккупантами был переименован г. Петрозаводск.

¹⁵ «Эланто» — рабочий кооператив г. Хельсинки и его окрестностей.

¹⁶ Личный аппарат министра в гитлеровском министерстве иностранных дел, состоявший из особо доверенных членов нацистской партии.

¹⁷ Так буржуазные круги Финляндии называли Беломорско-Балтийский канал.

¹⁸ Имеются в виду консерваторы (коалиционная партия). Название происходит от газеты «Суометар», издававшейся в 1847—1866 гг., вокруг которой происходило политическое объединение нарождавшейся финской буржуазии.

¹⁹ «Кямпи» — в то время один из самых популярных ресторанов в центре Хельсинки. В верхних этажах одноименной гостиницы размещались отдельные кабинеты — излюбленное место встреч состоятельных людей.

²⁰ Гостиница в г. Тампере.

²¹ Фабрично-заводской центр неподалеку от г. Тампере.

²² Адрес В. Войонмаа в Хельсинки.

²³ Шеф американской разведки того времени — Управления стратегических служб — предшественницы нынешнего ЦРУ.

²⁴ Выборы президента в Финляндии проводятся в две степени: сначала избиратели выбирают коллегия выборщиков президента (в то время 300 чел.), а затем коллегия — президента. К моменту, когда написано письмо, коллегия выборщиков была последний раз избрана в 1937 г. и в 1940 г. после отставки по болезни президента Каллио она специальным законом была упол-

номочена провести выборы, приведшие на пост главы государства Р. Рюти.

²⁵ Начальник военной разведки Финляндии.

²⁶ Хаккарайнен Йоуни (род. в 1906) в 1941—1943 гг. младший правительственный секретарь.

²⁷ Т. е. границу 1939 г.

²⁸ Так в 1919—1937 гг. называлась финская охранка. В 1938—1948 гг. она именовалась «Государственная полиция», с 1948 г. — Охранная полиция. Войонмаа употребляет здесь старое название.

²⁹ Т. е. под влиянием гитлеровцев.

³⁰ В то время — поселок городского типа в Юго-восточной Финляндии; ныне входит в состав города Лаппеенранта.

³¹ Фагерхольм Карл Аугуст (род. в 1901) известный деятель социал-демократической партии Финляндии; министр социальных дел в 1937—1943 и в 1944 г.

³² Ближайший помощник Риббентропа в МИД гитлеровской Германии.

³³ Имеется в виду поражение гитлеровского экспедиционного корпуса и итало-фашистских войск в Северной Африке.

³⁴ Эркко Эльяс (1895—1965), «газетный король» Финляндии, владелец концерна «Санома», издающего крупнейшую финскую газету «Хельсингин саномат», придерживающуюся в то время проанглийского и проамериканского направления. Министр иностранных дел правительства, вовлекшего Финляндию в войну против СССР в 1939 г.

Глава 3

¹ Так Войонмаа называет Латвию, Литву и Эстонию.

² Малмберг Лаури (1888—1948) генерал-лейтенант, командующий Шюцкором в 1921—1944 гг. Одновременно в 1939—1944 гг. — командующий внутренними войсками.

³ Намек на плохое знание министром иностранных дел Финляндии финского языка.

⁴ Сессия парламента Финляндии обычно заканчивается во второй половине января и 1 февраля начинается очередная сессия. При открытии и закрытии очередных сессий финляндского парламента с речами обычно выступает президент республики. Здесь имеется в виду речь при закрытии сессии.

⁵ Жена брата В. Войонмаа была немкой.

⁶ От имени социал-демократов.

⁷ Намек на роль Маннергейма в жестоком подавлении в 1918 г. рабочей революции в Финляндии.

⁸ «Хаккапелитта» (можно перевести «рубак») назывались финские драгуны в войсках шведского короля Густава Адольфа II (название происходит от их боевого клича «хаккаа паялле», в переводе буквально: «врубайся»). Это понятие использовалось в на-

ционалистической пропаганде как синоним «особого» боевого духа финнов.

⁹ Имеются в виду границы Финляндии, существовавшие до 1940 г.

¹⁰ Видный деятель Шведской народной партии.

¹¹ Одна из исторических провинций Финляндии на западе страны — район городов Пори и Раума.

¹² Намек на значение фамилии премьер-министра: слово «линкомиес» означает на финском языке «воин с пращей».

¹³ Имеются в виду территории, отошедшие от Финляндии к Советскому Союзу по мирному договору 1940 г.

¹⁴ Понятие, обозначившее в финском языке духовное угнетение, обскурантизм, проявившиеся во время войны. Происходит от фамилии финского профессора Л. Пунтила (род. в 1907), бывшего в 1940—1943 гг. одним из руководителей Государственного информационного бюро.

¹⁵ Вилкуна Кустаа (род. в 1902) известный финский ученый-этнограф, бывший в 1939—1943 гг. начальником Бюро по контролю за военной цензурой и информационной деятельностью, в 1943—1944 гг. — начальником Государственного информационного бюро.

¹⁶ Конни Зиллиакус — известный деятель Лейбористской партии Англии.

¹⁷ Паасикиви.

¹⁸ Гегечкори Евгений (1881—1954) — один из руководителей грузинских меньшевиков, в 1917—1921 гг. председатель «Закавказского комиссариата», ставившего целью не допустить победы советской власти в Закавказье и оторвать его от Советской России; с 1921 г. — белоэмигрант.

¹⁹ Хэлл Корделл — государственный секретарь США в 1933—1944 гг.

²⁰ Партийное учебное заведение социал-демократической партии Финляндии. Ныне носит имя В. Войонмаа (с 1919 г. по 1943 г. он был председателем Рабочего просветительного союза — просветительной организации социал-демократической партии).

²¹ По-немецки буквально «народ-господин».

²² Сувиранта Бруно (1893—1967) — известный финский экономист.

²³ Курортный городок на побережье Ботнического залива к северу от г. Турку.

²⁴ Култаранта (в переводе Золотой берег) — название летней резиденции президента Финляндии неподалеку от г. Наантали.

²⁵ Хейнрикс Эрик (1890—1965) — в 1940—1945 гг. генерал, начальник Генерального штаба армии Финляндии, ближайший сотрудник Маннергейма.

²⁶ Под этим названием в Финляндии известно обращение 33-х видных политических и общественных деятелей страны к тогдашнему президенту Р. Рюти следующего содержания:

«Нижеподписавшиеся, принадлежащие к различным партиям граждане, хотят настоящим письмом довести до Вашего, господин Президент Республики, сведения свою озабоченность по поводу того, что в общеполитическом положении нашей страны за последнее время во многих отношениях проявились отчетливые признаки ухудшения, в связи с чем в стране начало распространяться беспокойство.

Когда в День независимости* 1941 г. парламент смог воссоединить с нашей страной основную часть территорий, утраченных по Московскому миру, этой мерой было достигнуто то, на что надеялся наш народ. Он не хотел участвовать в выяснении отношений между великими державами, но был готов понести даже тяжелые жертвы лишь во имя таких целей, достижение которых с его собственной точки зрения было необходимым и неизбежным.

Длительное время армия нашей страны стоит в обороне, и на фронте не происходит сколько-нибудь крупных военных событий. И все же большая часть народа не может уже давно не видеть, что страна сползает в направлении опасного и, возможно, рокового для нее положения. Для подтверждения этого положения не надо ссылаться на детали: его справедливость очевидна.

Особенно большую озабоченность в нашей стране в последнее время вызывает то постоянное ухудшение, которое наблюдается в отношениях с Соединенными Штатами Америки. С тех пор, как здешний посланник Соединенных Штатов покинул нашу страну, имела место целая серия событий, которые обеспокоили уже и широкую общественность Финляндии, ясным свидетельством чего является, например, недавнее создание Финско-американского общества. По нашему мнению, одной из важнейших целей внешней политики в ближайшее время следовало бы считать стремление восстановить добрые и основывающиеся на доверии отношения с Соединенными Штатами Америки.

Однако мы вполне представляем себе, что нынешняя обстановка требует от нашего государственного руководства также и других мер. В этой связи мы хотим лишь кратко заявить, что, по нашему мнению, необходимо, чтобы государственное руководство приняло такие меры, с помощью которых мы смогли бы выйти из ведущейся великими державами войны и путем требуемых ситуаций переговоров обеспечить нашей стране самостоятельность, свободу и мир. На наш взгляд, следует немедленно начать изучение и зондаж такого рода возможностей.

Одновременно с намерением довести до Вашего, господин Президент Республики, сведения озабоченность по поводу положения нашей страны и ее безопасности осмеливаемся поставить вопрос о том, чтобы Вы, руководя внешней политикой нашей страны, обратили внимание на приведенные нами соображения».

(Перевод текста по книге Х. М. Виитала «Мирная оппозиция», Издательство «Кансанкулттуури», Хельсинки, 1969, стр. 125—126).

Я. В. Кето передал это обращение в шведскую печать, после чего оно стало известно и в Финляндии.

²⁷ Эрих Рафаэль (1874—1946) — известный финский специалист по международному праву, с 1938 г. — член Международного суда от Финляндии.

²⁸ Кастари Пааво Кристиан (род. в 1907) — юрист, Энкель Оскар (1878—1960) — генерал-лейтенант, до революции — один из руководителей русской военной разведки, в 1919—1924 гг. — начальник Генерального штаба финляндской армии, в описываемый период в отставке, видный деятель промышленных кругов.

* 6 декабря. — Прим. переводчика.

Глава 4

¹ Имеется в виду королевское правительство Италии (1943—1944) во главе с маршалом Пьетро Бадольо, созданное в июле 1943 г. После свержения фашистской диктатуры Муссолини, оно сотрудничало с западными союзниками.

² Деятель Шведской народной партии.

³ Дикин Артур — один из лидеров Британского конгресса трудящихся. Во время встречи с ним на конгрессе транспортных рабочих в Швеции в июле 1943 г. в Стокгольме председатель Центрального объединения профсоюзов Финляндии Э. Вуори изложил условия сепаратного выхода Финляндии из войны, суть которых состояла в изменении границы 1940 г. с СССР в пользу Финляндии. О результатах беседы Дикин информировал МИД Великобритании, кроме того, содержание беседы было опубликовано в английских газетах.

⁴ Имеется в виду политический поворот, осуществленный прогермански настроенной финской буржуазией после поражения Германии в первой мировой войне в сторону ориентации на Антанту.

⁵ Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании 19—30 октября 1943 г.

⁶ Энкель Карл (1876—1959) — известный финский дипломат, министр иностранных дел в 1918—1919, 1922, 1924 и 1944 годах. Возглавлял в сентябре 1944 г. финляндскую делегацию, подписавшую в Москве Соглашение о перемирии.

⁷ Двукратная смена правительства в тот период была связана со сменой политического курса финской буржуазии (см. примечание 4).

⁸ Пихкала Мартти (1882—1966) — известный финский реакционер, создатель (в 1920 г.) и руководитель (в 1920—1944 гг.) организации «Экспортный мир», вербовавшей штрейкбрехеров и откровенных погромщиков для борьбы с рабочим движением.

⁹ Старый Пекка — так в Финляндии было принято фамильярно называть Пера Эвинда Свинхвуда (1861—1944), известного правого политического деятеля, настроенного откровенно прогермански и неизменно враждебно относившегося к Советскому Союзу, первого регента (главу государства) независимой Финляндии в 1918 г. и президента Финляндской республики в 1931—1937 гг.

¹⁰ Здание в Хельсинки, где располагались руководящие органы социал-демократических организаций.

¹¹ Антони Арно (1900—1961) — начальник государственной полиции в 1941—1944 гг.

¹² 12 февраля 1944 г. В. Войонмаа исполнилось 75 лет.

¹³ Кауниайнен, где располагалась Рабочая Академия, в то время представлял собой дачный поселок неподалеку от Хельсинки.

¹⁴ Имеется в виду помощь продовольствием, лекарствами и т. п.

Глава 5

¹ При содействии Швеции в середине февраля 1944 г. в Стокгольме стоялась встреча представителей СССР (посланник в Швеции А. М. Коллонтай) и Финляндии (Ю. К. Паасикиви), в ходе которой с советской стороны были изложены конкретные усло-

вия перемирия (см. Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны, т. II. М., 1946, с. 89).

² 28 февраля традиционно отмечается как День Калевалы — национального эпоса карельского и финского народов.

³ В числе советских условий перемирия было требование разрыва отношений с Германией и интернирования находящихся в стране германских войск и флота.

⁴ Виркунен Пааво (1874—1959) — один из лидеров коалиционной партии, политический деятель, известный своей реакционностью, священник.

⁵ Имеется в виду предпринятая в конце февраля — начале марта 1932 г. деятелями Лапуасского движения и Шюцкора неудачная попытка путча фашистского типа.

⁶ Представители Аграрного союза; У. Кекконен — будущий президент Финляндии.

⁷ В связи с тем что в печати Финляндии и других стран появились сообщения, до неузнаваемости извращавшие условия перемирия, выдвинутые Советским Союзом, Информбюро Народного комиссариата иностранных дел 1 марта 1944 г. опубликовало сообщение о советско-финских отношениях, изложив советские условия. В нем, в частности, были опровергнуты утверждения о якобы предъявленном СССР требовании безоговорочной капитуляции Финляндии.

⁸ Автор имеет в виду социал-демократов.

⁹ По совету Швеции правительство Финляндии в марте 1944 г. обратилось в Москву с просьбой принять делегацию для уточнения условий перемирия.

¹⁰ Речь идет о предложении Советского Союза провести осенью 1939 г. переговоры между СССР и Финляндией относительно мер, которые могли бы обеспечить безопасность северо-западных границ Советского Союза.

¹¹ Рунеберг Йохан (1807—1877), финляндский поэт, писавший на шведском языке. Его стихотворение «Наш край» стало текстом Государственного гимна Финляндии. Рунеберг был одним из идейных основоположников финляндского национализма.

¹² День убийства Юлия Цезаря. В переносном смысле — роковая дата.

¹³ Известный шведский государственный деятель и дипломат того времени.

¹⁴ Эстерботнией в литературе принято называть восточное (финляндское) побережье Ботнического залива. Средняя Эстерботния — район г. Вааса, известен как один из центров крайне правых течений в Финляндии, в том числе фашистского движения в 1929—1932 гг., получившего название «лапуасского» (по названию местечка Лапуа).

¹⁵ Пелтонен Онни (род. в 1894) и Сюръянен Аугуст (1893—1956), деятели социал-демократической партии.

¹⁶ Опуская слово «рабочая» и заключая слово «академия» в кавычки, автор слегка подтрунивает над несколько напыщенным названием партийного учебного заведения финских социал-демократов.

¹⁷ Советское правительство дало положительный ответ на просьбу правительства Финляндии принять делегацию для уточнения условий перемирия.

¹⁸ Декларация глав правительств США и Великобритании от 14 августа 1941 г., в которой в общей форме говорилось о целях войны против фашистской Германии и ее союзников и послевоенном устройстве мира. СССР присоединился к ней в сентябре 1941 г.

¹⁹ Речь идет об условиях, изложенных Ю. К. Паасикиви и К. Энкелю в Москве.

²⁰ Размер возмещения убытков, причиненных военными действиями Финляндии, с советской стороны был установлен в 600 млн. долларов, о чем было сообщено Ю. К. Паасикиви и К. Энкелю.

²¹ Имеется в виду начавшееся 9 июня 1944 г. наступление Красной Армии на советско-финляндском фронте.

²² Ныне г. Зеленогорск Ленинградской области.

²³ Высадка американо-английских войск в Нормандии, открытие так называемого «второго фронта».

²⁴ Загородная резиденция президентов Финляндии на окраине Хельсинки.

²⁵ Один из сыновей автора.

²⁶ В г. Миккели во время войны находилась ставка Маннергейма.

²⁷ Начиная с февраля предпринимались все меры, чтобы сорвать финляндско-советские переговоры о перемирии.

²⁸ 1 июня 1944 г. Гитлер направил Маннергейму письмо, в котором предостерегал против мирных переговоров с Советским Союзом. В письме содержался также отказ в военных поставках.

²⁹ Подразумевается так называемая «мирная оппозиция» — группа финских государственных и общественных деятелей, выступавшая за выход Финляндии из войны.

³⁰ Кастрен Эрик (род. в 1904) и Кайра Каарло (1886—1966), известные финские юристы, специалисты по государственному праву.

³¹ Кауши Калле (1922—1961), один из лидеров прогрессистской партии, в 1941—1943 гг. юридический советник ставки главнокомандующего финской армии.

³² 26 июня 1944 г. Рюти подписал адресованное Гитлеру обязательство вести до конца войну против Советского Союза бок о бок с Германией и не заключать мира с СССР без ведома германского правительства.

³³ В переводе с финского «прямые слова».

³⁴ 1 августа 1944 г. Р. Рюти ушел в отставку с поста президента Финляндии, и 4 августа парламент принял чрезвычайный закон об избрании президентом Маннергейма.

³⁵ Рюдман Ээро (1889—1963), деятель прогрессистской партии, в 1937—1944 гг. председатель муниципалитета Хельсинки.

Глава 6

¹ Кейтель, фельдмаршал, в 1938—1945 гг. — начальник штаба верховного главного командования вооруженных сил гитлеровской Германии.

² Имеется в виду Маннергейм, как по занимаемому положению, так и по росту.

³ 23 августа в Румынии было смещено правительство Антонеску, и Румыния объявила о прекращении военных действий против Объединенных наций и принятии условий перемирия.

⁴ Финляндия не имеет единой конституции. Важнейшими законами являются закон о форме правления (1919 г.) и закон о парламенте (1922 г.).

⁵ Согласно закону о форме правления, указы и наиболее важные решения президента должны приниматься на заседании Государственного совета (правительства) и без подписи соответствующего министра они не могут иметь силу закона.

⁶ Река в Северной Финляндии.

⁷ Так в Финляндии принято называть проводимые во второй половине дня неофициальные (формальные решения на них не принимаются) заседания правительства.

⁸ Имеется в виду политический курс, приведший в июне 1944 г. к соглашению с Риббентропом, в соответствии с которым Финляндия продолжала участвовать в войне на стороне гитлеровской Германии.

⁹ Председатель Высшего административного суда Финляндии У. Кастрен сменил тяжело заболевшего Хакцеля на посту главы правительства 21 сентября 1944 г.

¹⁰ Член Политбюро ЦК ВКП(б), член Военного совета Ленинградского фронта генерал-полковник А. А. Жданов был назначен председателем учрежденной в соответствии с Соглашением о перемирии Союзной Контрольной Комиссии в Финляндии.

¹¹ Речь идет об убийстве неизвестным лицом советского офицера на западной окраине Хельсинки.

¹² Имеется в виду согласие Советского Союза предоставить Финляндии наказание ее военных преступников, в то время как по Ялтинскому соглашению (февраль 1945 г.) Советский Союз мог бы требовать выдачи ему военных преступников для осуществления суда над ними.

¹³ Общество «Финляндия — Советский Союз» было основано 15 октября 1944 г. по инициативе широких кругов общественности. Почетным председателем общества был избран Ю. К. Паасикиви.

¹⁴ Порккала-Удд — территория неподалеку от Хельсинки, предоставленная Финляндией по Соглашению о перемирии СССР на правах аренды на 50 лет для создания военно-морской базы. Была досрочно возвращена Финляндии в 1955 г.

¹⁵ Назначенное 17 ноября 1944 года так называемое «второе правительство Паасикиви» (впервые Паасикиви возглавлял правительство Финляндии с мая по ноябрь 1918 г.) состояло из следующих министров: министр без портфеля (фактически заместитель премьер-министра) — Мауно Пеккала, иностранных дел — Карл Энкель и Рейнхольд Свенто (второй), юстиции — Урхо Кекконен, внутренних дел — Каарло Хиллиля, обороны — генерал-лейтенант Вьяйнэ Вальве, финансов — Иохан Хело и Сакари Туомия (второй), просвещения — Ууно Такки, сельского хозяйства — Эмиль Луукка, путей сообщения и общественных работ — Ээро А. Вуори и Онни Хилтунен (второй), торговли и промышленности — Оке Гартц, социальных дел — Ральф Тэрнгрэн Юрьё Лейно (второй), народного снабжения — Калле Ютила и Яло Аура (второй). Из них Паасикиви, Энкель и Вальве были формально беспартийными, Пеккала, Свенто, Такки, Вуори, Хилтунен и Аура представ-

ляли социал-демократическую партию (первые двое в дальнейшем перешли в Демократический союз народа Финляндии и присоединились к Хело и Лейно), Кекконен, Хиллиля, Луукка и Ютила — Аграрный союз, Гартц и Тэрнгрэн — Шведскую народную, а Туомиоя — Прогрессистскую партии.

¹⁶ Соглашение о перемирии предусматривало отмену всякого дискриминационного законодательства (ст. 20). В соответствии с этим Коммунистическая партия Финляндии, находившаяся в подполье с момента своего основания в 1918 г., получила право легальной деятельности.

¹⁷ Сасу Пунанен — псевдоним известного финского социал-демократического журналиста Ю. Рясанена — одного из так называемой «шестерки».

¹⁸ Демократический союз народа Финляндии — массовая общественно-политическая организация сотрудничества демократических сил — был основан 29 октября 1944 г. на конференции представителей компартии, «группы шести» и других социалистических групп, перешедших от антитаннерской оппозиции в социал-демократической партии к открытому разрыву с этой партией.

¹⁹ Теоретический орган компартии Финляндии.

²⁰ В этой речи Паасикиви, в частности, сказал: «В коренных интересах нашего народа проводить внешнюю политику так, чтобы она не была направлена против Советского Союза. Мир и согласие, а также добрососедские отношения с Советским Союзом, основанные на полном доверии, являются первым принципом, которым следует руководствоваться в нашей государственной деятельности!»

²¹ Так в Финляндии одно время называли группу молодых деятелей социал-демократической партии, в основном бывших офицеров, занявших после окончания войны в партии крайне правые, антисоветские позиции.

²² Ученое звание для лиц, окончивших в Финляндии гуманитарные факультеты высших учебных заведений.

²³ Речь идет о заговоре верхушки финляндской армии, имевшем целью создание боевых подпольных организаций для развертывания на территории Финляндии после выхода ее из войны военных действий партизанского характера.

²⁴ Имеется в виду Потсдамская конференция глав правительств СССР, США и Великобритании 17 июля — 2 августа 1945 г., которая уже закончилась ко дню написания письма. Автор, по-видимому, об этом не знал.

²⁵ Автор иронизирует над тем, что, по мнению таннерцев, правительство своей экономической политикой якобы ухудшает условия Соглашения о перемирии.

²⁶ Блоком «трех сильных» (чаще «трех больших») в Финляндии принято называть соглашение о сотрудничестве, включая совместное участие в правительстве, трех крупнейших в то время политических сил страны — ДСНФ (ведущую роль играла компартия Финляндии), социал-демократической партии и Аграрного союза, заключенное в 1945 г., после первых послевоенных парламентских выборов. В 1948 г. по инициативе Аграрного союза и социал-демократов оно было фактически разорвано и блок перестал существовать.

²⁷ Речь идет о поездке представителей высшего военного командования Финляндии в штаб-квартиру верховного командования вооруженных сил гитлеровской Германии, для окончательной координации действий в связи с предстоявшей агрессией против Советского Союза.

²⁸ Высшее должностное лицо, входящее в состав Государственного совета, которое осуществляет надзор за соблюдением законов в Финляндии; примерно соответствует генеральному прокурору.

²⁹ Холсти Рудольф — известный финский дипломат, министр иностранных дел Финляндии в 1919—1922 и в 1936—1938 гг.

³⁰ Процесс над главными виновниками вовлечения Финляндии в войну против СССР в союзе с гитлеровской Германией начался в Хельсинки 15 ноября 1945 г.

³¹ Видная деятельница и многолетний член руководства Коммунистической партии и Демократического союза народа Финляндии (ДСНФ).

³² Под этим названием в истории Финляндии обычно подразумевается борьба финского народа против посягательств на права Финляндии со стороны царского самодержавия. Реакционные силы пытались демагогически использовать это понятие в своей борьбе против послевоенного демократического обновления Финляндии.

ПРИЛОЖЕНИЯ

СОГЛАШЕНИЕ О ПЕРЕМИРИИ МЕЖДУ СОЮЗОМ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК И СОЕДИНЕННЫМ КОРОЛЕВСТВОМ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ, С ОДНОЙ СТОРОНЫ, И ФИНЛЯНДИЕЙ, С ДРУГОЙ¹

Ввиду того, что Правительство Финляндии приняло предварительное условие Советского Правительства о разрыве с Германией и о выводе немецких войск из Финляндии, и принимая во внимание, что заключение будущего договора о мире будет облегчено включением в Соглашение о перемирии некоторых условий этого договора о мире, Правительство Союза Советских Социалистических Республик и Правительство Его Величества в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, действующие от имени всех Объединенных Наций, находящихся в состоянии войны с Финляндией, с одной стороны, и Правительство Финляндии, с другой стороны, решили заключить настоящее Соглашение о перемирии, осуществление которого будет проходить под контролем Советского Главнокомандования, также действующего от имени Объединенных Наций, находящихся в состоянии войны с Финляндией, и именуемого в дальнейшем «Союзное (Советское) Главнокомандование».

На основе вышеизложенного представитель Союзного (Советского) Главнокомандования генерал-полковник А. А. Жданов и представители Правительства Финляндии Министр Иностранных Дел г-н Карл Энкель, Министр Обороны генерал от инфантерии Рудольф Вальден, Начальник Генерального Штаба генерал от инфантерии Эрик Хейнрикс и генерал-лейтенант Оскар Энкель, должным образом на то уполномоченные, подписали следующие условия:

1. В связи с прекращением военных действий со стороны Финляндии 4 сентября 1944 года и со стороны Советского Союза 5 сентября 1944 года Финляндия обязуется отвести свои войска за линию советско-финской границы 1940 года в порядке, предусмотренном в Приложении к настоящему Соглашению. (См. Приложение к статье 1).

¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Госполитиздат, 1946, т. II.

2. Финляндия обязуется разоружить германские наземные, морские и воздушные вооруженные силы, которые остались в Финляндии после 15 сентября 1944 года, и передать их личный состав Союзному (Советскому) Главнокомандованию в качестве военнопленных, в чем Советское правительство окажет финской армии помощь.

Правительство Финляндии также обязуется интернировать находящихся на ее территории германских и венгерских граждан. (См. Приложение к статье 2.)

3. Финляндия обязуется предоставить по требованию Союзного (Советского) Главнокомандования аэродромы на южном и юго-западном побережье Финляндии со всем оборудованием для базирования советских самолетов на время, необходимое для военно-воздушных операций против германских войск в Эстонии и против немецкого военно-морского флота в северной части Балтийского моря. (См. Приложение к статье 3.)

4. Финляндия обязуется перевести свою армию на мирное положение в течение двух с половиной месяцев со дня подписания настоящего Соглашения. (См. Приложение к статье 4.)

5. Финляндия, порвавшая всякие отношения с Германией, также обязуется порвать всякие отношения с государствами-сателлитами Германии. (См. Приложение к статье 5.)

6. Действие Мирного Договора между Советским Союзом и Финляндией, заключенного в Москве 12 марта 1940 года, восстанавливается с изменениями, вытекающими из настоящего Соглашения.

7. Финляндия возвращает Советскому Союзу область Петсамо (Печенга), добровольно уступленную Финляндии Советским Государством по Мирным Договорам от 14 октября 1920 года и от 12 марта 1940 года, в границах, описанных в Приложении к настоящему Соглашению и показанных на карте. (См. Приложение к статье 7 и карту масштаба 1 : 500 000.)

8. Советский Союз отказывается от своих прав на аренду полуострова Ханко, предоставленных ему советско-финским Мирным Договором от 12 марта 1940 года, а Финляндия со своей стороны обязуется предоставить Со-

ветскому Союзу на правах аренды территорию и водные пространства для создания советской военно-морской базы в районе Порккала-Удд.

Границы территории и акватории базы в Порккала-Удд определяются Приложением к настоящей статье и показаны на карте. (См. Приложение к статье 8 и карту масштаба 1 : 100 000.)

9. Действие Соглашения об Аландских островах, заключенного между Советским Союзом и Финляндией 11 октября 1940 года, полностью восстанавливается.

10. Финляндия обязуется немедленно передать всех находящихся в ее власти советских и союзных военнопленных, а также интернированных и насильственно увезенных в Финляндию советских и союзных граждан Союзному (Советскому) Главнокомандованию для их возвращения на родину.

С момента подписания настоящего Соглашения и впредь до репатриации Финляндия обязуется обеспечивать за свой счет всех советских и союзных военнопленных, а также насильственно увезенных и интернированных граждан достаточным питанием, одеждой, медицинским обслуживанием в соответствии с санитарными требованиями, равно как и средствами транспорта для их возвращения на родину.

Одновременно с этим Финляндии будут переданы финские военнопленные и интернированные лица, находящиеся на территории Союзных государств.

11. Убытки, причиненные Финляндией Советскому Союзу военными действиями и оккупацией советской территории, Финляндия обязуется возместить Советскому Союзу в размере трехсот миллионов долларов с погашением в течение шести лет товарами (лесные материалы, бумага, целлюлоза, морские и речные суда, различное машинное оборудование).

Будет предусмотрено также возмещение в дальнейшем Финляндией убытков, причиненных собственности других Союзных государств и их подданных в Финляндии во время войны, причем размер компенсации должен быть установлен особо. (См. Приложение к статье 11.)

12. Финляндия обязуется восстановить все законные права и интересы Объединенных Наций и их граждан на финской территории, как они существовали перед войной, а также вернуть в полной сохранности их собственность.

13. Финляндия обязуется сотрудничать с Союзными Державами в деле задержания лиц, обвиняемых в военных преступлениях, и суда над ними.

14. Финляндия обязуется в сроки, указанные Союзным (Советским) Главнокомандованием, возвратить Советскому Союзу в полной сохранности вывезенные в Финляндию с советской территории во время войны все ценности и материалы, принадлежащие государственным, общественным, кооперативным организациям, предприятиям, учреждениям или отдельным гражданам, как-то: оборудование фабрик и заводов, паровозы, железнодорожные вагоны, суда, тракторы, автомашины, исторические памятники, музейные ценности и всякое другое имущество.

15. Финляндия обязуется передать в качестве трофеев в распоряжение Союзного (Советского) Главнокомандования все находящееся на территории Финляндии военное имущество Германии и ее сателлитов, включая принадлежащие этим странам и находящиеся в финских водах военные и другие суда.

16. Финляндия обязуется не допускать вывоза или экспроприации всякого рода имущества (включая ценности и валюту), принадлежащего Германии и Венгрии или их гражданам, или лицам, проживающим на их территориях, или на территориях, ими занятых, без разрешения Союзного (Советского) Главнокомандования.

17. Над финскими торговыми судами, кроме тех судов, которые уже находятся под союзным контролем, должен быть установлен контроль Союзного (Советского) Главнокомандования для использования их в общих интересах Союзников.

18. Финляндия обязуется передать Союзному (Советскому) Главнокомандованию все суда, принадлежащие Объединенным Нациям и находящиеся в портах Финляндии, независимо от того, в чьем распоряжении эти суда находятся, для использования Союзным (Советским) Главнокомандованием на время войны против Германии в общих интересах Союзников с последующим возвращением этих судов их собственникам.

19. Финляндия предоставит такие материалы и продукцию, которые могут потребовать Объединенные Нации для целей, связанных с войной.

20. Финляндия обязуется немедленно освободить, независимо от гражданства и национальной принадлежности, всех лиц, содержащихся в заключении в связи с их деятельностью в пользу Объединенных Наций или за их сочувствие делу Объединенных Наций, или ввиду их расового происхождения, а также отменить всякое дискриминационное законодательство и вытекающие из него ограничения.

21. Финляндия обязуется немедленно распустить находящиеся на ее территории все прогитлеровские (фашистского типа) политические, военные, военизированные, а также другие организации, ведущие враждебную Объединенным Нациям, в частности Советскому Союзу, пропаганду, и впредь не допускать существования такого рода организаций.

22. Будет учреждена Союзная Контрольная Комиссия, которая впредь до заключения мира с Финляндией примет на себя регулирование и контроль за исполнением настоящих условий под общим руководством и по указаниям Союзного (Советского) Главнокомандования, действующего от имени Союзных Держав. (См. Приложение к статье 22.)

23. Настоящее Соглашение вступает в силу с момента его подписания.

Составлено в Москве 19 сентября 1944 г. в одном экземпляре, который будет передан на хранение Правительству СССР, на русском, английском и финском языках, причем русский и английский тексты являются аутентичными.

Заверенные копии настоящего Соглашения с приложениями и картами будут переданы Правительством СССР каждому другому правительству, от имени которого подписывается настоящее Соглашение.

*По уполномочию Правительств Союза ССР
и Соединенного Королевства А. ЖДАНОВ*

*По уполномочию Правительства Финляндии
К. ЭНКЕЛЬ, Р. ВАЛЬДЕН, Э. ХЕЙНРИХС,
О. ЭНКЕЛЬ*

К «СОГЛАШЕНИЮ О ПЕРЕМИРИИ МЕЖДУ СОЮЗОМ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК И СОЕДИНЕННЫМ КОРОЛЕВСТВОМ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ, С ОДНОЙ СТОРОНЫ, И ФИНЛЯНДИИ, С ДРУГОЙ», ПОДПИСАННОМУ В г. МОСКВЕ 19 СЕНТЯБРЯ 1944 г.

А. Приложение к статье 1

Порядок отвода войск Финляндии за линию государственной границы между СССР и Финляндией, установленную Мирным Договором от 12 марта 1940 г., с изменениями, вытекающими из Соглашения о перемирии, подписанного 19 сентября 1944 года, на всех участках, занимаемых финскими войсками, устанавливается следующий:

1. В течение первого дня с момента подписания Соглашения о перемирии финские войска отводятся на такое расстояние, чтобы между передовыми частями Красной Армии и финскими войсками был промежуток не менее одного километра.

2. В течение 48 часов (2 суток), считая с того же момента, финские войска проделывают проходы в своих минных, проволочных заграждениях шириной не менее 30 метров с тем, чтобы проходы обеспечивали свободное движение батальонных колонн с их обозами, а также ограждают оставшиеся минные поля ясно видимыми знаками.

Указанные проходы в заграждениях и ограждения минных полей производятся по всей территории отхода финских войск.

Очищение проходов финскими войсками производится по всем дорогам и тропам, могущим служить для движения как в нейтральной километровой полосе, так и на всю глубину этих заграждений.

К концу вторых суток командование финских войск передает соответствующему командованию войск Красной Армии точные схемы всех видов заграждений с указанием на этих схемах сделанных и подлежащих проделыванию финскими войсками проходов, а также ограждений всех минных полей.

3. Финское командование передаст в 5-дневный срок командованию Красной Армии и Военно-Морского Флота имеющиеся у него схемы, формуляры, отчетные карточки с легендами по всем минным полям и другим заграждениям, поставленным на суше, реках, озерах, а также в Балтийском и Баренцовом морях, и, кроме того, данные о рекомендованных курсах, фарватерах и правила плавания по ним.

4. Полное устранение минных, проволочных и других заграждений на всей территории линии расположения передовых финских частей до линии государственной границы, а также траленье и очистка от заграждений фарватеров на подходах к советским территориям производится силами финских войск и военно-морского флота в возможно короткий срок и не более 40 дней с момента подписания Соглашения о перемирии.

5. Отвод финских войск за государственную границу и продвижение к ней войск Красной Армии начинается с 9 часов утра 21 сентября 1944 года одновременно по всей линии фронта.

Отвод финских войск совершается ежедневными переходами не менее 15 километров в сутки, причем продвижение войск Красной Армии производится с таким расчетом, чтобы между тыловыми частями финских войск и передовыми частями Красной Армии было бы расстояние 15 километров.

6. Сроки отвода финских войск на отдельных участках за линию государственной границы устанавливаются, в соответствии с указанным выше пунктом 5, следующие:

- на участке *Вуокинсальма, Риахимяки* — 1 октября,
- на участке *Риахимяки, Р. Койта-Йоки* — 3 октября,
- на участке *Р. Койта-Йоки, Корписелькя* — 24 сентября,
- на участке *Корписелькя, оз. Пюхя-Ярви* — 28 сентября,
- на участке *Пюхя-Ярви, Койтсанлахти* — 26 сентября,
- на участке *Койтсанлахти, ст. Энсо* — 28 сентября,
- на участке *ст. Энсо, Виролахти* — 24 сентября.

Отходящие финские войска берут с собой лишь носимые и возимые запасы боеприпасов, продовольствия, фуража и горюче-смазочных материалов. Все прочие запасы оставляются на месте и передаются командованию Красной Армии.

7. Финское военное командование обязано передать на возвращаемой и отходящей Советскому Союзу территориях в полной сохранности и в исправном состоянии все населенные пункты, пути сообщения, оборонительные и хозяйственные сооружения, и в том числе мосты, плотины, аэродромы, казармы, склады, железнодорожные узлы, станционные здания, промышленные предприятия, гидротехнические сооружения, порты и пристани, телеграф, телефон, электростанции, линии связи и электролинии.

Распоряжением Финского военного командования должны быть заблаговременно разминированы все вышеперечисленные и подлежащие передаче объекты.

8. Правительство Финляндии при отводе финских войск за линию государственной границы гарантирует личную неприкосновенность и сохранение местожительства населению покидаемых финскими войсками территорий, а также сохранение всего принадлежащего этому населению имущества и имущества общественного, кооперативного, культурно-бытового и другого значения.

9. Все вопросы, могущие возникнуть при передаче финской стороной объектов, указанных в пункте 7 настоящего Приложения, разрешаются представителями обеих сторон на месте, для чего на каждой основной дороге движения войск обеих армий командованием выделяются специальные уполномоченные на период отвода войск.

10. Продвижение советских войск к линии государственной границы на участках, занимаемых немецкими войсками, производится распоряжением командования советских войск.

В. Приложение к статье 2

1. Финское военное командование передаст Союзному (Советскому) Главнокомандованию в указанный последним срок все имеющиеся в его распоряжении сведения о германских вооруженных силах и планах германского военного командования по развертыванию боевых действий против Союза ССР и других Объединенных Наций, а также схемы и карты и всю оперативную документацию, относящуюся к военным действиям немецких вооруженных сил.

2. Финское Правительство обязет соответствующие свои органы регулярно передавать Союзному (Советскому) Главнокомандованию метеорологическую информацию.

С. Приложение к статье 3

1. В соответствии со статьей 3 Соглашения Союзное (Советское) Главнокомандование укажет Финскому военному командованию, какие аэродромы необходимо предоставить в распоряжение Союзного (Советского) Главнокомандования и какое оборудование должно оставаться на аэродромах, а равно установит порядок пользования этими аэродромами.

Финское Правительство обеспечит Советскому Союзу пользование железнодорожными, водными, шоссейными и воздушными путями, необходимыми для перевозки людей и грузов, отправляемых из Советского Союза в районы расположения указанных аэродромов.

2. Впредь до окончания войны против Германии союзные военные корабли и торговые суда будут иметь право пользоваться территориальными водами, портами, пристанями и якорными стоянками Финляндии. Финское Правительство окажет необходимое содействие по материально-техническому обслуживанию.

Д. Приложение к статье 4

1. В соответствии со статьей 4 Соглашения Финское военное командование немедленно предоставит Союзному (Советскому) Главнокомандованию полную информацию о составе, вооружении и дислокации всех сухопутных, морских и воздушных сил Финляндии, а также согласует с Союзным (Советским) Главнокомандованием порядок перевода финской армии на мирное положение в установленный Соглашением срок.

2. Все финские военные корабли, торговые суда и самолеты на период войны с Германией должны быть возвращены на свои базы, порты, аэродромы, и не покидать их без получения на то соответствующего разрешения от Союзного (Советского) Главнокомандования.

Е. Приложение к статье 5

1. Под упоминаемым в статье 5 Соглашения разрывом Финляндией всяких отношений с Германией и ее сателлитами имеется в виду разрыв всех дипломатических, консульских и иных отношений, а также почтово-телеграфно- и телефонной связи Финляндии с Германией и Венгрией.

2. Финское Правительство обязуется впредь до того, когда будет покончено с удалением из Финляндии немецких войск, прекратить почтовую дипсвязь, а также всякую радиотелеграфную и телеграфную шифрпереписку и телефонную связь с заграницей дипломатических миссий и консульств, находящихся в Финляндии.

Г. Приложение к статье 7

Линия государственной границы между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндией, в связи с возвращением Финляндией Советскому Союзу области Петсамо (Печенга), проходит следующим образом:

От пограничного столба № 859/90 (Корватунтури), близ озера Юри-Ярви, линия государственной границы устанавливается в северо-западном направлении по бывшей российско-финляндской границе через пограничные столбы № 91, 92 и 93 к пограничному столбу № 94, где раньше сходились границы России, Норвегии и Финляндии.

Далее линия границы проходит в общем северо-восточном направлении по бывшей российско-норвежской государственной границе до Варангер фьорд. (См. приложенную русскую карту масштаба 1 : 500 000.)

Линия границы, установленная от пограничного столба № 859/90 (Корватунтури) до пограничного столба № 94, будет демаркирована на местности Советско-Финляндской Смешанной Комиссией.

Комиссия установит пограничные знаки, составит подробное описание этой линии и нанесет ее на карту масштаба 1 : 25 000.

Комиссия приступит к работе в срок, указанный Советским Военным Командованием.

Составленные упомянутой выше Комиссией описание линии границы и карта этой линии подлежат утверждению обоими Правительствами.

Г. Приложение к статье 8

1. Начальным пунктом границы арендуемого Союзом ССР у Финляндии района Порккала-Удд является точка с координатами: широта = $59^{\circ}50'$ северная; долгота = $24^{\circ}07'$ восточная. От этой точки линия границы проходит на север по меридиану $24^{\circ}07'$ к точке с координатами: широта = $60^{\circ}06'$, 2 северная; долгота = $24^{\circ}07'$ восточная. Далее линия границы проходит по условной кривой в северном направлении к точке с координатами: широта = $60^{\circ}08'$, 1 северная; долгота = $24^{\circ}07'$, 6 восточная.

Отсюда линия границы проходит по условной кривой в общем северо-восточно-восточном направлении к точке с координатами: широта = $60^{\circ}10'$, 4 северная, долгота = $24^{\circ}34'$, 1 восточная. Далее по условной кривой вдоль залива Эспо-Лахти, а затем восточнее островов Смухольмарне, Бьеркен, Медвасте, Хег-Хольм и Стур-Хамн-Хольм к точке с координатами: широта = $60^{\circ}02'$, 9 северная; долгота = $24^{\circ}37'$, 7 восточная, и далее линия границы проходит на юг по меридиану $24^{\circ}37'$, 7 до внешних пределов территориальных вод Финляндии. (См. приложенную к настоящему Соглашению карту масштаба: 1 : 100 000.)

Линия границы арендуемого района Порккала-Удд будет демаркирована на местности Советско-Финляндской Смешанной Комиссией. Комиссия установит граничные знаки и составит подробное описание этой линии и нанесет ее на топографическую карту масштаба 1 : 20 000 и морскую карту масштаба 1 : 50 000.

Комиссия приступит к работе в срок, указанный советским военно-морским командованием.

Составленные упомянутой выше Комиссией описание линии границы арендованного района и карта этой линии подлежат утверждению обоими Правительствами.

2. В соответствии со статьей 8 Соглашения территория и водные пространства в районе Порккала-Удд должны быть переданы Финляндией Советскому Союзу в течение 10-ти дней с момента подписания Соглашения о перемирии для организации советской военно-морской базы на

правах аренды в пользование и управление сроком на 50 лет с ежегодной уплатой Советским Союзом 5 миллионов финских марок.

3. Финское Правительство обязуется обеспечить Советскому Союзу пользование железнодорожными, водными, шоссейными и воздушными путями, необходимыми для перевозки людей и грузов, отправляемых из Советского Союза в военно-морскую базу в Порккала-Удд.

Финское правительство предоставит Советскому Союзу право беспрепятственного пользования всеми видами связи между СССР и арендуемой территорией в районе Порккала-Удд.

Н. Приложение к статье 11

Подробные наименования и виды товаров, поставляемых Финляндией Советскому Союзу в соответствии со статьей 11 Соглашения, а также уточненные сроки этих поставок по годам будут определены особым соглашением между двумя Правительствами.

В основу расчетов по выплате возмещения, предусмотренного в статье 11 Соглашения, положен американский доллар по его золотому паритету на день подписания Соглашения, т. е. 35 долларов за 1 унцию золота.

И. Приложение к статье 22

1. Союзная Контрольная Комиссия является органом Союзного (Советского) Главнокомандования, которому она непосредственно подчиняется.

Контрольная Комиссия будет связующим звеном между Союзным (Советским) Главнокомандованием и Финским Правительством, через каковое Правительство Комиссия и осуществляет все сношения с финскими властями.

2. Контрольная Комиссия имеет своей главной задачей наблюдение за своевременным и точным выполнением Финским Правительством статей 2, 3, 4, 10, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 20 и 21 Соглашения о перемирии.

3. Контрольная Комиссия будет иметь право получать от финских властей всю необходимую ей для выполнения вышеуказанной задачи информацию.

4. В случае обнаружения каких-либо нарушений вышеперечисленных статей Соглашения о перемирии Контрольная Комиссия делает соответственные представления финским властям для принятия надлежащих мер.

5. Контрольная Комиссия может создать специальные органы или секции, соответственно поручая им выполнение тех или иных задач.

Кроме того, Контрольная Комиссия может через своих уполномоченных производить нужные обследования и собирать необходимую ей информацию.

6. Контрольная Комиссия будет иметь своим местопребыванием г. Хельсинки.

7. Члены Контрольной Комиссии, а равно и ее уполномоченные имеют право беспрепятственно посещать всякого рода учреждения, предприятия и порты и получать там всю необходимую для их деятельности информацию.

8. Контрольная Комиссия будет пользоваться всеми дипломатическими привилегиями, включая неприкосновенность личности, имущества и архивов, и будет иметь право сношения путем шифра и динкурьеров.

9. Контрольная Комиссия будет иметь в своем распоряжении несколько самолетов, для пользования которыми финскими властями предоставляются все необходимые условия.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аалтонен А. 25, 26, 30, 37, 101, 114, 135, 153, 175, 204, 214, 238, 249 *
- Латтела 62
- Ампуя М. 18, 247 *
- Андерссон Г. 114, 137
- Андерссон К. 180
- Андропов Ю. В. 6, 13
- Антонеску Й. 259
- Антони А. 100, 101, 159, 256 *
- Арнио 21
- Аура Я. 231, 259, 260
- Ауэр В. 69, 251 *
- Ахо Л. 44
- Ахо Ю. 71, 251 *
- Бадольо П. 140, 256 *
- Блюхер ф. В. 22, 74, 81, 102, 110, 124, 166, 191, 248 *
- Богеман 171, 257 *
- Борн ф. Э. 23, 24, 134, 213, 248 *
- Брумер 92
- Брюггари 62, 174, 176, 179
- Вайсауэр 89, 90
- Вайцзекер 102, 253 *
- Вальве В. 259, 260
- Вальден Р. 23, 52, 53, 78, 81, 88, 97, 99, 100, 122, 135, 152, 159, 169, 170, 194, 195, 211, 227, 231, 248 *
- Барма А. 101, 103, 143
- Барьонен 238
- Вестеринен 27, 230
- Виика К. 247
- Виктор Эммануил III 143
- Вилкуна К. 120
- Вирккунен П. 166, 218, 257 *
- Виртанен А. 22, 32, 59, 62, 101, 114, 116, 137, 140, 159, 167, 170, 179, 224, 238, 248 *
- Виттинг Р. 14, 15, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 30, 31, 34, 42, 45, 51, 52, 57, 62, 63, 66, 67, 68, 74, 76, 77, 79, 81, 82, 88, 93, 94, 98, 99, 101, 102, 103, 106, 110, 117, 119, 165, 246 *
- Войонмаа В. 5, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 23, 29, 37, 62, 63, 95, 107, 138, 146, 147, 152, 175, 179, 198, 203, 204, 206, 208, 225, 249, 251, 254, 256
- Войонмаа Т. 6
- Войонмаа У. 195
- Вуолийоки Х. 16, 18, 24, 94, 127, 247 *
- Вуори Э. А. 35, 36, 37, 142, 174, 176, 191, 201, 203, 205, 211, 221, 222, 223, 224, 225, 226,

На страницах, отмеченных *, даются пояснения.

230, 231, 232, 249 *, 256,
259, 260

Вышинский А. Я. 190

Гертц О. 230, 259, 260

Геббельс Й. 204

Гегечкори Е. 122, 254 *

Геер де, Я. 104

Геринг Г. 66

Гиммлер Г. 101, 103, 239

Гитлер А. 67, 72, 75, 84, 93,
202, 207, 208, 215, 216, 240,
246, 258

Грипенберг Г. 82, 83, 152, 252 *

Густав Адольф II 253

Гюнтер К. 21, 22, 23, 248 *

Дальтон 82, 252 *

Дикин А. 142, 256 *

Дитль Э. 86, 252 *

Донован 95, 252 *

Ери 198

Жданов А. А. 222, 223, 234,
236, 243, 244, 259 *

Зиллиакус К. 120

Зиллиакус Л. 120, 123, 145

Иден А. 120, 121, 250 *

Икола О. 32, 59, 105, 109, 110,
131, 192, 214, 251 *

Ихана И. 95

Йокинен К. 176, 180, 203, 204,
207, 221, 231

Кайра К. 201, 258 *

Каллиала 93

Каллинен 238, 239

Каллио К. 253

Карес К. 21, 23, 32, 76, 77, 86,
248 *

Карьялайнен 245

Кастари П. К. 135, 146, 255 *

Кастрен У. 222, 224, 259 *

Кастрен Э. 201, 258 *

Кауппи К. 202, 230, 258 *

Каяла О. 45, 250 *

Каяндер А. К. 14, 32, 108, 246 *

Квислинг В. 24, 41, 93

Кейтель В. 213, 214, 215, 216,
258 *

Кекконен У. К. 5, 6, 9, 166,
196, 198, 223, 230, 257 *, 259

Кето Я. В. 17, 18, 37, 112, 114,
115, 116, 123, 137, 151, 154,
174, 179, 204, 223, 232, 240,
245, 247 *, 255

Кивимяки Т. 14, 15, 66, 75, 103,
111, 129, 152, 211, 216, 239,
246 *

Кильпи С.-К. 19, 32, 60, 114,
137, 176, 197, 208, 223, 247 *

Кильпи Э. 61, 114, 137, 189, 232,
251 *

Койвисто М. 5, 6

Коллонтай А. М. 171, 188, 256

Кому 62

Коскимес К. 92

Котилайнен В. А. 16, 29, 247 *

Кукконен А. 120, 125, 126, 131,
140, 147, 152, 157, 165, 169,
173, 179, 192, 226, 227

Куловаара 175, 176, 180

Куусинен Х. 244, 245

Куусисто 86, 204, 206

Кярйяйнен 197, 211

Лагус 73, 251 *

Лаурила 92

Леандер 82, 88

Лейно Ю. 259, 260

Лепистэ 62, 174, 230

- Лескинен В. 238
 Лехмус К. 26
 Лехтинен А. 168, 183
 Лехтокоски 62, 164, 206
 Линдстрэм Р. 160
 Линкомиес Э. 32, 39, 41, 52, 59, 68, 79, 80, 99, 119, 120, 128, 129, 130, 133, 134, 135, 139, 140, 146, 153, 163, 164, 165, 166, 168, 171, 185, 191, 205, 206, 216, 225, 228, 239, 249 *, 254 *
 Линна 62, 75, 230
 Лонкайнен 208
 Луукка Э. 259, 260

 Мак-Клинтон 123, 125, 126, 145
 Малмберг Л. 109, 154, 253 *
 Маннергейм К. 15, 40, 43, 44, 86, 93, 96, 98, 111, 112, 113, 114, 116, 128, 166, 183, 194, 204, 209, 210, 211, 212, 213, 215, 216, 224, 227, 228, 235, 241, 246 *, 248, 253, 254, 258, 259
 Манснер 224
 Мейнандер Н. 120, 238
 Мелтти В. 233, 247 *
 Молотов В. М. 33, 142, 181, 185, 220, 242, 249
 Муссолини Б. 132, 144, 256

 Неванлинна 239
 Ниукканен Ю. 23, 27, 28, 39, 159, 166, 178, 220, 225, 248 *
 Нурминен У. 37, 61

 Оксала 92
 Орлов П. Д. 29, 249 *
 Осара 164

 Паасикиви Ю. К. 10, 14, 15, 16, 17, 19, 29, 33, 84, 91, 92, 112, 122, 132, 134, 142, 144, 146, 147, 152, 154, 159, 166, 176, 181, 182, 183, 184, 185, 190, 212, 222, 223, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 242, 243, 244, 246 *, 247, 249, 254, 256, 258, 259, 260
 Паасонен 96, 97, 133, 184, 185, 213, 214, 218, 253
 Пакаслаhti А. 57, 62, 76, 103, 104, 246 *
 Пеккала М. 17, 19, 24, 33, 35, 36, 37, 41, 45, 53, 54, 55, 74, 114, 115, 116, 118, 125, 132, 133, 137, 151, 168, 173, 174, 178, 180, 183, 187, 190, 196, 207, 208, 211, 222, 223, 226, 230, 231, 232, 236, 240, 247 *, 259, 260
 Пелтонен О. 62, 176, 257 *
 Пеннанен П. 79, 251 *
 Пиллпула 27, 28, 135
 Пихкала М. 154, 256 *
 Прокопе Х. 57, 58, 97, 106, 124, 251 *
 Пунанен С. 260
 Пунтила Л. 254

 Разули 89
 Рамсай Х. 14, 99, 102, 104, 119, 120, 121, 123, 124, 125, 126, 127, 129, 131, 133, 135, 139, 146, 147, 152, 153, 157, 158, 159, 160, 161, 163, 166, 168, 169, 172, 176, 178, 180, 181, 182, 187, 190, 193, 194, 195, 196, 204, 206, 207, 209, 218, 239, 246 *
 Рангель Ю. 14, 20, 21, 28, 29, 34, 38, 42, 44, 45, 51, 54, 56, 57, 60, 63, 82, 97, 101, 103, 119, 246 *
 Рейникка 118, 135

Рейникайнен О. 24, 25, 27, 29,
 30, 31, 37, 59, 68, 110, 114,
 125, 134, 135, 136, 137, 140,
 147, 152, 153, 157, 165, 178,
 179, 180, 198, 200, 204, 208,
 218, 225, 226, 229, 230, 248 *
 Реенпяя И. 51, 250 *
 Риббентроп Ф. Й. 66, 89, 121,
 124, 198, 205, 215, 241, 251 *
 Риекки Э. 27, 249 *
 Рузвельт Ф. Д. 72, 79, 95
 Рунеберг Й. 170, 257 *
 Рууту Ю. 18, 29, 247 *
 Рюдберг К.-М. 233, 247 *
 Рюдман Э. 211, 258
 Рюти Р. 14, 15, 23, 41, 54, 59,
 74, 90, 91, 107, 108, 111,
 112, 113, 114, 115, 116, 117,
 118, 120, 133, 141, 155, 183,
 190, 191, 193, 194, 195, 198,
 202, 203, 205, 206, 207, 208,
 210, 215, 217, 246 *, 254, 258
 Рюэмя М. 18, 94, 227, 233, 240,
 247 *, 249
 Рясянен Ю. 247 *, 260

 Салмела—Ярвинен 230
 Салменоя 32
 86, 94, 99, 104, 110, 134, 135,
 140, 170, 248 *
 Салмиала Б. 21, 52, 80, 82, 83,
 86, 94, 99, 104, 110, 134,
 135, 140, 179, 248 *
 Саловаара В. 56, 61, 62, 114,
 137, 149, 206
 Свенто Р. 17, 18, 19, 141, 143,
 223, 227, 230, 231, 236, 240,
 247 *, 259, 260
 Свинхвуд П. Э. 182, 256 *
 Силланпяя М. 125 *, 230
 Скуг 238
 Сойни 135
 Сталин И. В. 12, 29, 89, 91, 96,
 120, 121, 122, 185, 191, 242

Стольберг К. 53, 114, 115, 116,
 251 *
 Сувиранта Б. 130, 183, 186,
 254 *
 Сундстрэм К. 233, 247 *
 Суолахти Э. 239
 Сюръянен А. 44, 62, 175, 176,
 206, 250 *, 257 *
 Сэдерельм 141, 225

 Такки У. 259, 260
 Талейран Ш. М. 113
 Таннер В. 15, 16, 19, 23, 24, 25,
 26, 27, 28, 33, 35, 36, 37, 39,
 41, 42, 43, 44, 47, 50, 53, 54,
 55, 56, 57, 61, 62, 65, 66, 69,
 74, 75, 84, 85, 93, 96, 98,
 101, 106, 112, 113, 114, 115,
 116, 117, 118, 123, 125, 134,
 135, 137, 141, 143, 144, 145,
 146, 149, 150, 159, 160, 163,
 164, 167, 168, 169, 170, 173,
 175, 177, 182, 183, 188, 196,
 199, 200, 201, 202, 203, 204,
 205, 206, 207, 208, 211, 212,
 218, 219, 221, 222, 223, 224,
 225, 226, 229, 230, 232, 235,
 237, 239, 246 *, 249, 252
 Таркканен 135, 165, 169, 173,
 221, 225
 Толонен 62, 206
 Туоминен 168
 Туоминоя С. 259, 260
 Туркна М. 201
 Тэригрен Р. 230, 259, 260

 Уэллес 57, 58, 59, 124, 251 *

 Фагерхольм К. А. 56, 101, 102,
 103, 104, 159, 179, 180, 183,
 198, 207, 221, 222, 223, 224,
 225, 226, 230, 231, 232, 238,
 253 *

Фрич О. 29, 32, 52, 60, 62, 93,
94, 105, 109, 117, 133, 208,
238, 249 *

Фуруэльм Р. 29, 39, 65, 134,
135, 136, 146, 147, 153, 170,
179, 195, 196, 198, 205, 249 *

Хаккарайнен И. 98, 253 *

Хаккила В. 28, 34, 35, 36, 44,
47, 48, 53, 62, 79, 83, 96,
114, 116, 119, 135, 136, 139,
159, 169, 173, 177, 180, 204,
209, 211, 219, 221, 224, 227,
228, 249 *

Хакцель 62, 68, 89, 90, 12, 125,
130, 141, 147, 152, 155, 206,
212, 213, 215, 216, 217, 220,
251 *, 259

Хамяляйнен 45

Ханникайнен 72, 251 *

Ханссон П. А. 43, 250 *

Ханнула У. 23, 30, 32, 105, 108,
109, 117, 165, 167, 178, 248 *

Харвала 102

Хейниэ 98, 135, 179, 221, 227

Хейприкс Э. 133, 218, 254

Хело Й. 18, 227, 230, 231, 233,
247 *, 259, 260

Хельяс Л. 23, 32, 59, 62, 68,
105, 109, 110, 117, 135, 140,
146, 147, 159, 198, 248 *

Хиттонен Э. 95, 111, 130

Хиллиля К. 230, 259, 260

Хилтонен Э. 233

Хилтунен О. 45, 168, 201, 204,
207, 223, 230, 232, 238, 250 *,
259, 260

Хирвенсало 131

Холсти Р. 242, 261 *

Хонкаюури 91

Хоппер 95, 103

Хорелли 100, 101, 114, 119, 179,
209, 225, 227

Хюнинен Р. Й. 93

Хюнинен Э. 17, 159, 182, 213,
215, 247 *

Хэлл К. 123, 254 *

Цезарь Кай Юлий 84, 257

Черчилль У. С. 12, 72, 79, 82,
252

Шильдт К. 18, 47, 68, 110, 166,
198, 247 *

Шнурре 66, 251 *

Шоэфельд 57, 59, 77, 103, 105,
106, 109

Штаунин 24, 249 *

Штеенгхарт 129

Энкель К. 146, 147, 181, 185,
190, 212, 213, 214, 215, 227,
231, 235, 256 *, 258, 259, 260

Энкель О. 146, 147, 255 *

Эрих М. 48

Эрих Р. 135, 146, 147, 255 *

Эркко Э. 103, 130, 132, 253 *

Эркола 70, 251 *

Эстерхольм 117, 125, 131, 137,
140, 152, 177, 180, 208, 227,
238, 254 *

Ютила К. 230, 259, 260

Якобсон С. 101

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аграрный союз 16, 23, 27, 32, 49, 53, 54, 77, 104, 110, 112, 114, 118, 130, 164, 165, 166, 169, 170, 178, 188, 192, 198, 201, 202, 206, 211, 214, 218, 221, 226, 237, 245, 247 *, 248, 260

Академическое Карельское общество 23, 182, 218, 248 *

«Алко» 17, 102, 153

«Антикоминтерновский пакт» 42, 60, 61, 62, 65, 66, 71, 250 *

«Арбетарбладет» 22, 167, 248

Атлантическая хартия 181, 258

«Братья по оружию» 19, 87, 169, 188, 218, 238, 248 *, 252 *

Британский конгресс тред-юнионов 256

«Вапаа канса» 233

«Вапаа похьола» 233

«Вапаа сана» 233

Версальский мирный договор 250

«Вихдин сеуту» 38

Высшая школа общественных наук Финляндии 16

Высший административный суд Финляндии 259

«Гётеборгс ханделс-ок шефартстиднинг» 71, 104, 251 *

Главный штаб вооруженных сил Финляндии 26

Государственная дума 242

Государственная полиция (Центральная сыскная полиция) 100, 153, 159, 253 *, 256

Государственное информационное бюро 51, 250 *, 254 *

Государственный совет 30, 38, 49, 55, 83, 101, 124, 187, 200, 201, 202, 216, 259, 261

«Дагенс нюхетер» 50, 51, 190, 250 *

Демократический союз народа Финляндии (ДСНФ) 233, 240, 244, 247, 260, 261

День независимости 155, 235, 244, 255

«Егерское движение» 22, 24, 27, 72

Закон о чрезвычайных полномочиях 16, 20

«Зимняя война» 12, 50, 141, 204, 213, 246 *

ИКЛ («Патриотическое народное движение») 23, 27, 34, 35, 81, 113, 117, 167, 174, 175, 180, 188, 200, 202, 205, 211, 218, 248 *, 251

Калевала 163, 257 *

«Кёнинг» 17

Коминтерн 61, 62, 66

«Коммунисти» 233, 260 *

Коммунистическая партия Финляндии 233, 247, 260, 261

Красный Крест 86, 101

«Кямппи» 91, 252 *

Лапуасское движение 48, 200, 250 *, 257

Лига Наций 29, 35, 147

Лондонский комитет 148, 150, 154

Международный суд 255

«Мессухалли» 84, 235, 244, 252 *

«Моргонтиднинген» 160

Московская конференция 147, 150, 152, 153, 256 *

Московский мирный договор 23, 32, 38, 56, 60, 62, 63, 66, 84, 104, 109, 122, 142, 150, 151, 153, 154, 159, 164, 166, 167, 176, 183, 185, 192, 193, 218, 220, 248 *, 254, 255

Национальная коалиционная партия 34, 81, 164, 188, 202, 206, 211, 214, 249, 251

«Нойе цюрихер цайтунг» 219

Нюрнбергский процесс 243

Общество «Финляндия — Советский Союз» 233, 259 *

Организация Объединенных Наций 245

Ось «Берлин—Рим» 25, 31, 35, 40, 69, 120, 126, 130, 131, 132, 142

«Полк Нурдланд» 41

Потсдамская конференция 260

Прогрессивная партия 200, 202, 248, 258 *, 260

Рабочая Академия 125, 161, 174, 180, 183, 189, 191, 193, 196, 197, 213, 217, 254 *, 256

Рабочий дом 155

«Ридерс дайджест» 7

«Рюэмявское движение» 33

«Санома» 253 *

«Свенска прессен» 167

СД 154

Смольна 51, 242, 250 *

Соглашение о перемирии 236, 243, 244, 245, 248, 252, 256, 259, 260

Социал-демократическая партия Финляндии 26, 35, 47, 93, 101, 113, 114, 116, 138, 149, 188, 189, 200, 201, 202, 224, 231, 233, 237, 240, 247, 248, 249, 250, 251, 253, 254, 257, 260

Социал-демократический союз рабочих женщин 247

Союзная Контрольная Комиссия 224, 228, 240, 243, 259

Союз офицеров резерва 218,

СС 26, 27, 72, 103

«Суомен кувалехти» 76, 251 *

«Суомен сосналидемокраати» 74, 79, 251 *

«Суметарцы» 90, 91, 252 *

«Суорат санат» 208

Тегеранская конференция 155
Управление стратегических
служб 252

«Ууси аура» 50, 250 *
«Ууси суоми» 38, 44, 50, 158

Финляндская академия наук
69, 168

Финляндская группа Межпарламентского союза 110

«Хаккапеллитта» 113, 253 *
«Хельсинген саномат» 104,
253 *

Центральная организация
профсоюзов Финляндии
(ЦОПФ) 35, 129, 173, 174,

176, 191, 192, 203, 205, 249,
256

Центральное разведывательное
управление 252

Центральный союз потребительской
кооперации 129

Шведская народная партия 22,
40, 65, 102, 112, 129, 165,
179, 195, 198, 200, 201, 202,
213, 225, 247, 248, 249, 256,
260

Шюцкор 221, 253, 257

Юрьевский мирный договор 6,
52, 53, 65, 89, 250 *

«Экспортный мир» 256

«Эланто» 88, 252

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции	5
Глава 1. Перемирие и первые месяцы войны	14
Глава 2. Финляндия в сознании своей силы	74
Глава 3. Военное счастье переменчиво	108
Глава 4. Первые зондирования возможностей мира . .	139
Глава 5. Пораженческие настроения	163
Глава 6. Мир	213
Примечания	246
Приложения	263
Именной указатель	276
Предметный указатель	281

Вяйнэ Войонмаа

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПОЧТА

ИБ № 13 006

Редактор русского текста *О. В. Чхиквишвили*
Художник *И. С. Клейнард*
Художественный редактор *В. А. Пузанков*
Технический редактор *Т. И. Юрова*
Корректор *Т. А. Шустина*

Сдано в набор 27.01.84. Подписано в печать 29.05.84. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Условн. печ. л. 15,12+0,1 печ. л. вклеек. Усл. кр.-отт. 15,37. Уч.-изд. л. 15,26. Тираж 30 000 экз. Заказ № 1946. Цена 95 коп. Изд. № 38123.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
119847, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17.

Московская типография № 11 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
113105, Москва, Нагатинская ул., д. 1.